

ЛОБСАНГ РАМПА

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

«СОФИЯ» 2000

Перевод: **В. Трилис**
Редактор: **В. Трилис**
Обложка: **О. Куклина**

Лобсанг Рампа, Третий глаз.

Пер. с англ. — К.: «София», 2000. — 192 с.

Необходимость сделать новый перевод «Третьего глаза», одной из самых известных в мире книг, преподнесла нам абсолютно неожиданный подарок.

Перед вами — новый полный перевод книги, очевидно, невозможный в советские времена по цензурным соображениям. Совсем небольшие, но частые купюры в прежнем издании сделали книгу несравненно беднее. Всем, кто с давних пор любит эту книгу, непременно стоит прочесть ее в новом издании.

«Третий глаз» — поразительная история о духовном путешествии, замечательная автобиографическая повесть о необыкновенном детстве в монастыре Чакпори — оплоте тибетской медицины. Семилетний мальчик из аристократического тибетского семейства под руководством великого Мастера постигает тайны видения ауры, астральных путешествий, целительства. Это книга о дружбе с самим Далай-ламой, последним Великим Воплощением.

Это богатый художественный документ о Тибете, о его уникальной природе, о жизни и нравах его ведущих сословий — аристократии и духовенства, о системе физического и духовного воспитания детей и юношей в ламаистских монастырях, об истории страны.

Наконец, это еще и знакомство с тибетским буддизмом. Просто, увлекательно, но глубоко автор раскрывает все самое существенное в этой великой религии — от преданий, легенд и живописных культовых подробностей до высших моральных и духовных истин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ДЕТСКИЕ ГОДЫ

ГЛАВА 2. КОНЕЦ ДЕТСТВА

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДОМА

ГЛАВА 4. У ВРАТ ХРАМА

ГЛАВА 5. ЧЕЛА

ГЛАВА 6. ЖИЗНЬ В МОНАСТЫРЕ

ГЛАВА 7. ОТКРЫТИЕ «ТРЕТЬЕГО ГЛАЗА»

ГЛАВА 8. ПОТАЛА

ГЛАВА 9. «ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ ИЗ ШИПОВНИКА»

ГЛАВА 10. ОСНОВЫ ТИБЕТСКОЙ ВЕРЫ

ГЛАВА 11. ТРАППА

ГЛАВА 12. ТРАВЫ И ЛЕТАЮЩИЕ ЗМЕИ

ГЛАВА 13. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГЛАВА 14. Я ПРИМЕНЯЮ ТРЕТИЙ ГЛАЗ

ГЛАВА 15. ТАЙНЫ СЕВЕРА И ЙЕТИ

ГЛАВА 16. ЛАМА

ГЛАВА 17. ПОСЛЕДНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

ГЛАВА 18. ПРОЩАЙ, ТИБЕТ!

ГЛАВА 1 ДЕТСКИЕ ГОДЫ

— Эх ты! В четыре года не можешь удержаться в седле! Когда же ты станешь настоящим мужчиной? И что скажет твой достойнейший отец?

Старый Тзу в сердцах вытянул хлыстом пони — заодно досталось и незадачливому наезднику — и сплюнул на землю.

Раззолоченные купола и крыши Поталы искрились в лучах яркого солнца. Ближе раскинулось живое лазурное озеро Змеинового Замка, легкой рябью выдавая места, где резвились водоплавающие птицы. Вдалеке по каменистой горной тропе тянулись покидающие Лхасу люди; оттуда слышны были удары и громкие крики, которыми погонщики подбадривали медлительных яков. Где-то совсем близко время от времени сотрясало воздух низкое «бммн», «бммн» — это монахи-музыканты, забравшись подальше от слушателей, учились играть на своих бас-трубах.

Мне недосуг было любоваться этими обычными, повседневными вещами. Сложнейшая задача — удержаться на спине непокорного пони — стояла передо мной. У Наккима же на уме было совершенно иное — ему необходимо было отделаться от седока, убежать на пастбище, кататься по траве и звонко ржать.

Старый Тзу славился как суровый и принципиальный наставник. Всю свою жизнь он исповедовал настойчивость и твердость, и вот теперь его терпение — как воспитателя и инструктора верховой езды у четырехлетнего ребенка — подвергалось серьезному испытанию. На эту должность уроженец Кама был отобран из большого числа претендентов благодаря высокому, свыше семи футов, росту и огромной физической силе. В тяжелом войлочном костюме широченные плечи Тзу выглядели еще более внушительными. В Восточном Тибете есть одна область, где мужчины особенно выделяются ростом и крепким сложением. Это всегда обеспечивает им преимущество при наборе монахов-полицейских в ламаистские монастыри. Толстые подкладки на плечах одежда делают этих стражей порядка еще массивнее, а лица, вымазанные черной краской, — просто устрашающими. Они никогда не расстаются длинными дубинами и в любой момент готовы пустить их в дело; все это не может вызвать у несчастного злоумышленника ничего, кроме ужаса.

Когда-то Тзу тоже служил монахом-полицейским, но теперь — какое унижение! — должен был нянчить малыша-аристократа. Тзу не мог подолгу ходить, так как был сильно искалечен; он даже редко слезал с лошади. В 1904 году англичане под командованием полковника Янгхаз-бенда вторглись в Тибет, опустошили страну, считая, очевидно, что лучший способ завоевать нашу дружбу — это обстрелять из пушек наши дома и перебить часть и без того малочисленных тибетцев. Тзу, принимавшему участие в обороне, в одном из сражений вырвало часть левого бедра.

Мой отец был одним из лидеров тибетского правительства. Его род, как и род моей матери, принадлежал к десяти самым аристократическим и влиятельным семействам Тибета, игравшим значительную роль в политике и хозяйстве страны. Я еще расскажу вам кое-что о системе нашего правления.

Шести футов ростом, массивный и крепкий, мой отец недаром гордился своей силой. В юности он сам поднимал пони. Не многие из тибетцев могли, подобно ему, похвастать победой в состязаниях с уроженцами Кама.

У большинства тибетцев черные волосы и темно-карие глаза. Мой отец и здесь выделялся — он был сероглазым шатеном. Очень вспыльчивый, он нередко давал волю своему раздражению, которое казалось нам беспричинным.

Мы редко видели отца. Тибет переживал тяжелые времена. В 1904 году, перед вторжением англичан, Далай-лама удалился в Монголию, а на время своего отсутствия переложил управление страной на моего отца и на других членов кабинета. В 1909 году, после непродолжительного пребывания в Пекине, Далай-лама вернулся в Лхасу. В 1910 году китайцы, вдохновленные примером англичан, взяли штурмом Лхасу. Далай-ламе снова пришлось бежать, на этот раз в Индию. Во время китайской революции в 1911 году китайцев изгнали из Лхасы, но до этого времени они успели совершить множество ужасных: преступлений против нашего народа.

В 1912 году Далай-лама вернулся в Лхасу. В течение труднейших лет его отсутствия на отца и коллег по кабинету легла вся ответственность за судьбу страны. Мать не раз говорила, что в те дни отец был занят как никогда и, конечно, не мог уделить никакого внимания воспитанию детей; фактически мы не знали отцовского тепла. Мне казалось, что ко мне отец был особенно строг. Тзу, и без того скупой на похвалу или ласку, получил от него инструкцию «сделать из меня человека или сломать».

Я плохо управлялся с пони. Тзу воспринял это как личное оскорбление. В Тибете детей из высшего сословия сажают на лошадь раньше, чем они начинают ходить. В стране, где нет колесного транспорта и где все путешествуют либо пешком, либо верхом, очень важно быть хорошим наездником. Дети тибетских аристократов обучаются

верховой езде ежедневно и ежечасно. Стоя на узких деревянных седлах, на полном скаку, они умеют поражать движущиеся мишени из винтовок и луков. Хорошие наездники могут нестись по полю в полном боевом порядке и менять лошадей на скаку, то есть перепрыгивать с одной лошади на другую. А я в четыре года не способен удержаться на пони!

Мой пони Накким был мохнат и длиннохвост. Его узкая морда отличалась исключительной выразительностью. Он знал на удивление много способов сбросить на землю не уверенного в себе седока. Излюбленный прием Наккима заключался в том, чтобы взять с места в карьер и тут же внезапно затормозить, да еще наклонить при этом голову. В тот самый момент, когда я беспомощно скользил вниз по его шее, он резко вскидывал голову, с эдаким особым поворотом, чтобы я совершил полное сальто в воздухе прежде чем шлепнуться на землю. А он спокойно останавливался и смотрел на меня сверху с выражением высокомерного превосходства.

Рысью тибетцы никогда не ездят: пони слишком малы, и всадник выглядел бы просто смешным. Мягкая иноходь оказывается вполне достаточной; галоп же практикуется только в учебных упражнениях.

Тибет всегда был теократическим государством. «Прогресс» внешнего мира не представлял для нас никакого искушения. Мы хотели одного: спокойно медитировать и преодолевать ограниченность телесной оболочки. С давних времен наши мудрецы понимали, что богатства Тибета возбуждают зависть и алчность Запада. И что когда придут иностранцы — уйдет мир. Вторжение китайских коммунистов подтвердило правоту мудрецов.

Мы жили в Лхасе в престижном квартале Лингхор. Наш дом стоял недалеко от окружной дороги, под сенью Вершины. В самой Лхасе есть три кольцевые дороги и еще одна внешняя, Лингхор — ее хорошо знают паломники. В то время, когда я родился, наш дом, как и все другие дома, был трехэтажным со стороны дороги. Трехэтажная высота была официально разрешенным пределом, потому что никто не имел права смотреть сверху вниз на Далай-ламу; но поскольку этот высокий запрет действовал только на время ежегодного церемониального шествия, многие тибетцы сооружали на плоских крышах домов легко разбираемые деревянные надстройки и использовали их практически в течение одиннадцати месяцев в году.

Наш каменный, старой постройки дом большим квадратом огораживал внутренний двор. На первом этаже размещался скот, а мы жили в верхних помещениях. В доме была каменная лестница; в большинстве тибетских домов есть такие лестницы, хотя крестьяне вместо лестниц используют врытые в землю столбы с зарубками, лазая по которым нетрудно сломать себе ноги. Захваченные масляными руками столбы от частого пользования становятся такими скользкими, что обитатели нередко по неосторожности срываются с них и приходят в себя уже этажом ниже.

В 1910 году, во время нашествия китайцев, наш дом был частично разрушен; особенно пострадали внутренние стены. Отец заново отстроил дом и сделал его пятиэтажным. Поскольку достроенные этажи не выходили окнами на окружную дорогу и мы не имели возможности взирать свысока на Далай-ламу во время процессий, то этому никто не перечил.

Дверь, ведущая во внутренний двор, была массивной и темной от времени. Китайские захватчики не одолели ее мощного каркаса и сумели только пробить брешь рядом в стене. Как раз над этой дверью находилось помещение эконома, наблюдавшего за всеми, кто входил и выходил из дома. Он вел хозяйство, распределял обязанности по дому, увольнял и назначал слуг. Когда монастырские трубы возвещали конец дня, под окном эконома собирались нищие Лхасы, чтобы запастись чем-нибудь на ужин. Все состоятельные жители города знали бедняков в своих кварталах и помогали им. Часто по улицам проходили закованные в цепи узники: тюрем в Тибете было очень мало, поэтому осужденные просто ходили по улицам и собирали милостыню.

В Тибете к осужденным относятся снисходительно, без презрения, никто не считает их отвергнутыми обществом. Мы понимаем, что на их месте может оказаться каждый, и жалеем их.

Справа от эконома жили, каждый в своей комнате, два монаха. Это были наши духовники, денно и нощно молившие небеса о благоволении к нашему дому. Среднеимущие семьи содержали только одного духовника, наше социальное положение обязывало иметь двоих. К ним обращались за советами и, прежде чем что-либо сделать, просили их помолиться богам о ниспослании удачи. Раз в три года духовники менялись — прежние уходили в свой монастырь, а на их место поступали новые.

В каждом крыле дома была часовня, где перед алтарем с деревянными скульптурами горели масляные светильники. Семь чаш со святой водой постоянно начищались до блеска, несколько раз в день их наполняли заново. Это делалось на тот случай, если боги придут и захотят напиться. Духовников хорошо кормили — тем же, чем питалась вся семья, — чтобы молитва их была страстной и чтобы боги услышали, как добротна наша пища.

Слева от эконома жил юрист, который следил за тем, чтобы все в доме делалось по обычаю и по закону. Тибетцы очень уважают свои традиции и законы, и наш отец должен был служить выдающимся образцом законопослушания.

Я вместе с братом Пальжором и сестрой Ясодхарой жил в новой части дома, наиболее удаленной от дороги. Слева от нас находилась наша часовня, а справа — классная комната, в которой вместе с нами учились и дети слуг. Уроки были длинными и разнообразными.

Жизнь Пальжора оказалась недолгой. Он был слишком слаб, чтобы приспособиться к тем трудностям, которые были уготованы нам. Ему не исполнилось еще и семи лет, когда он покинул этот мир и отправился в страну Тысячи Храмов. Ясо тогда было шесть, а мне — четыре года. Я и сейчас словно вижу, как за братом, исхудавшим и высохшим, как кора дерева, пришли служители Смерти, взяли его труп и унесли с собой, чтобы разрубить на куски и отдать грифам, как того требовал обычай.

Я стал теперь наследником семьи, и занятия мои усложнились. Мне было четыре года; я питал непреодолимое равнодушие к лошадям. Отец же, человек строгих правил, хотел, чтобы я воспитывался в условиях железной дисциплины — в назидание всем.

В моей стране есть такое правило: чем знатнее род, тем суровее должно быть воспитание. В отдельных аристократических семьях допускалось некоторое послабление в вопросах воспитания детей — но только не в нашей! Отец придерживался мнения, что если сын бедняка не может в будущем рассчитывать на легкую жизнь, то хотя бы в юные годы он имеет право на снисхождение и мягкое отношение к нему; и наоборот, знатного отпрыска в дальнейшем ожидают все блага, соответствующие его роду, поэтому предельно суровое детство и граничащее с жестокостью воспитание, в основу которого положены трудности и лишения, помогут взрослому знатному человеку лучше понимать бедняков и относиться сочувственно к их заботам и нуждам. Такая постановка вопроса официально исходила от правительства. Подобная система воспитания оказывалась роковой для слабых здоровьем детей, зато для тех, кто выживал, потом не существовало никаких преград.

Тзу занимал комнату на первом этаже у главного входа. Побывав когда-то монахом-полицейским и повидав на своем веку людей разных, Тзу сильно тяготился положением отставного служаки в роли дядьки. Рядом с его комнатой находились конюшни с двадцатью выездными лошадьми отца, тибетскими пони и рабочим скотом.

Конюхи ненавидели Тзу за его казенное усердие и привычку совать нос не в свое дело. Когда отец выезжал куда-либо верхом, его неизменно сопровождал вооруженный эскорт из шести всадников. У всадников была своя форма, и Тзу постоянно придирался к ним по поводу ее безупречности.

По неизвестной мне причине эти шесть человек имели обыкновение выстраивать

коней у стены, повернувшись к ней спиной, и скакать навстречу отцу, как только он выезжал из ворот. Я заметил, что если свеситься из окна амбара, то можно дотянуться рукой до всадника. Однажды, от нечего делать, я пропустил веревку через кожаный пояс одного из них в тот момент, когда он занимался проверкой своего снаряжения. Мне удалось связать узлом концы веревки и накинуть ее на крюк амбара. Все это произошло незаметно в общей суете и разговорах. При появлении отца пять всадников поскакали ему навстречу; шестого веревка стащила с лошади. Грянувшись о землю, он заорал во всю глотку, что попал в когти злых духов. Пояс свалился, а я в общей суматохе тихонько снял веревку и незаметно исчез. После этого я с большим удовольствием потешался над жертвой моей шуточки:

— Эй, Нетук, так ты, оказывается, тоже плохо держишься в седле?

Жизнь становилась нелегкой — приходилось бодрствовать по 18 часов из 24. Тибетцы считают, что неразумно спать днем: дневные демоны могут найти спящего и вселиться в него. По этой причине спать запрещают даже детям, так как родители боятся, что их дети станут «одержимыми». К больным тоже приставляют монахов, в обязанности которых входит не давать подопечным спать в неподходящее время. Снисхождения нет никому — даже умирающие должны пребывать как можно дольше в состоянии полного сознания, чтобы не сбиться с пути, переселяясь в другой мир, не затеряться во время перехода.

В школе мы изучали китайский язык и две разновидности тибетского: язык общепотребительный и язык высокого стиля. Первым надлежало пользоваться в разговоре с домашними и с людьми низших рангов, второй служил для общения с людьми равными по происхождению или рангом выше. Правила требовали изысканного обращения даже с лошадью более знатного человека, чем ты сам! К примеру, любой из слуг, проживавших в доме, при встрече с нашей аристократической кошкой, величественно шествовавшей через весь двор по своим загадочным делам, спрашивал ее:

— Не соизволит ли досточтимая Кис-кис пройти со мной и отведать недостойного молока?

Досточтимая Кис-кис, однако, независимо от оттенков стиля, соглашалась только тогда, когда ей этого хотелось.

У нас был очень большой класс. В свое время это помещение служило столовой для приходящих монахов, но потом, когда реконструировалось все здание, его переделали под школьные занятия. В школе учились все дети, проживавшие в нашем доме; набиралось их до шести десятков. Сидели мы на полу, скрестив ноги, перед столом или длинной скамейкой высотой около полуметра, и всегда спиной к учителю, чтобы не знать, когда и на кого он смотрит. Работать приходилось много и без передышки.

В Тибете бумагу изготавливают вручную, стоит она дорого — слишком дорого, чтобы позволить ее портить детям. Поэтому мы пользовались грифельными досками размером 30 на 35 сантиметров. Писали кусочками твердого мела, который добывался в горах Цсу Ла, еще на 4 тысячи метров выше Лхасы (сама столица находится на высоте 4 тысяч метров над уровнем моря).

Мне нравился мел красноватого оттенка, а сестра Ясо обожала пурпурный. Вообще нам попадался мел всевозможных цветов — красный, желтый, синий, зеленый. Я думаю, что оттенки ему придавали примеси каких-то металлов. Но какой бы ни была причина, разноцветные мелки нас очень радовали.

Больше всего неприятностей мне доставляла арифметика. Вообразите себе: 783 монаха употребляют каждый по две чашки тсампы ежедневно, причем в каждой чашке уместается по 350 граммов напитка; требуется определить, какой будет бочка, в которой содержится недельный запас тсампы. Ясо получала ответ как бы играючи. Мои способности, увы, были не столь заметны. Зато они проявились на уроках гравировки — здесь я добился неплохих успехов. Все тибетское письменное наследие хранится на

деревянных дощечках, заполненных с помощью гравировки. Гравировка по дереву считается в Тибете очень почетным занятием. Но дети, опять-таки, не могли пользоваться деревом из-за его дороговизны. Оно ввозилось из Индии. Тибетские породы деревьев были слишком твердыми и не годились для гравировки. Мы работали на мягком мыльном камне, который хорошо поддавался остро заточенному ножу, а иной раз гравировали просто на засохшем старом сыре!

Незабываемыми для меня были уроки по изучению наших законов. Чтением законов начиналось каждое занятие, чтением законов оно и заканчивалось. Вот некоторые из них:

- Отвечай добром на добро.
- Не нападай на мирных.
- Читай Священное писание и понимай его.
- Помогай соседям.
- Закон строг к богатым и внушает им понимание и равенство.
- Закон мягок к бедным и утешает их.
- Плати долги своевременно.

А чтобы мы никогда не забывали эти законы, они были выгравированы в виде лозунгов и развешаны на всех четырех стенах класса.

Впрочем, жизнь наша протекала не только под знаком учебы и строгости. Детским играм и забавам мы предавались с таким же рвением, как и учебе. Игры помогали лучше приспособиться к суровому климату Тибета, к резким переменам температур. Достаточно сказать, что летом на юге температура достигает днем 30° С, а ночью могут ударить заморозки. Зимой в Тибете вообще стоят страшные холода.

Любимым нашим развлечением была стрельба из лука — эта игра хорошо укрепляет мышцы. Луки изготавливались из тиса, привезенного из Индии. Однако мы мастерили и арбалеты из тибетского дерева. Мы никогда не стреляли по живым мишеням — это запрещает наша буддистская вера. С помощью длинной веревки невидимые для наших глаз слуги поднимали и опускали мишени без предупреждения. Большинство моих товарищей могли точно поразить цель на полном скаку. Я же не мог даже сколько-нибудь долго удержаться в седле! Зато прыжки с шестом были моим коньком. Мы быстро разбегались с пятиметровым шестом в руках и, упираясь им в землю, прыгали. Я уже говорил, что сверстники подолгу находились в седле, ноги у них были не так натренированы и слабее моих. Вот почему в этом виде физических упражнений я всегда был первым.

Серьезное практическое значение имеют у нас прыжки с шестом — например, при переходе через ручьи. Мне было смешно смотреть на товарищей, когда они, пытаясь вслед за мной перепрыгнуть ручей, друг за дружкой шлепались в воду.

Ходьба на ходулях была еще одним развлечением. Взобравшись на них, мы играли в великанов, устраивали поединки. Кто первый падал с ходуль, тот и считался побежденным. Ходули мы делали дома сами — о том, чтобы купить их в лавке за углом, не могло быть и речи. Наш эконо́м был слугой рачительным, и требовалось большое искусство убеждения, чтобы выпросить у него дерево на ходули и подножки. Дерево необходимо ровное, без сучков, а подножки в форме треугольников делаются из остатков материала. Поскольку речь шла о «порче» дорогого и редкого материала, приходилось выжидать благоприятного момента, чтобы подступиться к эконо́му со своими замыслами.

Девушки и молодые женщины играли в волан — кусочек дерева с просверленными на одной стороне отверстиями и вставленными в них перьями. Волан можно было бить только ногами. Девушки, поддерживая юбки для удобства на некоторой высоте, наносили по волану удары, стараясь не допустить его падения на землю. Запрещалось дотрагиваться до волана рукой — это означало немедленную дисквалификацию. Опытные участницы могли продержать волан в воздухе до десяти минут, не допуская ни одного промаха.

Но самый большой интерес в Тибете, по крайней мере в административном округе

Ю, где находится Лхаса, вызывал запуск змеев. Эту игру можно считать национальным видом спорта. Правда, запускали змеев только в определенное время года. По многолетним наблюдениям было установлено, что массовый запуск змеев в горах вызывает ливневые дожди; это приписывалось гневу богов дождей, поэтому запуск разрешался только осенью, в сухой сезон. В некоторые времена года люди старались даже не кричать в горах, потому что крик способствует быстрой конденсации перенасыщенных дождевых облаков из Индии, в результате чего тропический ливень может разразиться совсем не тогда и не там, где нужно.

Итак, в первый же день осени одинокий змей повисал над крышей храма Потала. Через несколько минут уже все небо над Лхасой пестрело другими змеями всевозможных форм, размеров и цветов. Они выписывали виражи, подпрыгивали и раскачивались на сильном ветру.

Я обожал эту игру и всегда торопился, чтобы мой змей взлетел в небо одним из первых. Мы сами мастерили эти летательные аппараты. Обычно змей состоял из легкого бамбукового каркаса, обтянутого красивым шелком. Нам охотно давали этот высококачественный материал, поскольку хороший змей был вопросом чести каждого приличного дома. К основной коробке мы часто приделывали голову, крылья и хвост, и змей принимал вид страшного дракона.

Мы разыгрывали целые сражения, в ходе которых каждый из нас стремился свалить на землю змея противника. Для этого мы унизывали веревку змея осколками стекла или обмазывали ее клеем, смешанным со стеклянной пылью, рассчитывая на то, что веревки соперника удастся перерезать и тогда его аппарат достанется победителю.

Иногда мы крадучись выходили на улицу поздно вечером и запускали змеев, предварительно закрепив в их головах и туловищах небольшие масляные фонарики. Глаза наших драконов загорались красным светом, разноцветные туловища тоже выделялись на фоне черного неба. Особенно увлекательной бывала эта игра в тот период, когда ожидалось прибытие в Лхасу больших караванов яков из провинции Лхо-Дзонг. По детской наивности мы полагали, что караванщики, эти «темные» люди из далекой провинции, никогда у себя дома и слыхом не слыхали о такой «новинке», как наши летающие змеи. И, конечно же, нам очень хотелось напугать их до полусмерти.

Один из наших трюков заключался в том, что в змея вкладывались три различные по размерам раковины, и размещались они так, что от проходящей через них струи воздуха змей начинал издавать сверхъестественные стоны. По нашим представлениям, эти стоны ничем не отличались от звуков, какие издают изрыгающие огонь драконы, и мы были уверены, что они проймут торговцев до костей. Детское воображение подсказывало, какие ужасы испытывают несчастные в своих кибитках в тот момент, когда наши драконы с воем проносятся над их головами. Мы сами холодели от этой мысли.

Я не мог себе и представить, что эти игры помогут мне в будущем, когда действительно придется летать на змеях. Но тогда это была лишь игра — зато какая увлекательная!

Были игры и опасные. Например, мы сооружали огромных змеев, размерами до двух-трех квадратных метров, с крыльями по бокам. Мы тащили их к обрыву, где бывали особенно мощные восходящие потоки воздуха. Обвязав себя одним концом веревки вокруг пояса, мы пускали лошадь вскачь. Змей резко взмывал вверх. Поднимаясь все выше и выше, он встречался с сильным воздушным потоком, всадника резко отрывало от седла, и он некоторое время несся в трех-четырех метрах над землей, повиснув на веревке. Некоторых ловкачей едва не разрывало на две части, из-за того что они забывали вовремя высвободить ноги из стремян. Мне было легче: я привык падать с лошади и спрыгивал вовремя, с большим удовольствием продолжая полет на змее. Забыв всякую осторожность и пускаясь во все новые авантюры, я установил, что если в момент подъема змея резко дернуть за веревку, то змей поднимается еще выше и полет можно таким образом продлить еще на несколько секунд.

Однажды я дернул за веревку с таким старанием и энтузиазмом — а ветер тоже мне помог, — что меня занесло на крышу крестьянского дома, где хозяин разложил топливо на зиму. (Наши крестьяне живут в домах с плоскими крышами. На них они раскладывают помет яков, который затем в сухом виде сжигается в очагах.)

Дом, на крышу которого я свалился, был сложен из брикетов высушенного ила, а не из камня, как большинство домов в Тибете. Там не было трубы, вместо нее в крыше зияла дыра, через которую выходил дым. Меня протащило по крыше, недосушенный навоз разлетелся во все стороны, часть его свалилась в дыру для дыма, а затем туда же рухнул и я, прямо на головы несчастных жильцов.

Мое появление, разумеется, не слишком обрадовало хозяев. Они встретили гостя гневными криками, и для начала разъяренный хозяин задал мне хорошую взбучку, а потом отвел к отцу. Отец, в свою очередь, прописал мне еще одну дозу исправительного лекарства. В ту ночь я спал на животе.

На следующий день моя жизнь еще больше усложнилась: мне предстояло насобирать в конюшне необходимое количество навоза и разложить его в должном порядке на крыше дома того самого крестьянина. Работа, можно сказать, адская для ребенка, которому еще не исполнилось и шести лет. Зато всем, кроме меня, было хорошо: сверстники вволю посмеялись надо мной, крестьянин получил топлива вдвое больше, чем у него было, а мой отец еще раз показал всем, какой он строгий, но справедливый. Я же и вторую ночь вынужден был спать на животе — верховая езда не послужила мне утешением.

Может показаться, что со мной обошлись слишком строго, но я должен возразить: в Тибете нет места слабым. Лхаса находится на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, ее климат очень суров, температура колеблется в самых широких пределах; другие населенные пункты расположены еще выше, и слабые здоровьем люди представляют тяжкую обузу для других. В этом причина сурового воспитания детей, и других причин здесь нет, как нет места жестокости ради жестокости.

В высокогорных районах тибетцы купают новорожденных в ледяных ручьях, чтобы выяснить, достаточно ли ребенок крепок и имеет ли он право на жизнь. Мне не раз приходилось видеть небольшие процессии, направлявшиеся к ледяным источникам на высоте около 6 тысяч метров над уровнем моря. Прибыв на место, процессия останавливается. Бабушка берет на руки ребенка, вокруг нее собирается вся семья — отец, мать, ближайшие родственники. Ребенка раздевают, и бабушка погружает маленькое тельце в поток по самую шею, так что на поверхности остается одна голова. Холод насквозь пронизывает ребенка, он моментально краснеет, затем синеет. Скоро плач прекращается — младенец больше не в силах протестовать. Кажется, что он уже мертв, но у бабушки немалый опыт по этой части: она вытаскивает его из ручья, насухо вытирает и одевает. Выживет ли ребенок? На это воля Божья! Если умрет, значит, меньше несчастий выпадет на его долю. В стране с таким холодным климатом подобное испытание проводится из самых добрых побуждений — нельзя оставлять слабых и больных там, где медицинская помощь почти отсутствует. Смерть нескольких младенцев считается здесь меньшим злом, чем жизнь нескольких неизлечимых инвалидов.

После смерти брата мои занятия пришлось ускорить, потому что в семилетнем возрасте полагалось уже готовиться к карьере. Какой? А это уж как скажут астрологи. В Тибете любое решение — от покупки яка до выбора профессии — принимается по предсказанию астролога. Приближался такой момент и в моей жизни: как раз накануне моего семилетия мать собиралась устроить грандиозный прием и пригласить на него все высшее общество, чтобы выслушать предсказания астрологов.

Моя мать была женщина выдающейся полноты, круглолицая и черноволосая. Тибетские женщины носят на голове специальные деревянные формы, через которые пропускают и укладывают волосы самым причудливым образом. Эти формы обычно

покрывают лаком, инкрустируют полудрагоценными камнями — нефритом, кораллом; вообще эти изделия давно стали предметом очень тонкого искусства. Если женская прическа еще и блестит, смазанная маслом, то впечатление она производит очень яркое.

Наши женщины любят платья самых веселых расцветок, с преобладанием красных, зеленых и желтых цветов. Однотонный передник с горизонтальной контрастирующей, но гармоничной по цвету лентой — почти постоянный атрибут их одежды. В левом ухе носится серьга, размеры которой зависят от положения в обществе. Мать принадлежала к семье из правительственных кругов и носила серьгу длиной более 15 сантиметров.

Мы всегда были сторонниками полного равноправия мужчин и женщин. Но в управлении домашними делами моя мать пошла дальше — она не признавала никакого равенства. В своей стихии она пользовалась непререкаемым авторитетом, властью диктатора, — короче говоря, что хотела, то и делала.

В суматохе и эмоциональном ажиотаже по поводу устройства приема она действительно чувствовала себя как рыба в воде. Надо было все организовать, всем распорядиться, предусмотреть все мелочи, придумать нечто такое, что бы «поразило» соседей. И ей все удавалось с блеском, поскольку частые поездки с отцом в Индию, Пекин и Шанхай порождали в ее голове массу экзотических идей, которых могло бы хватить не на одну жизнь!

После того как была назначена дата приема, монахи принялись с особой тщательностью и радением выписывать приглашения на толстых, ручной работы, листах бумаги, предназначенных для важных сообщений. Размер каждого такого послания составлял 30 на 60 сантиметров, и скреплялось оно печатью отца семейства. Рядом с печатью отца мать ставила и свою — знак ее принадлежности к знатному роду. Была у них и общая печать, так что всего выставлялось три печати — приглашение представляло собой грандиозный документ. Я дрожал от страха при одной мысли, что оказался причиной таких больших событий. Я не мог в ту пору знать, что во всей этой затее моя роль была более чем скромной: на первый план выдвигалось Общественное Событие. Если бы мне сказали тогда, что прием поднимет престиж моих родителей, я бы все равно ничего не понял. И мне все равно было бы страшно.

Для рассылки приглашений назначались специальные гонцы. Каждый гонец садился на чистокровного жеребца и брал в руки жезл, на конце которого был прикреплен пакет с изображением фамильного герба. Жезлы украшались лентами с написанными на них молитвами, и ленты развевались в воздухе во время езды.

Когда наступил момент отправки гонцов, в нашем дворе началось светопреставление. Слуги охрипли от криков, лошади ржали, огромные черные доги лаяли. Выпив по последнему глотку тибетского пива, всадники шумно опустили кружки. Тут со скрипом открылись главные ворота, и вся кавалькада с дикими воплями устремилась вперед.

У тибетских гонцов, несущих письменное послание, есть еще и устный вариант, причем содержание второго может существенно отличаться от содержания первого. В давние времена бандиты, устраивавшие засады на гонца, могли перехватить послание и, воспользовавшись им, совершить нападение на плохо защищенный дом или процессию. Поэтому возник обычай писать заведомо ложные послания, чтобы, в свою очередь, завлечь в западню разбойников. Обычай двойного послания сохранился до наших дней. Поэтому еще и сегодня письменное послание может отличаться от устного варианта, который в таком случае является единственно верным.

В доме беготня, переделки, уборка! Стены вымыты и покрашены заново. Потолки выбелены. Паркетные полы натерты воском и так отполированы, что ходить по ним становится небезопасно. Алтари главных комнат отлакированы. Появилось большое количество новых масляных ламп — одни золотые, другие серебряные, но все надраены так, что не отличишь, из какого металла они сделаны. Мать и эконом, не ведая покоя, носятся по дому как угорелые, распоряжаются и распекают направо и налево всех, кто им

попадает под руку. Слуги растерянно бегают, вид их жалок, они ничего не успевают сделать. У нас своих слуг больше пятидесяти, да еще наняли других по случаю приема. Никто не бездельничает, все работают с усердием. Даже двор вычищен, плиты так и сверкают, будто их только что доставили из каменоломни. Чтобы придать им праздничный вид, межплиточные стыки заполняют разноцветными материалами.

Когда все было готово, мать собрала ошалевших слуг и приказала им нарядиться в чистейшие из чистых одежд.

На кухнях царило еще большее оживление — предстояло наготовить огромное количество еды! Тибет представляет собой гигантский холодильник — пища, заготовленная впрок, долго не портится благодаря сухому и холодному климату. Даже при повышенных температурах съестные запасы в сухом воздухе не портятся. Поэтому мясо сохраняет свежесть в течение года, а зерно может храниться несколько столетий.

Буддисты не убивают. Они употребляют в пищу мясо лишь тех животных, которые погибли в результате падения с горы либо убиты случайно. Наши житницы и кладовые всегда были набиты продуктами.

В Тибете есть и профессия мясника, но ортодоксальные семьи не общаются с мясниками — это каста «неприкасаемых».

Мать решила принять гостей столь же оригинально, сколь и роскошно. В частности, она задумала угостить их специально приготовленными цветками рододендрона. Еще за несколько недель до приема часть слуг верхом на лошадях отправилась к подножию Гималаев, где можно найти самые изысканные цветы. У нас растут рододендроны-гиганты, отличающиеся удивительной гаммой оттенков и запахов. Для сбора годятся едва распустившиеся бутоны; их сразу же осторожно промывают. Осторожность необходима: достаточно малейшей царапины, и «варенье» будет испорчено. После этого каждый цветок погружают в большую стеклянную банку, наполненную водой и медом. Особенно следят за тем, чтобы воздух не попал внутрь бокала. Банку закрывают и ежедневно в течение последующих нескольких недель выставляют на солнце и регулярно поворачивают, чтобы все части цветка получили необходимую порцию солнечного света. Цветок медленно растет, напитываясь нектаром из медового раствора. Некоторые перед употреблением в пищу выдерживают цветок еще несколько дней на воздухе, так чтобы лепестки стали слегка хрустящими, но еще не потеряли вида и аромата. Иногда лепестки посыпают сахарной пудрой, имитирующей снег.

Отец недовольно ворчал:

— Вместо этих красивых цветочков мы могли бы купить десять яков со всей упряжью.

Но мать отвечала с чисто женской логикой:

— Не будь глупым, наш прием должен быть всем на удивление; а что касается расходов, то это мои проблемы.

Другим деликатесом был суп из плавников акулы. Кто-то из гостей заметил, что «это блюдо — мировая вершина гастрономического искусства». Мне же суп страшно не понравился. Меня едва не стошнило, когда пришлось его пробовать. Акулу доставили из Китая в таком жалком состоянии, что по внешнему виду ее вряд ли узнал бы даже бывший владелец. Мягко выражаясь, она была «слегка с душком». Кое-кто считает, что от этого вкус только улучшается.

Зато мне пришлось по душе молодые сочные побеги бамбука, также привезенные из Китая. Существует несколько способов приготовления побегов, но я съедал их в сыром виде, посыпав щепоткой соли. Особенно мне нравились желто-зеленые молоденькие кончики побегов! Кажется, большинство стеблей, которые повар готовил для закладки в кастрюлю, оказались без кончиков, и повар явно сожалел об этом, потому что сам он тоже предпочитал есть их сырыми. Он смутно догадывался, в чем дело, но доказательств у него не было!

В Тибете на кухне хозяйничает мужчина. Женщины ничего не смыслят в таких

вещах, как приготовление тсампы и составление точных смесей. Они бросят горсть того, подсыплют на глаз горсть другого и думают, что все в порядке. Мужчины вдумчивы, терпеливы и поэтому, как правило, оказываются лучшими поварами. Поболтать и посудачить — здесь женщинам нет равных, как и кое в чем другом. Но только не в приготовлении тсампы.

Тсампа — основная пища тибетцев. Для некоторых чай и тсампа вообще являются единственными блюдами на всю их жизнь, от первого приема пищи до последнего. Готовится тсампа из ячменя, который поджаривают до тех пор, пока он не примет золотисто-коричневый оттенок. Затем ячмень мелют на муку, муку в свою очередь снова поджаривают, ссыпают в чашу и заливают горячим чаем с растопленным маслом. Все содержимое круто замешивают и придают ему форму галеты. Соль, буру и масло яка добавляют по вкусу. Приготовленная таким образом тсампа раскатывается, нарезается кусочками и подается в виде лепешек или печенья различной формы. Тсампа сама по себе не очень привлекает к обеденному столу, но все же служит достаточно емкой и сбалансированной пищей на всех высотах в любых условиях.

Но вернемся к нашему торжественному приему. Одни готовили тсампу, другие делали масло, пользуясь технологией, которую никак нельзя рекомендовать с точки зрения гигиены. Большие мешки из козьих шкур мехом внутрь служили бурдюками для пахтанья масла. Их наполняли молоком яков или коз. Для того чтобы молоко не вытекало, горловина мешка скручивалась и накрепко затягивалась. Мешки с молоком энергично мяти и встряхивали до тех пор, пока в них не сбивалось масло. Для этой работы были оборудованы специальные маслобойни из булыжников, выступающих из земли почти на полметра.

Если наполненные молоком мешки многократно поднимать и опускать на булыжники, то масло внутри отделяется от молока, сбивается — это и называется пахтаньем. Даже наблюдать было тяжело, когда человек по двенадцать слуг часами занимались этим делом. Тяжело дыша, охая, они поднимали и опускали, поднимали и опускали мешки на камни. Иногда мешки, то ли от неловкости обращения, то ли от ветхости, лопались. Мне запомнился один здоровяк, который трудился с каким-то яростным усердием, словно хвастаясь силой своих мышц. Он работал вдвое быстрее других, от напряжения у него на шее вздувались вены. Однажды кто-то ему заметил:

— Стареешь ты, Тимон, медленнее стал работать.

Проворчав в ответ что-то нелестное, Тимон яростно схватил мешок и в сердцах бросил его на камни. Но тут сила сослужила ему плохую службу — мешок порвался в тот самый момент, когда Тимон стоял над ним, вытянув руки и шею. Взметнулся столб еще полужидкого масла и ударил растерявшегося Тимону прямо в лицо, залепив глаза, рот, уши и волосы. Галлонов пятнадцать масла и пахты золотистой массой стекали по телу богатыря.

На шум прибежала мать. Насколько я знаю, это был единственный случай в ее жизни, когда она не сказала ни слова. То ли она пришла в ярость, видя, сколько масла пропало, то ли ей показалось, что бедняга захлебнулся, но она молча схватила тяжелый разорванный мешок и с размаху шлепнула им Тимона по голове. Незадачливый Тимон потерял равновесие, поскользнулся и растянулся в масляной луже.

Случалось, неловкие слуги, такие, как Тимон, портили масло. Достаточно одного небрежного движения при опускании мешка на камень, чтобы шерсть внутри отделилась от шкуры и смешалась с маслом. Если вытащить из масла дюжину-другую волосков считалось обычным делом, то целый клочок шерсти вызывал неприятные чувства. Испорченное масло сжигалось в масляных лампах или раздавалось нищим, которые его перетапливали и отфильтровывали. Нищим перепалили и всевозможные «ошибки» поваров. Если в каком-нибудь доме принималось решение показать соседям настоящий уровень жизни, то такого рода «ошибки», то есть на самом деле замечательно приготовленные блюда, отдавались нищим. После чего эти джентльмены,

ублагодотворенные и наевшиеся до отвала, ходили и рассказывали, как бы между прочим, как их хорошо угощали. В свою очередь соседи, не желая ударить лицом в грязь, закатывали нищей братии угощение по первому разряду. Можно было бы долго рассказывать о том, как живут нищие в Тибете. Они ни в чем не нуждаются; профессия нищего, владеющего всеми традиционными приемами, обеспечивает просто роскошную жизнь.

В большинстве восточных стран нищенство не считается позорным. Множество монахов ходят от монастыря к монастырю, прося милостыню, и эта практика считается столь же достойным занятием, как и, скажем, распространенный в других странах обычай собирать деньги на благотворительные цели. Тот, кто накормит странствующего монаха, совершает доброе дело. У нищих есть свои законы: получив, например, милостыню, они уходят и некоторое время не беспокоят щедрого хозяина.

Два наших монаха также принимали деятельное участие в приготовлениях к приему. Они заходили в кладовые, где лежали мясные туши, и возносили молитвы обитавшим в них раньше душам. Наша религия учит, что если животное погибло — даже случайно — и люди хотят его съесть, то они становятся его должниками. Долг оплачивается через духовника, который, стоя перед тушей, возносит молитвы его душе. В ламаистских монастырях и храмах есть монахи, которые только тем и занимаются, что молятся за животных. Перед долгой дорогой наши монахи просят у богов милости к лошадям, чтобы те не уставали на трудном пути. Лошадь никогда не выводят из конюшни два дня подряд. Если на ней ездили вчера, то сегодня она отдыхает. Это правило распространяется и на тягловых животных. И животные прекрасно все понимают. Если, например, по ошибке оседлали лошадь, которая работала накануне, то ее и с места не сдвинешь. Когда с нее снимают седло, она отходит в сторону и покачивает головой, как бы говоря: «Хотела бы я посмотреть на вас, если бы с вами поступили так несправедливо». С ослиами дело обстоит еще хуже. Они ждут, когда на них навьючат тюки, а потом падают и перекатываются с боку на бок, норовя раздавить поклажу.

Были у нас и три кошки, постоянно занятые своим делом. Одна жила в конюшне и навела там железный порядок среди мышей. С мышами иначе нельзя — они могут так обнаглеть, что съедят и саму кошку. Другая жила на кухне. Точнее, это был кот, старый и немного простоватый. Он появился на свет преждевременно и выжил один из окота — так перепугал в 1904 году Янгхасбенд своими пушками кошку-мать. Поэтому новорожденному совершенно справедливо дали кличку Янгхасбенд. Третья кошка пользовалась репутацией весьма респектабельной матроны и жила с нами. Это был настоящий образец материнской добродетели — она ни в чем не отказывала своим шаловливым котятам. В минуты, свободные от воспитательной деятельности и материнских обязанностей, она ходила за моей матерью из комнаты в комнату, черная, маленькая, гибкая — ходячий скелет, несмотря на прекрасный аппетит. В Тибете к животным относятся очень трезво. С ними не сюсюкают, но и не рассматривают как рабов. Животное — это прежде всего живое существо, выполняющее предназначенную ему миссию и, подобно человеку, имеющее свои права. Буддизм учит, что весь скот, все живые создания обладают душой и достигают все более высоких степеней развития с каждым перевоплощением.

Ответов на приглашения мы ждали недолго. Со всех сторон к нам уже неслись всадники, размахивая палками с посланиями. Эконом каждый раз спускался вниз из своей комнаты, чтобы лично засвидетельствовать почтение посланникам знатных господ. Сорвав с палки послание, всадник тут же без передышки выпаливал и устный вариант. А затем у него подкашивались ноги и он падал на землю, разыгрывая сцену полного изнеможения. Пусть все видят — он сделал все возможное, чтобы скорее прибыть в дом Рампы! Наши слуги, окружив посланника, разыгрывали свою роль:

— Бедняга! Как он быстро скакал! Непостижимо! Да у него может разорваться сердце! Бедный и доблестный юноша!

Однажды я сильно опозорился, не к месту вмешавшись в разговор.

— Не бойтесь за его сердце, — сказал я. — Я видел, как он только что отдыхал поблизости, набираясь сил перед тем, как прискакать к нам во двор!

Из скромности я не буду рассказывать о несколько неловком молчании, которое последовало за моими словами.

Наконец наступил тот великий и страшный день, когда, как я понимал, должна была решиться моя судьба, причем никто не будет спрашивать у меня совета. Едва первые лучи солнца показались из-за гор, как в спальню ворвался слуга:

— Как? Ты до сих пор не встал, Тьюзди Лобсанг Рампа? Лежебока! Уже четыре часа, у нас масса дел. Вставай!

Я сбросил одеяло и вскочил с постели. Сегодня передо мной открывается дорога моей жизни.

В Тибете детям дают два имени. Первое имя — это день недели, когда рождается ребенок. Я родился во вторник, поэтому имя Тьюзди (Вторник) идет впереди имени, данного мне родителями, — Лобсанг. Но когда мальчик поступает в монастырь, ему дают еще одно имя. Будет ли так и со мной? Осталось ждать несколько часов, и я все узнаю. Мне исполнилось семь лет. Я мечтал стать лодочником; мне очень хотелось испытать бортовую и килевую качку на реке Цанг-По, в шестидесяти километрах отсюда. Хотя, впрочем, минуточку... Хотел ли я этого действительно? Все лодочники относятся к низшей касте, поскольку их лодки делаются из шкур яков, натянутых на деревянный каркас. Я лодочник? Я буду принадлежать к низшей касте? Нет, ни за что. Мне хотелось бы стать профессионалом в таком деле, как полеты на змеях. Да, лучше быть свободным и легким, как воздух, лучше летать, чем в каком-то жалком челноке из шкур яка барахтаться посреди бурной реки. Я стану крупным специалистом по полетам на змеях. Я буду делать огромных змеев с большими головами и сверкающими глазами. Сегодня астрологи скажут свое слово. А может быть, еще не поздно выпрыгнуть из окна, убежать куда-нибудь и спрятаться? Отец сразу же пошлет за мной погоню, меня найдут и доставят обратно домой. В конце концов, я один из Рампа и обязан следовать нашим традициям. Как знать, может астрологи все-таки скажут, что я рожден для того, чтобы летать на змеях. Оставалось только ждать и надеяться.

ГЛАВА 2 КОНЕЦ ДЕТСТВА

Ай, Юлджи, ты мне вырвешь все волосы! Постой же! Ты хочешь, чтобы я стал плешивым, как монах?

— Тише, Тьюзди Лобсанг. Твоя коса должна быть прямой и хорошо умашенной, иначе твоя достопочтенная мать спустит с меня шкуру.

— Нельзя ли поосторожнее, Юлджи? Ты же мне шею свернешь.

— Ничего, потерпи. Я и так спешу.

Я сидел на земле, а здоровенный слуга возился с моей косой, ухватившись за нее,

как за дверную ручку. Наконец эта ужасная штука стала дыбом, как смерзшаяся шкура яка, зато блестела, словно лунная дорожка на чистом озере.

Мать не приседала. Она так быстро перемещалась по дому, что могло сложиться впечатление, будто у меня несколько матерей. Она принимала мгновенные решения, отдавала последние распоряжения, и все это делалось на повышенных тонах. Ясо, всего-то двумя годами старше меня, ходила взад и вперед с сосредоточенным видом сорокалетней женщины. Отец устранился от всей этой кутерьмы, запершись в кабинете. У меня было большое желание присоединиться к нему!

Мать почему-то решила свезти всех нас в главный храм Лхасы — Джоканг. Несомненно, это решение было принято с единственной целью — придать религиозный оттенок всему приему. Около 10 часов утра (тибетское время — субстанция весьма эластичная) трехголосый гонг возвестил о сборе. Мы сели на пони — отец, мать, Ясо и еще пятеро попутчиков, среди которых был и ваш покорный слуга, не испытывавший в тот момент ни капли энтузиазма. Наша группа пересекла дорогу Лингхор и свернула влево, миновав подножие Потала, настоящей горы из зданий высотой до 130 метров и длиной 400 метров. Мы проехали через всю деревню Шо и, спустя еще полчаса езды по долине Джичу, подъехали к храму. Вокруг храма группами теснились маленькие домишки, магазины и конюшни, ожидавшие своих клиентов из числа паломников. Построенный тринадцать веков назад, Джоканг никогда не пустовал, богомольцев становилось все больше и больше. Каменные плиты мостовой во дворе храма местами были стерты на глубину стопы — по ним прошли неисчислимые тысячи молящихся. Паломники с благоговением двигались по внутреннему кругу, вращая ручки молитвенных мельниц и повторяя без усталости мантры: «Ом! Мани падме хум!»

Огромные деревянные столпы, почерневшие от времени, подпирали крышу. Тяжелый запах благовоний, курившихся непрерывно, расплзался по храму, как летние облака над вершинами гор. Вдоль стен стояли позолоченные статуи божеств нашей религии. Массивные решетчатые ограды из железа в крупную клетку предохраняли их, не скрывая от взора молящихся, чья алчность могла оказаться и сильнее благочестия. Самые почитаемые божества были наполовину засыпаны драгоценными камнями и жемчугом, приношениями набожных душ, которые просили у них милости. В массивных золотых подсвечниках постоянно горел воск — пламени не давали погаснуть в течение тринадцати веков. Из темных углов храма до нас доносился звон колокольчиков, звуки гонга и приглушенный стон скрытых в стене раковин. Мы прошли по внутреннему кругу, как того требует традиция.

Выполнив все ритуальные обязанности, мы поднялись на плоскую крышу храма. Сюда допускалось небольшое число привилегированных; отец, как один из попечителей храма, был вхож сюда всегда.

Наши правительства (да, во множественном числе), возможно, заслуживают внимания читателя.

Во главе государства и церкви стоял Далай-лама, он же — наш верховный судья. К его помощи мог прибегнуть каждый житель страны. Если требование было законным или необходимо было исправить допущенную кем-то несправедливость, Далай-лама лично следил за тем, чтобы прошение было удовлетворено и несправедливость устранена. Не будет преувеличением сказать, что его любили и уважали все без исключения. Это был неограниченный властелин. Он употреблял свою власть и авторитет на благо всей страны и никогда — в угоду собственным интересам. Задолго до вторжения китайских коммунистов он предвидел это событие. Знал он также, что подавление свободы — дело временное, поэтому небольшая горстка людей проходила специальную подготовку, чтобы не было забыто искусство наших священников.

Кроме Далай-ламы, у нас было два Совета — вот почему я говорю о множественном числе. Первый Совет — по делам религии — состоял из четырех человек; это были монахи в звании лам. Они отвечали перед Благочестивейшим за порядок в

мужских и женских монастырях. Через них проходили все религиозные дела.

Второй — Совет Министров — состоял из четырех членов: трех представителей светской власти и одного — духовной. Они управляли государственными делами и отвечали за единство государства и церкви.

Два официальных лица — их вполне можно назвать премьер-министрами — играли роль связующего звена между двумя Советами, а также делали доклады Далай-ламе. Особую власть они приобретали в перерывы между редкими сессиями Национальной ассамблеи, куда входило 50 человек из светской знати и представителей ведущих ламаистских монастырей Лхасы. Этот законодательный орган собирался только в исключительных случаях, как, например, в 1904 году, когда Далай-лама уехал в Монголию, а в Тибет вторглись англичане.

На Западе можно было услышать, что Благочестивейший трусливо сбежал. Нет, он не сбежал. Тибетские войны можно сравнить с шахматными партиями: заматован король — партия проиграна. Далай-лама был нашим королем. Без него сопротивление становилось бесполезным, поэтому прилагались все силы, чтобы сберечь и укрыть Далай-ламу, чтобы сохранить единство страны. Те, кто обвинял его в трусости, просто не понимали, о чем говорят.

Количество представителей Национальной ассамблеи могло достигать до 400 человек, если съезжались все знатные люди из провинций. Этих провинций всего пять. Лхаса, столица, находится в провинции У-Цанг, иначе Шигатсе. Вот названия и географическое положение остальных: Гарток на западе, Чанг на севере, Кам на востоке и Ло-Дзонг на юге. С годами власть Далай-ламы усиливалась, и он все чаще обходился без помощи Советов и Национальной ассамблеи. Никогда страна не управлялась лучше, чем при Далай-ламе.

С крыши храма открывался чудесный вид. К востоку простиралась равнина Лхасы, зеленая и роскошная, кое-где покрытая рощами. Между деревьями, как зеркало, сверкала вода — серебряные ручьи сбегали в Цанг-По, протекающую в 60 километрах от Лхасы. С севера и юга поднимались высокие цепи гор, окружающие нашу долину и отделяющие нас от остального мира. На их отрогах разбросаны многочисленные монастыри. Уединенные жилища отшельников виднелись на самых краях головок крутых склонов. Вдали на западе вырисовывались зубцы стен Поталы и Шакпори, более известного как «Храм Медицины». Между ними четко просматривались Западные ворота. Далекие горные цепи покрытые ослепительно чистым снегом, еще ярче вырисовывались на фоне темноватого пурпура неба. Над нашими головами проплывали легкие облака. Невдалеке виднелось здание Совета, упиравшееся задней стеной в северный выступ главного храма. Еще ближе — казначейство, рынок и ряды лавок; там можно приобрести все или почти все. Чуть поодаль раскинулся женский монастырь, закрывший проход к владениям «Распорядителей Мертвых».

По территории главного храма двигались никогда не иссякающие потоки посетителей этого грандиозного святого места буддизма. До нас доносился их говор. Некоторые пришли издалека, захватив с собой приношения в обмен на благословение. Другие привели животных, спасенных от скотобойни или купленных на последние деньги. Спасти жизнь животного — большая добродетель, все равно что спасти жизнь человека. Совершивший такой поступок испытывал огромное моральное удовлетворение. Словно замороженные, стояли мы и наблюдали древние и в то же время всегда новые сцены, слушали, как монахи распевали псалмы, как глубокие басы старых монахов смешиваются с легкими сопрано послушников. До нашего слуха доносился рокот барабанов и серебряные раскаты труб, крики и приглушенные рыдания. Нас незаметно окутала незримая гипнотическая сеть религиозного чувства...

Монахи суежились, каждый занимался своим делом. Одни были одеты в желтое, другие — в фиолетовое, но большинство носило скромные красновато-коричневые халаты «рядовых» монахов. Золотым и вишневым цветом отличались одежды монахов Поталы.

Послушники были в белом. Повсюду сновали монахи-полицейские в темнокоричневой форме.

Но одежды почти всех монахов объединяла одна общая деталь: на их платьях, как старых, так и новых, были нашиты заплаты «как у Будды» Иностранцев, видевших наших монахов вблизи или на фотографиях всегда удивляла эта особенность. Но заплаты действительно являются атрибутами одежды монаха. В монастыре Не-Сар, построенном двенадцать столетий назад, монахи особенно истово соблюдают этот обычай — они кроют заплаты из более светлой ткани, чем сама одежда!

Традиционный цвет монашеского ордена — красный. У него бывают самые различные оттенки, в зависимости от приемов крашения льняного полотна. Монахи, служащие во дворце Потала, надевают поверх платьев золотистые безрукавки. В Тибете золотой цвет считается священным. Он не должен тускнеть, его необходимо всегда содержать в чистоте. Это — официальный цвет Далай-ламы. Монахи или ламы высокого звания, находящиеся на службе у Далай-ламы, имеют право поверх своих обычных одеяний надевать золотистые.

В Джоканге мы видели множество золотистых безрукавок, но официальных представителей из Поталы было мало. Развевались на ветру святые хоругви, купола храма сверкали на солнце. На пурпурном небе там и сям виднелись живые островки облаков, нанесенных кистью невидимого художника в чарующем беспорядке.

Мать первая нарушила наше молчание:

— Пора идти, нечего терять время. Я не нахожу себе места от одной мысли, что они там могут натворить без меня дома. Скорее!

Мы сели на своих пони, которые все это время терпеливо дожидались нашего возвращения. Лошадки зацокали копытами по дороге, с каждым шагом приближая меня к моему «испытанию»; впрочем, мать считала это событие *своим* Великим Днем.

Дома мать произвела генеральную инспекцию, после которой мы получили право на солидный обед: необходимо было укрепить наши силы перед готовящимися торжествами. Мы знали, что в подобных случаях счастливые гости набивают себе желудок до отвала, но хозяевам придется праздновать натошак. У нас просто не будет времени поесть.

Нестройный звон инструментов дал знать о прибытии монахов-музыкантов, которых тут же препроводили в сад. Монахи были нагружены трубами, кларнетами, гонгами и барабанами, на шеях у некоторых висели тарелки. Они вошли в сад, болтая как сороки, затем потребовали пива для настроя души. Добрых полчаса из сада доносились душераздирающие звуки труб — монахи настраивали инструменты.

Появление первого гостя во главе кавалькады с сигнальными флажками, развевающимися на ветру, произвело большой переполох во дворе. Ворота были распахнуты во всю ширь, слуги выстроились у входа рядами и поздравляли гостей с благополучным прибытием. Эконом с двумя помощниками находился тут же; они держали в руках связки шелковых шарфов, которыми у нас принято одаривать гостей. Всего шарфов предусмотрено восемь видов, и для подношения нужно выбрать только соответствующий данному гостю, чтобы не попасть в неловкое положение. Далай-лама дарит и принимает в качестве подношения шарфы только первой категории. Эти шарфы называются «хадаками», а весь церемониал заключается в следующем. *Если* приносящий дар и принимающий его — одного звания в табели о рангах, то они оба отступают назад, вытянув руки перед собой. Затем дарящий приближается к гостю, приветствует его и возлагает шарф ему на кончики пальцев. Гость в свою очередь приветствует дарящего и начинает рассматривать шарф, сворачивая и разворачивая его, как бы оценивая подарок. Потом шарф передается одному из слуг.

Если дарящий по положению ниже одариваемого, то он преклоняет колени, высунув изо рта язык (тибетское приветствие, равнозначное европейскому приветствию приподнятой шляпой), и кладет шарф к его ногам, а тот кладет ему свой шарф на шею.

В Тибете каждый подарок, как и каждое поздравительное письмо, сопровождается соответствующим хадаком. Правительственные шарфы отличаются золотистым цветом, все прочие — традиционно белые. Если Далай-лама желает оказать кому-либо особую честь, он возлагает ему на шею шарф и закрепляет его красной шелковой нитью, завязанной тройным узлом. А если при этом Далай-лама подносит к его глазам свои руки, обращенные ладонями в небо, то такая почесть расценивается как высочайшая! Тибетцы твердо убеждены, что прошлое и будущее каждого человека записано линиями на его ладонях. Показывая свои линии жизни, Далай-лама тем самым демонстрирует расположение к человеку. Такой чести я удостоивался дважды, когда уже стал взрослым.

Наш эконом стоял у входа в дом, справа и слева от него находились помощники. Он приветствовал гостей, принимал от них хадаки и передавал их своему помощнику слева. В это же время помощник справа передавал ему шарфы для гостей, которые эконом возлагал либо на пальцы, либо на шею прибывшего — в соответствии с рангом гостя. Все эти шарфы постоянно были в ходу и использовались неоднократно.

Поток приглашенных, казалось, никогда не иссякает. Соответственно дел у эконома и помощников прибавлялось. Гости съезжались со всех сторон, из всех уголков Лхасы и пригородов, их шумные компании сначала скакали по дороге Лингхор, а затем сворачивали на нашу дорогу, под сень Поталы. Дамы, которым приходилось долго ехать в седле, пользовались кожаной маской для защиты лица от песчаного ветра. Зачастую на маске было нарисовано лицо хозяйки. Прибыв на место, дамы снимали маски и манто из шкур яка. Меня всегда забавляли портреты на масках: чем страшнее и безобразнее были женщины, тем моложе и красивее они были представлены на масках!

Дом гудел, как растревоженный улей. Слуги беспрестанно разносили подушки. В Тибете не пользуются стульями. Мы сидим на подушках. Спальное ложе также набирается из необходимого числа подушек. Нам это кажется более удобным, чем стулья, кресла и кровати.

Прибывших гостей тут же потчевали чаем с маслом, после чего их вели в большую комнату, где уже стояли напитки и легкие закуски — чтобы гости не умерли от голода до настоящего начала приема. Уже приехали сорок дам из знатных домов, вместе со своими служанками. Пока мать занималась одними, другие расхаживали по дому, осматривая утварь и вслух оценивая ее стоимость.

Все это напоминало настоящее нашествие. Особенно много было женщин — разнообразно одетых и самого разного возраста. Они всюду совали свой нос и порой оказывались в самых неподходящих местах, где трудно было даже предположить их присутствие. Застигнутые врасплох, они тут же без тени смущения задавали нашим домашним вопросы — сколько стоит это, а сколько то. В общем, они вели себя так, как ведут себя все женщины мира. Сестра Ясо расхаживала в своих новых нарядах и в прическе, которая, по ее мнению, соответствовала последнему крику моды. Мне она решительно не нравилась — но ведь я никогда не отличался хорошим вкусом, особенно что касается женщин. А они в этот день дали волю своей фантазии.

Сцену вторжения сильно усложняло присутствие у каждой знатной дамы в свите так называемых «шунь-девушек». В Тибете каждая уважающая себя дама обязана иметь бесчисленные туалеты и большое количество драгоценных камней. И весь этот гардероб необходимо выставлять напоказ, с чем вряд ли может справиться даже самая расторопная женщина (это сколько же раз нужно переодеться!). Поэтому у аристократок служили специальные шунь-девушки, исполнявшие роль манекенщиц. Были такие девушки и у моей матери. Они щеголяли перед гостями в ее платьях и украшениях, выпивали несколько чашек чая с маслом и удалялись, чтобы затем вновь появиться в новых платьях и украшениях. Смешавшись с гостями, они помогали матери выполнять роль хозяйки. За день девушки переодевались до 5 — 6 раз.

Мужчин больше всего интересовали аттракционы, устроенные в саду. Труппа акробатов показывала там свое искусство. Трое атлетов держали пятиметровый шест, а

четвертый стоял на нем на голове. В определенный момент шест резко выбивался из-под эквилибриста, тот летел вниз, но приземлялся на ноги, как кошка. Мальчишки, наблюдавшие за сценой, тут же захотели повторить этот трюк. Отыскав во дворе шест длиной метра два-три, наиболее ретивый полез на него, но не удержался и свалился вниз на товарищей. Череп никто себе не раскроил, но шишки заработали многие.

Вот в саду появилась и мать в сопровождении дам, пожелавших посмотреть аттракцион и послушать музыкантов. Музыканты уже настроились, предварительно разогрев себя обильным возлиянием тибетского пива.

Туалет матери был безупречен. Красно-коричневая юбка из домотканной шерсти яка доходила почти до лодыжек, на ногах красовались высокие сапожки из тибетского войлока безукоризненной белизны, с умело подобранными в красной гамме каблуками, подошвами и изящными шнурками. Желто-рыжеватый жакет «болеро» по цвету перекликался с монашеским костюмом отца. Впоследствии, когда я изучал медицину, *йод на повязке* напоминал мне эти сочетания цветов. Под жакетом сияла пурпуром шелковая блузка. Все цвета в туалете матери гармонировали друг с другом и вместе с тем представляли различные монашеских одеяний.

Шелковый шарф, перекинутый через правое плечо, крепился к поясу массивным золотым кольцом и спускался до самого низа юбки. До пояса он был кроваво-красного цвета, а цвет его нижней части плавно переходил от лимонно-желтого до темно-шафранового.

На золотом шнурке, висевшем на шее, мать носила три амулетных мешочка, с которыми никогда не расставалась. Эти амулеты ей преподнесли в день свадьбы: первый подарила ее семья, второй — семья мужа, третий — сам Далай-лама. Украшения матери стоили очень дорого, но это соответствовало ее социальному положению. В Тибете так принято — по мере продвижения мужа по служебной лестнице он обязан дарить жене все более и более дорогие украшения.

Несколько дней работы потребовала прическа матери: надо было заплести 108 тонких, как кончик хлыста, косичек! Сто восемь — священное число у тибетцев. И тем счастливицам, у которых хватало для этого волос, очень завидовали. Прическа, разделенная посредине пробором, удерживалась деревянной формой, размещенной на макушке подобно шляпе. Форма была покрыта красным лаком и инкрустирована алмазами, нефритом и золотыми кольцами. Волосы располагались на ней так, что напоминали террасу, увитую вьюнком.

В одном ухе мать носила коралловое ожерелье. Ожерелье было настолько массивным, что могло бы оторвать мочку, если бы его не поддерживал красный шнурок, накинутый на ушную раковину в виде петли. Конец кораллового ожерелья доходил почти до пояса. Я как замороженный наблюдал за матерью. Как только она поворачивает голову? Гости разгуливали по саду, рассматривали цветы. Некоторые сидели группами и обсуждали общественные проблемы. Женщины сплетничали, не теряя ни секунды драгоценного времени:

— Да, моя дорогая, госпожа Дора решила переделать пол в доме. Булыжники хорошо подогнали и покрыли лаком...

— А вы слышали, этот молодой лама, который жил у госпожи Ракаша... говорят, что...

Тем временем все ждали главного события дня. Остальное было фоном, на котором должны произойти основные события. Скоро астрологи предскажут мое будущее и определят путь моей жизни. От их решения зависела моя будущая карьера.

По мере того как день клонился к вечеру и сгущались сумерки, активность гостей заметно снижалась. Сытость расслабила их и склоняла к созерцанию. Горы еды таяли, но слуги снова и снова наполняли посуду. Акробаты явно устали и все чаще один за другим бегали на кухню подкрепиться пивом. Одни музыканты пока еще были в форме: дули в трубы, били в тарелки, весело и небрежно колотили в барабаны. Перепуганные птицы давно

разлетелись. Кошки попрятались. Даже наши сторожевые собаки — огромные черные бульдоги — притихли: они сегодня сильно переели, и их давил неодолимый сон. Когда стало темнеть, между деревьями засновали, словно гномы, мальчишки, раскачивая на ветвях масляные фонарики и плоские с курящимися благовониями; иногда они, чтобы позабавиться, взбирались на нижние ветки деревьев, раскачивались на них и прыгали, визжа, на землю.

Здесь и там поднимались густые столбы благоухающего дыма — это старые женщины бросали пахучие травы в специальные золоченые жаровни с углями, одновременно вращая колеса молитвенных мельниц: с каждым оборотом колеса тысячи молитв возносились в небо.

Чувство ужаса не покидало моего отца. Его ухоженные сады славились на весь Тибет дорогими, завезенными издалека деревьями и цветами. А в тот вечер весь сад, по его мнению, больше напоминал какой-то запущенный зверинец. Отец бродил по дорожкам, заламывал руки и издавал тихие стоны всякий раз, когда кто-либо из гостей останавливался перед кустом и трогал бутоны. Явной опасности подвергались абрикосы, груши и карликовые яблони. На более крупных и высоких деревьях — тополях, березах, ивах, можжевельнике, кипарисах — развешаны были хоругви и ленты с молитвами — легкий вечерний ветерок лениво шевелил их.

Наконец солнце скрылось за дальними вершинами Гималаев, и день закончился — об этом тут же возвестили звуки монастырских труб. Зажглись сотни масляных фонариков. Фонарики раскачивались на ветвях деревьев, на навесах домов, даже на воде декоративного озера — одни прибились к лепесткам кувшинок, другие, словно эскадра кораблей, медленно двинулись к середине озера, вынудив испуганных лебедей искать спасения на островке.

Ударил гонг, и все повернули головы на его звук — приближалась процессия. В саду был установлен роскошный помост. Одна сторона его была открыта, а в центре, на возвышении, находились четыре тибетских сиденья.

Процессия приблизилась к помосту. Впереди шли четверо слуг с шестами, на которых висели огромные фонари. За слугами двигались четыре музыканта, трубя фанфары в серебряные трубы. За музыкантами шли мать и отец в сопровождении двух древнейших старцев из монастыря «Государственного Оракула». Взойдя на возвышение, родители сели. Старцы были родом из Не-Шуня, откуда вышли все лучшие тибетские астрологи. Точность их предсказаний подтверждалась тысячи раз. Неделю назад их вызывал к себе Далай-лама для того, чтобы узнать, что ожидает его и страну в будущем. Сегодня настала очередь семилетнего ребенка. В течение нескольких дней изучали они свои графики, занимались сложными расчетами и выводили что-то по триадам, эклиптике и квадратам. Обсуждали противоречивое влияние той или иной планеты. Впрочем, к астрологии мы еще вернемся в другой главе.

Двое лам несли записи и карты астрологов. Двое других помогали им взойти по ступеням возвышения, на котором старцы застыли плечом к плечу, словно статуэтки из слоновой кости. Пышные платья из желтой китайской парчи только подчеркивали их возраст. На них были огромные головные уборы священников, казавшиеся довольно тяжелыми для их морщинистых шей.

Гости собрались вокруг помоста и расселись на подушках, поданных нашими слугами. Разговоры смолкли, все обратилось в слух, ожидая, что скажет Великий Астролог своим дрожащим голосом.

— Лха дре ми шо-нанг-шиг, — сказал он.

Это означает «Поведение богов, демонов и людей одинаково», из чего следует, что предсказание будущего возможно.

Монотонно в течение часа Великий Астролог читал свои пророчества, затем отдыхал десять минут, потом еще целый час рисовал мое будущее широкими мазками.

— Хале! Хале! — восклицала восхищенная публика. («Удивительно! Удивительно!»)

И вот теперь мое будущее предсказано. После суровых испытаний в семь лет я поступлю в монастырь, где получу профессию монаха-хирурга. Меня ожидают жестокие страдания, затем я покину родину и буду жить среди чужих и странных людей. Я потеряю все, начну все сначала, и в конце жизни меня ожидает большой успех.

Гости постепенно расходились. Те, кто жил далеко, намеревались заночевать у нас и отправиться в путь утром. Другие со своими свитами отъезжали при свете фонарей. Они собрались во дворе, там слышался стук копыт, раздавались громкие голоса. Еще раз широко открылись тяжелые ворота, чтобы пропустить эту многочисленную компанию. Некоторое время до нас доносился топот, звон сбруи, затем постепенно все стихло. На землю опустилась ночная тишина.

ГЛАВА 3 ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДОМА

В доме все еще царило большое оживление. Чай лился рекой, веселые гости, словно спохватившись, торопились расправиться с едой до наступления ночи. Все комнаты оказались занятыми, и мне негде было даже прилечь. Коротая время, я уныло бродил по двору, пиная камешки и все, что попадалось под ногу. Конец дня оказался безрадостным. Никто не обращал на меня никакого внимания: гости устали и были слишком счастливы, слуги устали и были слишком раздражены, никому не было дела до меня.

— У лошадей и то больше сочувствия, — пробурчал я про себя и пошел спать к лошадям.

В конюшне было тепло, приятно пахло свежее мягкое сено, но я долго не мог заснуть. Едва я начинал дремать, как меня либо толкала лошадь, либо будил какой-то шум в доме. Постепенно шум стихал. Положив голову на локоть, я смотрел на улицу. Один за другим гасли огни, и вскоре только холодный блеск луны ярко отражался на заснеженных вершинах гор. Лошади спали — одни стоя, другие лежа на боку. В конце концов я тоже заснул.

Проснулся я ранним утром от грубого толчка. До сознания не сразу дошли слова:

— Вставай, Тьюзди Лобсанг, мне пора седлать лошадей, а ты тут разлегся так, что и пройти нельзя.

Я неохотно поднялся и побрел в дом; хотелось есть. В доме опять все стояло вверх дном. Отъезжали последние гости. Мать переходила от группы к группе, обмениваясь прощальными любезностями. Отец обсуждал проекты благоустройства дома и сада. Он рассказывал одному из старых друзей о своем намерении привезти из Индии стекла для окон. В Тибете не было стекольного производства. Стекло ввозилось из Индии и обходилось очень дорого. На оконные рамы у нас натягивали промасленную бумагу; сквозь нее ничего не было видно, но свет она пропускала. Снаружи к окнам крепились тяжелые деревянные ставни, однако не против грабителей, а для защиты от песчаных бурь. Песчаная буря нередко поднимает в воздух не только песок, но и мелкий галечник, и

разбивает любое незащищенное окно. Человеку она может нанести глубокие раны на лице и руках. Особенно опасно оказаться в пути в сезон больших ветров. Жители Лхасы всегда внимательно наблюдают за храмом Потала: не окутывает ли его черный туман? И тогда каждый мчится что есть духу под защиту крова, подхлестываемый, как бичом, порывами ветра. Но не только люди проявляют тревогу. Животные тоже начеку. Перед бурей иногда можно увидеть, как вместе с людьми несутся лошади и собаки. Интересно, что кошек буря никогда не застает врасплох. Что же касается яков, то им просто нечего бояться!

Когда уехали последние гости, меня позвали к отцу:

— Поезжайте на базар и купите все, что требуется. Тзу знает, что тебе необходимо. Я попробовал представить себе, что же мне необходимо. Деревянную миску для тсампы, кубок и четки. Кубок будет состоять из трех серебряных частей — подставки, собственно кубка и крышки. Деревянные четки должны насчитывать сто восемь тщательно отполированных бусинок. Священное число показывает также, сколько важных вещей монах должен держать у себя в голове.

Мы отправились на базар — Тзу на своей лошади, я на пони. Выехав со двора, мы свернули направо, потом опять направо, миновали Поталу, свернули с кольца и оказались в торговых рядах. Я глядел во все глаза, как будто оказался здесь впервые. Но в глубине души я боялся, что этот мой приезд на базар окажется последним. Всюду шла бойкая торговля. Вот чай из Китая, вот ткани из Индии... Мы пробираемся сквозь толпу в поисках нужной нам лавки. Время от времени Тзу обменивается приветствиями со своими знакомыми и приятелями.

Мне необходим просторный плащ красно-коричневого цвета — просторный не только на вырост, но и из чисто практических соображений. Тибетские мужчины носят свободные одежды, крепко затянутые в поясе. Верхняя часть слегка вытягивается из-под пояса и образует сплошной огромный карман, где лежат все вещи, с которыми тибетец никогда не расстанется. Рядовой монах, например, носит в таком кармане миску для тсампы, чашку, нож, четки, различные амулеты, мешочек с жареным ячменем, а нередко и запас тсампы. Ничего странного в этом нет — монах носит при себе все свое земное имущество.

Покупки моей мечты Тзу контролировал беспощадно. Он не позволил мне купить ничего сверх крайне необходимого, к тому же выбиралось все самого посредственного качества, словно для бедного послушника. Сандалии из грубой кожи яка, небольшой кожаный мешочек для жареного ячменя, деревянная миска, чашка (отнюдь не серебряный кубок, о котором я так размышлял), нож и обычные деревянные четки, полировать которые придется самому, — вот и весь список купленных для меня необходимых вещей.

При отце-мультимиллионере, владеющем огромными поместьями, драгоценностями, золотом, я на протяжении всей учебы, и вообще пока отец жив, должен влачить жизнь бедного монаха.

В последний раз любовался я улицей, двухэтажными домами с далеко выступающими навесами, лавочками, где продавалось все — от плавников акулы до конских попон и седел. В последний раз слушал я веселую болтовню продавцов и покупателей. Никогда в жизни не казалась мне эта улица такой красивой, как в тот день. Я завидовал торговцам, которые видят ее ежедневно и будут видеть всегда.

Бродили бездомные собаки, что-то вынюхивая, скаля зубы и рыча друг на друга. Тихо ржали лошади, терпеливо ожидая хозяев. Ревели яки, прокладывая дорогу сквозь людскую толчею. Сколько тайн скрыто за окнами этих лавочек! Какие товары там собраны со всех концов земли! Какие захватывающие дух истории приключались, наверное, с людьми, которые везли сюда эти товары!

Я смотрел на все вокруг с каким-то дружеским расположением. Мне так хотелось еще хоть раз приехать сюда, я размышлял о том, что я здесь куплю... Мои мечты грубо прервал Тзу. Он схватил меня за ухо и заорал на всю улицу:

— Эй, Тьюзди Лобсанг! Ты что, в статую превратился? И чем только заняты головы нынешних мальчишек? В наше время такого не было.

Ему не было дела до того, останусь ли я без уха или же сумею сохранить его, следуя за безжалостной рукой.

Всю дорогу домой Тзу ехал впереди, кость на чем свет стоит «современное поколение, эту орду никчемных балбесов, лентяев и бездельников, вечно витающих в облаках». Передышка наступила лишь после поворота на дорогу Лингхор, где нас встретили резкие порывы ветра: тут я вдруг почувствовал себя уютно за широкими плечами Тзу.

Дома мать внимательно рассмотрела покупки и похвалила их. К моему величайшему огорчению, она еще добавила, что они для меня уж слишком хороши. А я-то надеялся, что мать будет недовольна Тзу и заставит его купить более дорогие вещи. Мои надежды на серебряный кубок снова рухнули. Придется довольствоваться деревянной чашкой, изготовленной на ручном станке в Лхасе.

Не было покоя и в последнюю неделю дома. Мать потащила меня по всем домам Лхасы — я должен был засвидетельствовать хозяевам свое уважение, которого, увы, ни разу не почувствовал. Мать обожала эти выезды. Обмениваться светскими любезностями и вежливо переменить косточки всем в округе — такой была наша ежедневная программа. Я подыхал от скуки. Для меня выезды превращались в пытку: я явно не обладал теми качествами, которые позволяют получать удовольствие, выслушивая дураков. Мне бы в эти последние дни побегать на открытом воздухе, позапускать змеев, попрыгать с шестом или поупражняться в стрельбе из лука. Но вместо этого меня, как запряженного яка, гнали на забаву каким-то неряшливо одетым старушкам, которые только и делали, что с утра до вечера сидели на шелковых подушках да отдавали капризные распоряжения слугам.

Но страдал я не только от матери. Как-то мне пришлось сопровождать отца в монастырь Дрэпунг. В этом огромном монастыре жило не менее десяти тысяч монахов. Высокие храмы, маленькие каменные домишки, постройки в виде террас. Монастырь представлял собой целый город, обнесенный стенами, и, как настоящий город, обеспечивал себя всем необходимым. Дрэпунг в переводе означает «Рисовая гора». Монастырь издавна действительно похож на рисовую гору с башенками и куполами, сверкающими на солнце. Но меня не радовали красоты архитектурных сооружений. Сердце давила тоска, жаль было драгоценного времени.

Отец обсуждал какие-то дела с главным настоятелем монастыря и его помощниками, а я бесцельно слонялся по двору, не находя себе места. Я увидел, как здесь обходятся с некоторыми новичками, и меня охватил настоящий ужас.

Рисовая Гора фактически представляла собой объединение из семи монастырей, каждый

со своим уставом и со своей учебной программой. Одному человеку было не под силу управлять таким хозяйством, поэтому у главного настоятеля было четырнадцать помощников — блюстителей железной дисциплины, без которой они не мыслили нормального управления.

Когда эта, по выражению отца, «приятная поездка по солнечным долинам» закончилась, я вздохнул с облегчением: больше всего меня обрадовало то, что я не попаду ни в Дрэпунг, ни в Сера — монастырь, расположенный в пяти километрах к северу от Лхасы.

Неделя заканчивалась. У меня отобрали и раздали мальчишкам всех змеев, поломали арбалеты и стрелы с красивым оперением — все это означало, что я уже не ребенок и в игрушках не нуждаюсь. У меня было ощущение, что разбито и мое сердце, но никто не обращал внимания на такую мелочь.

Вечером меня позвали в кабинет отца — красиво обставленную комнату с дорогими старыми книгами вдоль стен. Отец сидел у большого алтаря, который тоже размещался в его кабинете; он приказал мне опуститься на колени рядом с собой. Начиналась церемония «открытия Книги». В огромном фолианте высотой 30 сантиметров и шириной почти метр записывалась история нашей семьи на протяжении нескольких столетий. Здесь были имена всех основателей нашего рода, говорилось об их делах и подвигах, об их деятельности на благо страны и ее Правителя. Я читал историю на старых желтых страницах книги; второй раз ее открыли для меня — а первый раз это было сделано для того, чтобы отметить даты моего зачатия и рождения. Я видел данные, по которым астрологи предсказали мою судьбу. Теперь я лично расписался в книге, так как с поступлением в монастырь у меня начнется новая жизнь. И начнется она завтра.

Тяжелый деревянный инкрустированный переплет плотно прижал страницы, изготовленные вручную из можжевельниковой бумаги. Щелкнули золотые застежки, книга закрылась. Она была очень тяжелой — отец даже пошатнулся, когда поднимал ее, чтобы положить обратно в золотой ящик, который хранился в каменной нише внизу под алтарем. Затем он растопил немного воска на серебряном светильнике и опечатал нишу, чтобы никто не мог коснуться драгоценного фолианта.

Закончив эту часть церемонии, отец повернулся лицом ко мне и поудобнее расположился на подушках. На легкий удар гонга, висевшего рядом, появился слуга. Отец приказал принести ему чаю с маслом. После продолжительного молчания он начал рассказывать мне тайную историю Тибета, насчитывавшую тысячи и тысячи лет, историю, которая была уже древней во время потопа. Он рассказывал о тех временах, когда Тибет омывался морем, о чем свидетельствуют археологические раскопки.

— Даже сегодня, — продолжал отец, — в земле вокруг Лхасы находят скелеты морских животных и остатки диковинных раковин, а также странные изделия из металла, назначение которых никто еще не определил.

Действительно, монахи, обследовавшие пещеры, часто находили такие предметы. Они приносили их отцу. Отец показал мне некоторые из них. Затем он переменял тему разговора.

— Как записано в законе, — сказал он, — ребенок знатных родителей должен воспитываться в суровых условиях; в то же время к ребенку бедняка надо проявлять милость. Перед тем как поступить в монастырь, тебе придется пройти суровое испытание.

Отец напомнил мне об обязанности проявлять абсолютное послушание и повиноваться всем приказам. Его заключительное напутствие никак не способствовало безмятежному сну в последнюю ночь под родительским кровом:

— Сын мой, — сказал отец, — ты думаешь, что я жесток и безучастен к тебе? Меня волнует доброе имя нашей семьи. Слушай, что я тебе скажу: если ты не выдержишь испытания и тебя не примут в монастырь, можешь не возвращаться домой — ты будешь чужим в этом доме.

Не проронив больше ни слова, он проводил меня к выходу. Еще до разговора с отцом я простился с Ясо. Сестра была расстроена: мы с ней часто играли вдвоем, проводили вместе столько времени. Мать уже спала, и я не мог с ней попрощаться. Я вернулся в свою комнату, где должен был провести последнюю ночь. Разложил подушки, устроил из них постель, лег, но спать не хотелось. Я долго размышлял над тем, что сказал отец, думал о его жестокой неприязни к детям, о том, что уже завтра буду ночевать далеко от дома. Луна медленно обходила небосвод. За окном захлопала крыльями ночная птица. Было слышно, как ветер треплет хоругви над крышей. Я задремал, но едва на смену лунному сиянию появились первые лучи солнца, как меня разбудил слуга; он принес мне миску тсампы и чаю с маслом. Я еще не закончил свою скудную трапезу, когда в комнату ввалился Тзу.

— Ну вот, мальчик, — сказал он, — пора нам и расстаться. Слава тебе, Господи! Теперь я смогу вернуться к моим лошадям. А ты води себя как следует и не забывай, чему я тебя научил.

После этих слов Тзу повернулся на каблуках и вышел.

Такая манера прощаться была наиболее человеческой, хотя тогда я еще не понимал этого. Эмоциональное прощание могло бы превратить мое первое — и, как мне казалось, последнее — расставание с домом в неописуемую пытку. Если бы проснулась мать и вышла проститься со мной, то я наверняка принялся бы упрашивать ее оставить меня дома. Многие маленькие тибетцы окружены в детстве заботой и лаской; мое же детство было суровым во всех отношениях. Как я впоследствии узнал, эти невеселые проводы были устроены мне по распоряжению отца — чтобы я как можно раньше вырабатывал дисциплину и твердость характера.

Наконец я закончил завтрак, сунул под плащ миску для тсампы и чашку. Еще один плащ я взял на смену; сделав из него что-то вроде узла, я засунул туда пару войлочных сапог. Когда я вышел из комнаты, кто-то из слуг попросил меня идти тихо, чтобы никого не разбудить в доме. Я осторожно шел коридором. За время, пока я спускался по лестнице и выходил на дорогу, слабая утренняя заря уже занялась настоящим днем.

Так я, одинокий, испуганный, с тяжестью на сердце, оставил свой родной дом.

ГЛАВА 4 У ВРАТ ХРАМА

Дорога вела прямо к монастырю Шакпори — «Храму Медицины». Да, эта школа славилась своей строгостью!

Я прошагал не одну милю под все более палящим солнцем. У ворот, открывающих внутренний двор монастыря, я встретился с двумя мальчиками, пришедшими сюда с той же целью, что и я. Мы некоторое время настороженно изучали друг друга и, пожалуй, не очень друг другу понравились. Но так или иначе, положение вынуждало нас быть достаточно общительными.

Сначала мы робко постучались. Никакого ответа. Затем один из мальчиков поднял большой камень и принялся колотить им по воротам. Такой грохот не мог не привлечь внимания. Появился монах с палкой — со страху нам показалось, что у него в руках не палка, а целое дерево.

— Что вам нужно, дьяволята? — спросил он. — Неужели вы думаете, что мне нечего больше делать, как только открывать ворота таким соплякам?!

— Мы хотим стать монахами, — ответил я.

— Монахами? Да вы больше похожи на мартышек. Ну, хорошо, постойте здесь. Когда регент освободится, он вас примет.

Дверь захлопнулась, едва не прибив одного из моих спутников, имевшего неосторожность к ней приблизиться.

Наши ноги устали и затекли, пришлось сесть прямо на землю. В монастырь и из монастыря то и дело шли люди. Из маленького окошка в стене доносился вкусный запах пищи, обостряя голод до спазмов в животе. Ох, как же хотелось есть!

Наконец дверь резко распахнулась, и в проеме показался высокий и тощий человек.

— Ну и чего же вы хотите, маленькие бездельники?

— Мы хотим стать монахами.

— Боже милостивый, — воскликнул он, — кто только не лезет сюда!

Он сделал нам знак войти. Он спросил, кто мы и что мы, и даже поинтересовался, зачем родились на свет. Было нетрудно понять, что он от нас ничуть не в восторге.

— Входи, да поживей, — сказал он первому из нас, сыну пастуха. — Если выдержишь испытание, то сможешь остаться. Затем перешел ко второму:

— А ты, мальчик? Что, что ты сказал? Твой отец мясник?! Разве эти потрошители способны уважать законы Будды? И ты еще посмел прийти? Вон отсюда немедленно, или я прикажу выпороть тебя!

Монах сделал угрожающее движение, и перепуганный мальчишка, забыв про усталость и словно обретя второе дыхание, бросился наутек; он неслся с невероятной скоростью, и если бы не фонтанчики пыли из-под ног, то могло бы показаться, что он не касается земли.

Я остался один. Никогда еще, за все мои семь лет, я не чувствовал себя так одиноко. Страшный монах повернул свирепое лицо в мою сторону. Я стоял ни жив ни мертв, душа ушла в пятки. Монах грозно пошевелил палицей:

— А ты что скажешь? Кто ты? О-о-о! Молодой князь захотел стать набожным! Ну, сначала ты должен будешь показать нам, чего стоишь, мой милый сударь; скорее всего, голубчик, у тебя кишка тонка. Здесь не место маленьким аристократам, все они рохли и неженки. Сделай сорок шагов назад и сиди на земле в позе созерцателя до нового распоряжения. *И не вздумай шелохнуться!*

Он круто повернулся и ушел. Собрал я свой жалкий скарб, отсчитал указанные сорок шагов и сел, как мне было велено, скрестив ноги. Я сидел в этой позе весь день, не смея шевелиться. Ветер швырял мне в лицо вихри пыли. Пыль осела в складках ладоней, обращенных к небу, покрыла плечи и набила в волосы. По мере того как все ниже и ниже опускалось солнце, я все острее ощущал голод, от жажды пересохло в горле — ведь с раннего утра я ничего не пил и не ел. Монахи то входили в монастырь, то выходили из него. Их было много, но никто не обращал на меня никакого внимания. Бродячие собаки с любопытством останавливались рядом, обнюхивали меня и бежали дальше по своим делам. Мимо прошла группа мальчишек. Один из них поднял камень и ради забавы запустил им в меня. Камень угодил в висок. Потекла кровь. Но я не двигался — ведь если

я не выдержу этого испытания на выносливость, отец не позволит мне вернуться домой. Мне ничего не оставалось делать, как продолжать сидеть совершенно неподвижно. Я чувствовал сильную боль в мышцах и суставах.

Солнце исчезло за горами, и наступила ночь. На темном небе ярко сияли звезды. Тысячи маленьких масляных ламп зажглись в окнах монастыря. С гор потянул холодный ветер. Я прислушивался к шелесту ивовых листьев, к таинственным и жутким звукам ночи.

Но, несмотря ни на что, я продолжал сидеть неподвижно по двум причинам: во-первых, я боялся; во-вторых, мне было просто больно пошевелиться — так затекли мои члены. Послышались шаги. Кто-то в войлочных сандалиях шаркающей походкой приближался ко мне. Похоже, это был старик, отыскивающий дорогу в темноте. Ко мне приблизилась фигура старого монаха, сгорбленного от усталости и времени. Руки его дрожали. Это меня обеспокоило, потому что я заметил: в одной руке он нес чашку с чаем, понемногу расплескивая его, в другой — небольшую миску тсампы. Все это старик протянул мне. Но я не сделал ни одного движения, чтобы принять подношение.

— Возьми, сын мой, — сказал монах, угадав мои мысли. — Ты имеешь право двигаться в ночное время.

Я выпил чай и переложил тсампу в собственную миску.

— Теперь можешь поспать, — продолжал старик, — но с первыми лучами солнца ты должен принять прежнюю позу. Ты проходишь испытание, которое сейчас тебе кажется бессмысленной пыткой. Только те, кто выдерживает его успешно, могут надеяться на достижение высоких званий в нашем Ордене.

С этими словами он взял чашку, миску и удалился. Я с трудом встал на ноги, потянулся. Потом лег на бок и доел тсампу. Я действительно чувствовал сильнейшее изнеможение, поэтому выкопал в песке небольшое углубление под бедро и улегся на земле, подложив под голову сменное платье.

Семь прожитых на Земле лет не были для меня легкими. Мой отец всегда был строг, слишком строг, но самые суровые минуты, которые мне пришлось пережить дома, никак не могли сравниться с тем испытанием, которое выпало на мою долю в первый же день после расставания с домом. Я страдал от голода и жажды. У меня не было ни малейшего понятия о том, что меня ожидает завтра. А пока я должен был спать на ледяном ветру, со страхом ожидая нового дня. Мне показалось, что едва я успел сомкнуть веки, как тут же меня разбудил звук трубы. Открыв глаза, я увидел слабый свет занимающейся зари. Я быстро поднялся и принял позу созерцания. Монастырь медленно просыпался. Сначала он, громоздкий и неподвижный, напоминал сонный город. Затем он словно издал легкий вздох, как это делает просыпающийся человек. Вздох постепенно перерастал в шепот, потом в бормотание, и наконец монастырь зажужжал, как пчелиная пасека перед трудовым днем. Иногда раздавался призывный звук трубы, напоминающий то далекое карканье птиц, то кваканье большой лягушки. Светало. В окнах замелькали бритые головы сновавших туда-сюда монахов. Сами окна при первых проблесках зари напоминали пустые глазницы в человеческом черепе.

Шло время, и снова ныли суставы, и снова я не смел шевельнуться. Одно малейшее движение — и меня вышибут за ворота, а идти мне некуда. Отец совершенно четко дал понять, что если меня не примут в монастыре, то и домой он меня не пустит. Маленькими группами из различных помещений выходили монахи, занятые своими загадочными делами. По территории монастыря сновали мальчишки, иногда ударом ноги швыряя в мою сторону кучу пыли и мелких камешков, а иногда отпуская по моему адресу ехидное словцо. Поскольку я ни на что не отвечал, они скоро оставляли меня в покое и уходили на поиски более общительных жертв. Постепенно начинало темнеть. Зажигались масляные лампы. И вот уже снова меня освещал только рассеянный свет звезд, луна в это время года появляется поздно.

У нас есть пословица: молодая луна не ходит быстро.

Мне вдруг стало дурно от страха: а что если про меня забыли? Или решили совсем оставить без пищи, для испытания? Я просидел без движения целый день, от голода чуть не потерял сознание. Вдруг послышался шум. Я даже задрожал и чуть не вскочил на ноги. Какой-то темный ком двигался в моем направлении. Увы! Это оказался большой черный бульдог, тащивший что-то в зубах. Не обратив на меня никакого внимания, он последовал дальше по своим ночным делам. Его нисколько не волновало мое злополучное положение. Вспыхнувшая было надежда угасла. Я чуть не расплакался. Чтобы не поддаться этой минутной слабости, я стал думать о том, что так ведут себя только девчонки да глупые женщины.

Наконец я услышал шаги старика. На этот раз он посмотрел на меня с большей теплотой.

— Я принес тебе пить и есть, сын мой. Но испытания твои не кончились. Завтра последний день. Будь особенно внимателен, не двигайся. Многие не выдерживают к одиннадцатому часу третьего дня.

И монах удалился. Пока он говорил, я выпил чай и переложил тсампу в свою миску. Теперь я снова улегся на землю, но не почувствовал никакого облегчения по сравнению с прошлой ночью. Я думал о несправедливости всей этой затеи; я не хотел быть никаким монахом никакой секты, ни высшего, ни низшего ранга! Я невольно сравнивал себя с навьюченным животным, которое гонят в горах над пропастью, не давая передохнуть. С этой мыслью я заснул.

На следующий, третий день, приняв позу созерцания, я почувствовал ужасную слабость. Голова гудела, я начал постепенно гложуть. Монастырь казался мне беспорядочным нагромождением зданий, построек, монахов, плывущих в мареве тумана. В глазах все мелькало. Отчаянным усилием воли я поборол приступ головокружения. Мысль о том, что я не выдержу испытания, повергла меня в ужас: это после всех-то мучений! У меня было такое ощущение, что камни, на которых я сидел, превратились в лезвия ножей и воткнулись в самые больные места.

В какой-то миг просветления я утешил себя мыслью, что я не насадка, которой приходится сидеть на яйцах значительно дольше. Солнце застыло на месте. День, казалось, никогда не кончится. Но вот начало темнеть. Поднявшийся вечерний ветер стал играть пером, которое обронила пролетающая птица. Снова один за другим зажигались в окнах огоньки масляных ламп.

«Лучше всего мне умереть сегодня ночью, — подумал я. — Все равно больше я не вынесу».

И в это мгновение в дверях показалась высокая фигура регента.

— Иди сюда, мальчик! — крикнул он.

Я попытался встать, но не смог — мои ноги затекли, и я ткнулся носом в землю.

— Если ты хочешь отдохнуть, то можешь провести здесь еще ночь, — сказал регент. — Я не могу больше ждать.

Я быстро подхватил свой узел и направился, пошатываясь, к регенту.

— Входи, — сказал он мне. — Примешь участие в вечерней службе, а завтра утром придешь ко мне.

Внутри было тепло и приятно пахло. Обостренное чувство голода подсказывало мне, что где-то недалеко находится пища. Я устремился за группой, шедшей куда-то направо. Пища, пища — тсампа и чай с маслом! Я пробирался к первому ряду, как будто учился этому всю жизнь.

Монахи пытались поймать меня за косу, когда я на четвереньках проскальзывал у них между ног, но тщетно — я хотел есть, и ничто не могло остановить меня.

Немного подкрепившись, я пошел за монахами в храм на вечернюю службу. Усталость валила с ног; я не понимал, что происходит вокруг. К счастью, никто на меня не обращал внимания. Когда монахи стали выходить гуськом из храма, я опустился на пол около огромной колонны, положил голову на узелок со сменным платьем и заснул.

Я проснулся от резкого удара — мне показалось, что у меня треснул череп, — и услышал голоса:

— Новичок! Из благородных!

— А ну вставай!

— Дайте-ка ему как следует!

Один из монастырских учеников размахивал моим сменным платьем, которое выдернул у меня из-под головы, другой примерял мои сапоги. Горячая тсампа, мягкая и влажная, залепила мне лицо, я ничего не видел. Со всех сторон на меня сыпался град ударов кулаками и ногами. Я не защищался. Наверное, это испытание на послушание, подумал я. В соответствии с Шестнадцатым Законом: «Выноси страдания и несчастья с терпением и безропотно».

Внезапно раздался громкий голос:

— Что здесь происходит?! И тут же испуганный шепот: — Ох, опять этот старый мешок с костями. Сейчас он нам задаст! Я попытался соскрести с лица тсампу, залепившую глаза. В эту минуту надо мной наклонился регент и, потянув за косу, поставил меня на ноги:

— Мокрая курица! Тряпка! Это ты — будущий руководитель?! Получай! И еще!

И снова на меня посыпался град ударов.

— Бездельник! Слунтяй! Даже защититься не можешь!

Колотушкам, казалось, не будет конца. Но тут я вспомнил прощальные слова Тзу: «Выполняй как следует свой долги не забывая того, чему я тебя научил».

Почти инстинктивно я принял бойцовскую стойку и сделал легкий выпад с применением одного из приемов, которым обучил меня Тзу. Застигнутый врасплох регент охнул от боли, перелетел через мою голову, пропахал носом каменный пол и звонко стукнулся головой о колонну. «Теперь не миновать мне смерти, — мелькнула мысль. — Вот и конец всем моим страданиям». Мне показалось, что весь мир остановился. Послушники онемели и не двигались, даже дышать перестали. Раздалось рычание: высокий костлявый монах вскочил на ноги. Он был похож на самого черта. Из носа у него шла кровь, но рычал он не от боли — он хохотал!

— А-а-а! Так ты бойцовский петух? Или крыса, загнанная в угол? Ну, это мы сейчас узнаем!

Он повернулся к рослому мальчику лет четырнадцати и сделал ему знак:

— Нгаванг, ты главный верзила в этом монастыре. Покажи-ка нам, кто лучше в драке — сын погонщика или сын князя?

Впервые в жизни я был благодарен Тзу, старому монаху-полицейскому. В молодости он специализировался по тибетской борьбе и даже был чемпионом провинции Кам. Он передал мне, как сам говорил, «все, что знал». Мне уже приходилось и раньше бороться с мужчинами, и не без пользы: я усвоил кое-что из науки, в которой сила и возраст не имеют решающего значения. А поскольку от этой драки зависело мое будущее, я почувствовал себя лишь более отчаянным.

Нгаванг был силен и хорошо сложен, но гибкости в движениях ему не хватало. Сразу видно было, что он привык к обычным потасовкам, в которых выезжал за счет своей силы. Он бросился на меня с кулаками, решив сразу же подавить мое сопротивление. Я не испугался, сделал шаг в сторону и неуловимым движением подкрутил Нгавангу руку. Ноги у него разъехались, и, падая, он ударился головой о каменный пол. С минуту Нгаванг лежал «на ковре» и стонал, затем резко вскочил и снова бросился на меня. Я применил прием с падением на пол и в тот момент, когда он оказался надо мной, захватил его за ногу и сделал подкрутку. На этот раз мой соперник показал «солнышко» и упал на левое плечо, но не успокоился. Он благоразумно откатился от меня, снова вскочил, ухватился за цепь тяжелого кадила и стал раскручивать его над головой. От этого тяжелого, неудобного оружия было легко уклониться. Я шагнул вперед, поднырнул под руки Нгаванга, которыми он размахивал, как цепями, и ткнул пальцем ему

в шейную ямку под кадыком, как учил меня Тзу. Нгаванг грохнулся на пол подобно камню во время горного обвала. Его парализованные пальцы не удержали цепь, и кадило со звоном и треском покатилося по полу прямо на послушников и монахов, наблюдавших за дракой. Нгаванг оставался без сознания добрых полчаса. Такое «прикосновение» иногда применяют для отделения духа от тела перед астральным путешествием и в некоторых других процедурах.

Регент приблизился ко мне, хлопнул меня по плечу так, что теперь я едва не полетел на пол, и произнес нечто несусветное:

— Мальчик, да ты мужчина!

Мой ответ был исключительно дерзок.

— В таком случае я заслужил, чтобы меня накормили, мой отец, а то мне только зубы заговаривают.

— Мой мальчик, — ответил регент, — ешь и пей, сколько влезет. А потом ты скажешь одному из этих хулиганов — ты теперь у них будешь за главного, — чтобы он проводил тебя ко мне.

В эту минуту подошел старик монах, приносивший мне пищу во время испытания.

— Мой сын, ты показал настоящую ловкость. Нгаванг затерроризировал всех учеников. Теперь ты займешь его место, но пусть доброта и сострадание руководят твоими решениями. Ты хорошо воспитан. Употребляй свои знания на добро и не поддавайся недостойному влиянию. А сейчас следуй за мной, я дам тебе есть и пить. Когда я вошел в комнату регента, он встретил меня дружелюбно:

— Садись, мой мальчик, садись. Посмотрим, так ли ты умен, как крепок физически. Будь внимателен, я попытаюсь тебя «поймать».

Он задавал мне массу вопросов, на которые я отвечал устно и письменно. Шесть часов мы восседали на подушках друг против друга. Наконец он сказал, что доволен мной. У меня было такое ощущение, будто я превратился в плохо выдубленную шкуру яка, тяжелую и дряблую. Регент поднялся на ноги:

— А теперь следуй за мной. Я хочу представить тебя отцу-настоятелю. Это исключительная честь, и ты скоро поймешь почему. Пойдем!

Я шел за ним по широким коридорам, через молельни, внутренние храмы, классные комнаты. Винтовая лестница. Еще один зигзагообразный коридор, мимо Зала Богов и хранилища лекарственных трав. Еще одна лестница. Наконец мы очутились на огромной плоской крыше монастыря — именно здесь находился дом отца-настоятеля. Войдя в золоченую дверь, мы увидели Символ Медицины и золотую статую Будды; за ними располагалась личная комната отца-настоятеля.

— Кланяйся, мой мальчик, — сказал мне регент, — и делай все как я. Отец, этот мальчик - Тьюзди Лобсанг Рампа.

С этими словами регент сделал три поклона, после чего распростерся на полу ниц. С замиранием сердца то же сделал и я.

Отец-настоятель бесстрастно окинул нас взором и произнес:

— Садитесь.

Мы разместились на подушках, по-тибетски скрестив ноги.

Отец-настоятель долго молча изучал меня. Затем он сказал:

— Тьюзди Лобсанг Рампа, я знаю все, что касается тебя. Я знаю все, что предсказано тебе. Твое испытание на выносливость было суровым, но разумным. Ты поймешь это через несколько лет. Но сейчас знай, что среди тысяч монахов есть только один, избранный для свершений высшего порядка, только один, способный достичь полного развития. Удел других — выполнять обычный повседневный долг. Это ремесленники; это те, кто перебирает четки и не задумывается, зачем он это делает. В них у нас недостатка нет. Нам не хватает тех, кто будет хранить наши знания, когда чужеродная чума наводнит нашу родину. Ты получишь специальное образование,

хорошее образование. Твои знания будут обширнее тех, какие приобретает обычный лама за всю жизнь. Твой Путь будет усеян терниями и иногда невыносимо труден. Ясновидение приходит через огромную боль, а астральные путешествия требуют чрезвычайного напряжения всех нервов и твердой, как скала, решимости.

Я слушал внимательно, стараясь не пропустить ни единого слова. Все это представлялось мне слишком трудным. Где мне взять столько сил! Тем временем отец-настоятель продолжал:

— У нас ты будешь изучать медицину и астрологию. Мы сделаем для тебя все от нас зависящее. Ты также будешь обучен эзотерическим искусствам. Твой путь предначертан, Тьюзди Лобсанг Рампа. И хотя тебе исполнилось только семь лет, я разговариваю с тобой как со взрослым, ибо ты образован и воспитан под стать взрослому.

Он слегка наклонил голову, и регент поднялся, отвешивая глубокий поклон. Я последовал его примеру. Мы вышли. Только в своей келье регент нарушил молчание:

— Мой мальчик, все твои занятия будут нелегкими, но мы тебе поможем во всем, что в наших силах. А сейчас следуй за мной, тебе необходимо побрить голову.

В Тибете при вступлении в монашеский орден мальчику бреют голову, оставляя лишь маленький клочок волос. После присвоения ему духовного имени и отказа от прежнего сбывается и этот клочок. Но я вернусь к этому позднее.

Регент повел меня по круговому коридору и привел в небольшую комнату, служившую цирюльной. Меня усадили на пол.

— Там-Шо, побрей мальчику голову. Именного клочка не оставляй, он получит духовное имя сегодня же. Подошел Там-Шо, взял меня за косу и задрал ее вверх.

— Ай-ай-ай, мой мальчик, какая роскошная коса, какая умощенная, какая ухоженная! Какое удовольствие отрезать ее!

Он принес откуда-то огромные ножницы, похожие на те, которыми наши слуги орудовали в саду.

— Эй, Тиш, — крикнул он, — поддержи-ка за конец эту веревку.

Подошел Тиш, помощник, и схватил меня за косу так, что я подскочил. Высунув язык, Там-Шо принялся за работу. Ножницы были изрядно тупыми. Беззлобно ворча, он кое-как справился с моей косой. Но это было только начало. Помощник принес миску с такой горячей водой, что, когда он выплеснул ее мне на голову, я взвился от боли.

— Что-то не так? — спросил меня цирюльник. — Кажется, я тебя ошпарил?

— Да, — ответил я.

— Не обращай внимания, это поможет бритью! — заметил он, беря в руки треугольную бритву, какими в нашем доме скребли полы.

Прошла еще одна вечность, наполненная мучениями, и наконец на голове моей не осталось ни волоска.

— Пойдем, — сказал регент. Он отвел меня в какую-то комнату и достал большую книгу. — Теперь посмотрим, как мы отныне будем тебя звать... Ага, вот и твое имя: Йца-Миг-Дмар Лах-лу.

(Однако здесь, в этой книге, я и впредь буду пользоваться именем Тьюзди Лобсанг Рампа, более простым для читателя.)

Затем меня привели в класс. Я чувствовал себя как только что снесенное яйцо. Поскольку дома я получил хорошее образование, то мой уровень оценили выше среднего и определили меня в один класс со старшими учениками — семнадцатилетними юношами. Я почувствовал себя карликом среди великанов. Эти послушники не видели, какую трепку я задал Нгавангу, но они и не приставали ко мне, за исключением одного высокого и довольно глупого парня. Он подошел ко мне сзади и положил свои грязные ручки на мою бритую голову. Мне ничего не оставалось, как и его проучить. Тремя пальцами я нанес ему резкий удар под мышку. Он заорал от боли. Да, Тзу оказался великолепным учителем. Вскоре мне стало известно, что все инструкторы по тибетской борьбе хорошо знают Тзу и считают его лучшим в Тибете мастером. После этого случая

ребята оставили меня в покое. А учитель, стоявший в тот момент к нам спиной, но быстро сообразивший, в чем дело, хохотал так, что отпустил нас с урока раньше времени.

Была почти половина девятого вечера, оставалось 45 свободных минут до вечерней службы, начинавшейся в 9: 15. Но радоваться мне пришлось недолго. Когда мы выходили из лекционного зала, один лама знаком поздравил меня. Я приблизился к нему.

— Следуй за мной, — сказал он.

Я повиновался, недоумевая, что еще может меня ожидать. Мы вошли в класс музыки, где собрались двадцать мальчиков, таких же, как и я, новичков. Трое музыкантов начали играть: один на барабане, другой на рожке, третий на серебряной трубе.

— А вы будете петь, — сказал лама, — мне нужно подобрать голоса для хора.

Музыканты играли знакомую мелодию, которую все умели петь. Все выше поднимались голоса, все выше поднимались брови у преподавателя. Сначала на его лице можно было прочесть удивление, затем оно сменилось острой болью. Наконец он поднял руки в знак отчаяния.

— Прекратите! Прекратите! — закричал он. — Даже боги не смогут выдержать такой пытки. Давайте сначала, и будьте более внимательны.

Мы начали снова, но он опять остановил нас. На этот раз учитель подошел ко мне.

— Олух! — сказал он. — Ты, кажется, смеешь шутить со мной?! Сейчас музыканты снова начнут играть, а ты будешь петь один, если не хочешь петь со всеми вместе.

И снова заиграла музыка. Я запел. Петь пришлось недолго. Учитель музыки замахал передо мной трясущимися руками:

— Тьюзди Лобсанг, музыка не входит в список твоих талантов. Ни разу еще — а я вот уже пятьдесят пять лет преподаю здесь — мне не приходилось слушать человека, у которого столь начисто отсутствовал бы слух. Ты фальшивишь невыносимо. В храме ты будешь нем, как рыба, чтобы не портить службу. Малыш, не пой больше никогда. На время уроков музыки пусть для тебя найдут другие занятия. А сейчас прочь с глаз моих, вандал! Пришлось уйти.

Я бродил без цели, пока трубы не возвестили час последней службы. А вчера вечером... Боже милостивый, да ведь только вчера вечером меня приняли в монастырь! Мне же казалось, что я здесь нахожусь уже целую вечность. Я ходил как во сне, пока не почувствовал, что проголодался. Это, вероятно, было к лучшему, иначе, будь я сыт, я бы уснул. Кто-то сгреб меня за плащ, и я взлетел в воздух: огромный, добродушного вида лама посадил меня на свои широкие плечи.

— Пойдем, малыш, ты опаздываешь к службе и можешь навлечь на себя немилость. За опоздание лишают ужина, а это совсем некстати, когда брюхо пустое, как барабан!

На плечах он внес меня в храм. Заняв место на подушках позади послушников, лама усадил меня напротив себя.

— Следи за мной и повторяй все, что делаю я. Только когда я начну петь, ты уж помалкивай. Ха-ха-ха!

Как я был признателен ему за помощь! До сих пор мало кто проявлял ко мне доброту; домашнее воспитание и образование внедрялось в меня, главным образом, палкой и криком.

Кажется, я таки уснул, потому что очнулся, когда служба уже закончилась и большой лама нес меня на руках в столовую. Там он поставил передо мной чай, тсампу и вареные овощи.

— Ешь, малыш, и в постель! Я покажу тебе твою комнату. Сегодня ты имеешь право спать до пяти часов утра. А когда проснешься, приходи ко мне.

Это были последние слова, услышанные мной до пробуждения в пять часов. Разбудил меня, с трудом, один из послушников-учеников, проявивший еще накануне свое

дружеское расположение ко мне. Я обнаружил, что спал на трех подушках в большой комнате.

— Лама Мингьяр Дондуп прислал меня сюда, чтобы разбудить тебя в пять часов,— сказал он.

Я поднялся, сложил подушки у стены, как это делали другие ученики. В комнате уже никого не было.

— Поторопись, — сказал мне мой товарищ. — После завтрака я должен отвести тебя к ламе Мингьяру Дондупу.

Я чувствовал себя лучше. Не настолько, конечно, чтобы полюбить монастырь и жаждать в нем остаться. Но выбора у меня не было. В лучшем случае я мог рассчитывать лишь на то, чтобы пореже попадать во всякие истории. За завтраком нас приветствовал лектор отрывком из «Канджура», который он прочитал монотонным голосом. «Канджур» — буддистское священное писание — насчитывает 112 томов. Лектор, очевидно, заметил, что я о чем-то задумался, и резко прервал мои мысли:

— Ну ты, новичок, что я только что сказал? Быстро отвечай! Не раздумывая ни секунды, я отчетливо проговорил:

— Вы сказали, мой отец, что этот ребенок меня не слушает. Вот я его сейчас и поймаю!

Мой ответ вызвал оживление среди учеников и спас меня от наказания за невнимательность. Лектор улыбнулся — редкое исключение — и объяснил, что он просил повторить сказанное им из Священного писания, но «на сей раз уж так и быть».

Во время каждой трапезы перед нами на кафедру поднимался один из лекторов и читал отрывки из Священного писания. Монахам не разрешалось ни разговаривать за едой, ни думать о еде. Священное писание и познания должны усваиваться вместе с пищей. Мы сидели на подушках за столом высотой около полуметра. Во время еды строго запрещалось класть локти на стол.

В Шакпори дисциплина была поистине железной. В переводе Шакпори означает «Железная гора». В большинстве монастырей дисциплина куда слабее, хуже поставлена и организационная работа. Монахи могут по своему усмотрению либо трудиться, либо бездельничать. Один монах из тысячи работает в поте лица, чтобы получить звание ламы. Лама означает «высший». Ламой может стать тот, кто не жалеет себя в труде и учебе. В Шакпори же, повторяю, дисциплина отличалась особой строгостью. Из нас готовили специалистов, лидеров нашего класса, для нас порядок и образование были превыше всего. Нам не разрешалось носить обычное белое платье послушников. Мы, как и монахи, носили красно-коричневые платья. У нас были и слуги — те же монахи, но им вменялось в обязанность вести монастырский быт и хозяйство. Мы должны были по очереди выполнять и грязную работу, чтобы никого слишком не заносило в гордыню и самомнение. Мы должны были всегда помнить старые буддистские заповеди: «Будь примером. Делай только хорошее. Никогда не делай зла ближнему». В этом — квинтэссенция учения Будды.

Наш отец-настоятель лама Шам-Па-Ла был строг, как и мой родной отец. Он требовал абсолютного послушания. Одной из любимых его поговорок была такая: «Чтение и письменная работа открывают врата ко всем высшим качествам». И ради этого нам приходилось-таки изрядно работать.

ГЛАВА 5 ЧЕЛА

Наш «день» в Шакпори начинался в полночь. По звукам труб, возвещавшим полночь и отзывающимся эхом во всех закоулках, мы вставали, выравнивали, полусонные, наши постельные подушки, отыскивали в темноте свои платья. Мы спали голыми, как это обычно практикуется в Тибете, где притворная скромность не в почете. Одевшись и засунув за пазуху нехитрый скарб — «все свое унося с собой», — мы с адским грохотом спускались по лестницам; что и говорить — хорошее настроение и бодрое расположение духа в такой час редко кого посещает. Одна из наших заповедей гласит: «Лучше мирно спать, чем сидеть в позе Будды и молиться в гневе». По этому поводу я часто спрашивал: отчего наши души не оставляют в покое? Эти полуночные бдения приводят меня в ярость! Но никто не мог дать мне вразумительный ответ, и приходилось вместе со всеми отправляться в зал молитвы. Там горело бесчисленное множество масляных светильников, свет их едва пробивал облака курений, поднимавшихся от кадилъниц. В этом зыбком свете, среди подвижных теней гигантские священные статуи казались живыми — они как будто кланялись и раскачивались в такт нашему пению.

Сотни монахов и послушников сидели скрестив ноги на подушках, разложенных рядами от одного конца зала до другого. Молящиеся располагались парами, лицом друг к другу. Мы пели гимны и священные псалмы, выбирая специальные тональности, — на Востоке хорошо знают, что голос обладает силой. Если одна музыкальная нота может разбить стекло, то некоторые аккорды обладают метафизической силой. Мы читали также священную книгу «Канджур». Это было впечатляющее зрелище: сотни монахов в кроваво-красных платьях с золотистыми накидками пели, раскачиваясь и кланяясь в такт серебряным трелям колокольчиков и рокоту барабанов. Голубые облака ароматного дыма окутывали колени божеств и венцами поднимались над их головами. Время от времени из-за этого странного освещения не одному из нас вдруг начинало казаться, что та или другая статуя пристально смотрит прямо на него.

Служба длилась около часа. Затем мы расходились по своим комнатам и спали до 4 часов. Новая служба начиналась в 4:15. В 5 часов у нас был первый завтрак из тсампы и чая с маслом; на протяжении всего завтрака мы внимали монотонному голосу лектора. Рядом с нами стоял отвечающий за дисциплину инспектор и сверлил нас недобрым взглядом. В это же время до нашего сведения доводились всевозможные распоряжения и другая информация. Во время первого завтрака, например, назывались имена монахов, которым поручалось отправиться в Лхасу и выполнить там те или иные поручения. Эти монахи получали специальную увольнительную с разрешением отсутствовать в монастыре в течение определенного времени и пропустить соответствующие службы.

В 6 часов мы уже сидели в классах, готовые приступить к занятиям. Второй Тибетский Закон гласит: «Исполняй религиозные обязанности и учись». В мои семь лет, со свойственным этому возрасту невежеством, я никак не мог уразуметь, почему я должен следовать этому закону, если Пятый закон — «Уважай старших и людей благородного звания» — откровенно нарушается. Мой личный опыт скоро убедил меня, что быть «благородным по рождению» довольно постыдно. Уж я-то определенно стал жертвой

собственного благородного происхождения. Тогда я еще не мог понять, что благородство заключено вовсе не в происхождении личности, а в ее характере.

Долгожданный сорокаминутный перерыв в занятиях не приносил особого облегчения — начиналась вторая служба, присутствие на которой было обязательным. В 9:45 мы уже снова сидели в классе; изучение следующего предмета продолжалось до 13 часов. Затем следовала еще одна получасовая служба, и только после нее мы получали чай с маслом и тсампу. В течение последующего часа мы трудились физически, усваивая навыки терпения и покорности.

В 15 часов наступал обязательный для всех тихий час, во время которого полагалось спать; не разрешалось ни разговаривать, ни шевелиться. Нам меньше всего нравилась эта часть дневной программы, поскольку одного часа явно не хватало, чтобы заснуть, а бесцельное лежание в постели страшно тяготило. В 16 часов возобновлялись занятия. Начинался самый трудный период дня. Занятия длились пять часов. Класс нельзя было покинуть ни под каким предлогом — за это полагались самые суровые наказания. Учителя нередко пускали в ход большие трости. Были среди них и такие, кто проявлял подлинный энтузиазм в расследовании и наказании провинившихся. Но только ученики, которые не могли больше терпеть, или круглые идиоты просили прощения, потому что предотвратить наказание было невозможно.

В 21 часу занятия заканчивались. Нас ожидала вечерняя тсампа и чай с маслом. Изредка на ужин давали овощи. Чаще всего это были куски репы или бобы в сыром виде. Но до чего вкусными казались они изголодавшимся ребятам! Однажды, я этого никогда не забуду, мне тогда исполнилось уже восемь лет, нам дали маринованные орехи. Я просто обожал орехи и часто ел их дома. По глупости я предложил одному из товарищей мое запасное платье в обмен на его порцию орехов. Об этом узнал инспектор. Он вызвал меня на середину комнаты и заставил повиниться в совершенной ошибке. В наказание, как «сладкоежку», меня лишили еды и питья на 24 часа. При этом отобрали и запасную одежду, сказав, что она мне не нужна, если я пытался обменять ее на предмет «не; первой необходимости».

В 21:30 мы ложились спать. Здесь также соблюдался режим со всей строгостью. Сначала я думал, что долгие часы занятий доконают меня, что я просто умру или когда-нибудь засну и никогда больше не проснусь. С другими новичками мы даже иногда прятались по разным углам, чтобы немного вздремнуть. Но довольно скоро я привык к жесткому расписанию монастырских дней и совершенно перестал страдать от их продолжительности.

Было около шести часов утра, когда я, разбуженный мальчиком, очутился перед дверью, ведущей в покои ламы Мингьяра Дондупа. Комната ламы удивительно гармонировала с великолепными картинами, написанными либо прямо на стене, либо на шелковых полотнах. На низких столиках стояли статуэтки богов и богинь из золота, нефрита и перегородчатой эмали. На стене висело большое «Колесо Жизни». Я застал ламу сидящим в позе лотоса перед заваленным книгами столиком. Одну из книг Мингьяр Дондуп читал в тот момент, когда я вошел.

— Садись рядом со мной, Лобсанг. Нам надо о многом поговорить. Но сначала я задам один важный вопрос, касающийся тебя, как и любого другого человека, когда он растет. Тебе хватает еды?

— Да, — ответил я.

— Отец-настоятель сказал, что мы с тобой можем работать вместе. Мы еще раз изучили твои предыдущие воплощения и нашли их очень хорошими. Теперь мы хотим снова развить в тебе отдельные свойства и способности, которыми ты обладал когда-то. Мы хотим, чтобы всего за несколько лет ты усвоил такой объем знаний, который обычному ламе не удастся усвоить даже за долгую жизнь.

Он помолчал, пристально глядя на меня. Глаза его, казалось, прожигали меня насквозь.

— Каждый человек должен иметь право на свободный выбор своего жизненного пути, — продолжал Мингьяр Дондуп. — Твой путь будет многострадальным в течение сорока лет, если ты выберешь правильную дорогу. Но за свои страдания ты сторицей будешь вознагражден в будущей жизни. И наоборот, на неправильном пути тебя ждут комфорт, довольство и богатство в *этой* жизни, но ты не будешь развиваться духовно. От тебя зависит выбор. Ты и только ты имеешь право сделать его.

Он не сводил с меня глаз, ожидая ответа.

— Учитель, — сказал я, — мой отец наказал мне: если я не поступлю в монастырь, то мне нет дороги домой. Как же я буду жить в довольстве и роскоши, если у меня не будет дома, куда я мог бы вернуться? И кто мне укажет добрый путь, чтобы я его избрал? Мингьяр Дондуп улыбнулся:

— А ты уже забыл? Мы изучили твое последнее воплощение. Если ты сделаешь плохой выбор, тебя как Живую Инкарнацию определяют в один из монастырей и через несколько лет ты станешь его настоятелем. Я думаю, что для твоего отца это не будет большим ударом!

Что-то в его голосе подтолкнуло меня спросить:

— А для вас, отец мой, это будет ударом?

— Да, — ответил он. — Учитывая то, что я знаю, для меня это будет ударом.

— Но кто укажет мне путь истинный?

— Я буду твоим наставником, если ты выберешь правильный путь. Но выбор за тобой, и никто не имеет права влиять на твое решение.

Я поднял глаза и внимательно посмотрел на ламу. Он был очень красив — высокого роста, живые, пронизательные черные глаза, открытое лицо и огромный лоб. Да, он был мне симпатичен! Мне было всего семь лет, но жизнь меня не баловала, я уже повидал немало разных людей и научился разбираться в них. Я научился видеть доброту в человеке.

— Учитель, — сказал я, — мне бы хотелось стать вашим учеником и выбрать правильную дорогу. Но, — тут же добавил я мрачно, — мне не всегда нравится тяжелая работа!

Лама расхохотался, и от его искреннего смеха на сердце у меня потеплело.

— Лобсанг, Лобсанг, да *никто* из нас не любит много и упорно работать. Но редко кто достаточно откровенен, чтобы в этом признаться. — Он окинул взглядом свои бумаги и продолжал: — Скоро тебе потребуется небольшая операция на голове, чтобы ты обрел способности ясновидения. Затем при помощи гипноза мы ускорим твое образование. Мы намерены дать тебе высшие знания и в метафизике, и в медицине!

Мне стало почти дурно от такой перспективы: работать, работать и еще раз работать! Да я все свои семь лет только этим, кажется, и занимался, не имея времени ни для отдыха, ни для игр, ни для запуска змеев.

Лама как будто читал мои мысли.

— Твоя правда, молодой человек, — сказал он. — Однако змеи будут позднее. И настоящие змеи, способные нести человека! А пока нам нужно обдумать расписание твоих занятий. Это вопрос серьезный. — На некоторое время он снова склонился над бумагами. — Пожалуй, с девяти часов утра до часу дня. Думаю, этого достаточно для начала. Итак, приходи ко мне каждое утро в девять часов, я освобождаю тебя от посещения службы. Мы подберем некоторые интересные темы для обсуждений. Начинаем с завтрашнего дня. Кстати, хочешь написать отцу и матери? Я их сегодня увижу. Передам им твою косу!

Я был глубоко потрясен. Когда в Тибете мальчика принимают в монастырь, ему бреют голову и отрезают косу, которую с послушником отсылают родителям — это знак, что их сын поступил в монастырь. А моим родителям косу собираются отвезти сам лама Мингьяр Дондуп! Это означает, что он полностью берет меня под свою ответственность; я становлюсь отныне его *духовным сыном*. Мингьяр Дондуп был хорошо известен во всем

Тибете; своей ученостью и разумом он завоевал всеобщее уважение. Я знал, что под его руководством я не сойбьюсь с намеченного пути.

В то утро, вернувшись в класс, я оказался самым рассеянным учеником. Мысли мои витали в облаках, и учитель сполна утолил свою страсть к наказаниям!

Вообще, жестокость учителей казалась мне несносной. Но что поделаешь, ведь я пришел сюда учиться, утешал я себя. Ради этого произошло и мое последнее перевоплощение. Правда, в то время я еще не помнил, какие знания мне предстоит восстанавливать. В Тибете все твердо верят в перевоплощение. Мы считаем, что любой человек, достигший определенного уровня эволюции, может сделать выбор и продолжить жизнь либо на ином уровне бытия, либо вернуться на Землю для приобретения новых знаний и оказания помощи другим людям. Если некий мудрец, на долю которого возложено выполнение какой-то миссии в течение его жизни, умирает, не успев совершить предначертанное, то, согласно нашей вере, он может вернуться на Землю и закончить свою работу — при условии, что эта работа пойдет на пользу людям. Очень немногие люди способны восстанавливать в памяти свои предыдущие воплощения. Существуют определенные признаки этой способности, но для ее реализации требуются невероятные усилия и много времени. Те, кто, подобно мне, обладали этими особыми свойствами, назывались «Живыми Воплощениями». Их подвергали в молодости жесточайшим испытаниям — именно эта участь выпала и мне, — зато по достижении зрелого возраста они становились объектами всеобщего почитания и уважения. Мне предстояло особо «форсированное» обучение в сфере оккультных наук. Зачем? Этого я пока не знал.

Град ударов по плечам заставил меня подскочить и вернуться к реальной жизни в классе.

— Дурень, олух, скотина! Неужели все злые духи проникли в твой толстый череп? Это свыше моих сил. Счастье твое, что начинается время службы.

С этими словами разъяренный учитель отвесил мне последний, самый чувствительный подзатыльник и большими шагами вышел из класса.

— Не горюй, — сказал мой сосед, — сегодня мы идем в наряд на кухню, там хоть тсампы наедемся всласть.

Работа на кухне не была подарком. Повара обходились с нами как с рабами. После наряда нечего было и думать об отдыхе: два часа каторжной работы — и мы возвращались прямо в класс. Иногда нас задерживали на кухне дольше положенного, и мы опаздывали к занятиям. Преподаватель уже ждал нас, дымясь от негодования, и тут же щедро отвешивал удары палкой, не давая ни малейшей возможности объяснить причину опоздания. Мой первый наряд оказался и последним. По коридорам, вымощенным каменными плитами, мы брели на кухню без всякого энтузиазма. На пороге нас встретил мрачный верзила-монах:

— А ну, поторапливайтесь, никчемные лентяи, бездельники! Первые десять — к котлам!

Я был десятым и вместе со всеми спустился вниз по маленькой лестнице в котельную. Топки изрыгали красноватый огонь прямо в лицо. Около котлов громоздились кучи топлива — сухого навоза яков.

— Хватайте лопаты и загружайте топки до отказа! — заорал монах, руководивший работами в котельной.

Я, жалкий семилетний мальчишка, затерявшийся в группе учеников, самым молодым из которых было уже по 17 лет, едва оторвал от пола свою лопату. Пытаясь забросить топливо в топку, я не справился с лопатой и слегка задел ею ногу монаха. Он дико зарычал, схватил меня за шею и швырнул так, что я, завертевшись волчком, полетел в глубину котельной. Страшная боль пронзила меня, и я почувствовал запах жареного мяса. Я ударился о конец раскаленного докрасна стержня, выступавшего из-под котла. Закричав от боли, я покатился по горячему шлаку. Вся верхняя часть левого бедра была

разворочена стержнем до кости. Большой белый шрам остался у меня на ноге на всю жизнь. Он беспокоит меня и по сей день. (По этому шраму много лет спустя меня опознали японцы.)

Все переполошились. Со всех сторон бежали монахи. Меня быстро подняли с земли, где я лежал среди пепла. Небольшие ожоги были почти на всем теле, но особенно серьезно пострадала нога. Меня отнесли на верхний этаж, где лама-врач попытался спасти мою ногу. Стержень, о который я ударился, был ржавым, и в ране осталось много окалины. Лама внимательно осмотрел рану и вынул из нее все кусочки грязи, пепла и ржавчины. Он долго занимался этим. Наконец рана была очищена. Затем врач сделал компресс из растертых в порошок трав и наложил тугую повязку. На остальные ожоги он также наложил травяные примочки, и это заметно уменьшило боль. Но боль в ноге была страшная, она разрывала меня, и я был уверен, что останусь без ноги. Когда лама закончил возиться со мной, он позвал монаха, который перенес меня в соседнюю маленькую комнату и уложил на подушки. Вошел старый монах, опустился у изголовья и стал читать молитвы. Хорошее дело, подумал я, молиться за выздоровление после того, как искалечили.

Но после этих адских мук я решил вести добродетельную жизнь: я в буквальном смысле на собственной шкуре испытал то, что видел на одной картине, где был изображен дьявол, пытающий свою жертву раскаленным железом.

У читателя может сложиться превратное впечатление о монахах — будто все они страшные и жестокие. Это неверно. Кто такой монах? У нас монахом называется любой мужчина, живущий в монастыре, даже если он не религиозен. Монахом может считаться каждый или почти каждый. Нередко мальчика отправляют в монастырь против его воли и желания, и он становится монахом. Иногда взрослый человек, скажем скотовод, пасет своих овец и мечтает о крыше над головой в сорокаградусный мороз. Он находит убежище в монастыре и становится монахом не по религиозному убеждению, а по необходимости. Монастыри используют таких людей в качестве рабочей силы на строительстве и подсобных работах по уборке монастыря и иных помещений. В других странах мира их называли бы слугами или еще как-нибудь в этом роде. Большинство из них слишком хорошо знакомы с тяжелой ношей бытия: жить физическим трудом на высоте от 4 до 7 тысяч метров над уровнем моря не легко, и они часто проявляли к нам, мальчишкам жестокость, обусловленную просто оупением ума и чувств. Для нас слово «монах» было синонимом слова «человек». Для более точного определения принадлежности к религиозной жизни мы употребляем другие слова. Новичка, или ученика-послушника, называют *челой*. *Траппа* — это слово наилучшим образом описывает типичного монаха, как его себе представляют миряне; траппа — наиболее многочисленная категория обитателей монастыря. Наконец мы подходим к самому знаменитому и самому невразумительному (за пределами Тибета) слову «лама». Если траппа — солдат, то лама — офицер. Но европейцы глубоко заблуждаются, когда утверждают в своих книгах, что у нас больше офицеров, чем солдат!

Ламы — это учителя, или, как мы их называем, гуру.

Лама Мингъяр Дондуп был моим гуру, а я — его челой. Выше лам стоят аббаты. Аббат обычно исполняет должность настоятеля монастыря, но не всегда. Аббаты могут занимать посты в высшей администрации или осуществлять надзор, переезжая в качестве должностных лиц из одного монастыря в другой. Иногда лама занимает пост выше, чем аббат, — все зависит от деловой активности личности. Те, кого считают «Живыми Воплощениями» — как раз мой случай, — могут стать аббатами в 14 лет; для этого они должны сдать очень трудный экзамен.

Строгие и сдержанные, монахи этих групп никогда не бывают несправедливыми.

Есть еще монахи-полицейские. Единственная их задача — охрана и соблюдение порядка. Они не имеют никакого отношения к церемониальной жизни монастыря, за

исключением тех случаев, когда их присутствие необходимо для соблюдения всех правил и порядка. Часто среди монахов-полицейских встречаются жестокие люди, как это нередко наблюдается и среди слуг. Но нельзя же винить епископа за то, что помощник его садовника плохо себя ведет; равно как не стоит ожидать, что этот помощник садовника будет святым, если служит у епископа.

В монастыре была и своя тюрьма. Место для пребывания, конечно, не из приятных, но и те, кого в ней содержали, не были лучше. Однажды я там побывал, когда мне пришлось лечить заболевшего заключенного (в то время я уже стал врачом и собирался оставить монастырь). Меня пригласили в тюрьму. На заднем дворе я увидел несколько кольцевых парапетов, выложенных из массивных кубических камней размерами около метра. Сверху на них лежали толстые каменные брусья, закрывавшие круглое отверстие метра два с половиной в диаметре. Четыре монаха полицейских ухватились за средний брус и с трудом стащили его с отверстия. Один из них нагнулся и достал откуда-то канат, изготовленный из шерсти яка; на конце каната была сделана петля, не внушавшая особой уверенности. Я смотрел на это снаряжение без энтузиазма: неужели мне придется доверить ему свою жизнь?

— А теперь, уважаемый лама-врач, не угодно ли вам будет подойти и просунуть ногу в петлю? Мы вас опустим вниз, — сказал один из полицейских.

Я неохотно повиновался.

— Вам понадобится свет, — сказал другой и сунул мне в руку горящий факел — палку, конец которой был пропитан маслом. Оптимизма у меня не прибавилось: надо было держаться за канат, одновременно сжимать в руке факел, стараясь уберечь от огня платье и не пережечь канат, удерживающий меня на весу!.. Однако я все-таки спустился на глубину 8 или 10 метров. Стены лоснились от сырости, дно было усыпано острыми камнями и завалено нечистотами. В свете факела я увидел беднягу с физиономией висельника, прижавшегося к стене. Одного взгляда было достаточно — аура отсутствовала, жизнь только что покинула тело. Я прочитал молитву за спасение души, закрыл дико уставившиеся на меня глаза и крикнул, чтобы меня поднимали. Моя миссия была выполнена, дело оставалось за дробильщиками трупов. Как я позже выяснил, преступник был бродягой, пришел в монастырь, чтобы найти пищу и кров. Ночью он убил одного из монахов и, завладев его жалким скарбом, бежал. Его поймали и водворили в тюрьму по месту преступления...

Вернемся, однако, к моему злополучному кухонному наряду.

Успокаивающий эффект примочек исчез: появилось такое ощущение, что меня сжигают заживо. Стреляющая боль в ноге усилилась, мне казалось, что мое тело вот-вот взорвется. Воспаленное воображение рисовало картину с горящими углями в ноге.

Время тянулось нестерпимо медленно. Я слышал шум монастыря. Некоторые звуки я узнавал, другие были мне неизвестны. По телу пробегали болевые судороги. Я лежал на животе, но и живот был весь в ожогах. Вдруг я услышал легкий шорох; кто-то сел возле меня. Я узнал добрый и полный сочувствия голос Мингьяра Дондупа:

— Слишком много для тебя, малыш. Засни.

Пальцы его осторожно коснулись моей спины. Еще раз, еще... Я впал в забытие.

... Бледное солнце светило мне прямо в глаза. Я проснулся, попробовал разомкнуть веки. Первой моей мыслью было, что кто-то больно пинает меня, чтобы я встал. Я попытался вскочить с постели, чтобы бежать на службу, но упал назад, застонав от боли. Нога!

— Успокойся, Лобсанг, сегодня ты отдыхаешь, — донесся до меня тихий голос. Я повернул голову влево и с удивлением обнаружил, что нахожусь в комнате ламы и что сам он сидит возле меня. Заметив мое недоумение, он улыбнулся:

— Почему ты так удивлен? Разве не справедливо, что два друга должны быть вместе, когда один из них болен?

Я ответил вялым голосом:

— Но вы же Главный Лама, а я маленький мальчик.

— Лобсанг, мы долго шли вместе в прошлой жизни. Ты этого не помнишь, а я помню: мы были очень близки друг с другом в наших последних инкарнациях. А пока тебе необходим отдых. Лежи и набирайся сил, будь мужественным. Мы спасем твою ногу, не беспокойся.

Я вспомнил о «Круге Бытия». Я подумал о наставлениях из буддистских священных книг:

Щедрый человек никогда не узнает нищеты; алчный человек никогда не найдет утешения.

Да будет могущественный щедр к нуждающемуся и не откажет ему в помощи. Да помнит он о долгом пути жизни. Ибо богатство обращается, как колесо: сегодня оно у тебя, завтра у другого. Нищий сегодня может стать принцем завтра, а принц может стать нищим.

Даже в эти ужасные дни я ни на миг не сомневался, что мой наставник — человек поистине сердечной доброты; я знал, что буду беззаветно следовать всем его указаниям. Было очевидно, что он знает обо мне очень много, значительно больше, чем я сам. Мне не терпелось приступить к занятиям с ним, и я твердо решил, что ни у кого не будет более старательного ученика. Я остро чувствовал близость и родственность наших душ и не переставал удивляться тем поворотам судьбы, которые привели меня под его покровительство.

Я повернул голову, чтобы посмотреть в окно. Постель моя была устроена на столе, и я мог видеть, что происходит за окном. Как-то странно было лежать и чувствовать, что находишься высоко, в полутора метрах от земли. Я воображал себя птицей, сидящей на ветке дерева. Картина передо мной открывалась грандиозная! Внизу виднелись крыши небольших строений, а дальше за ними расprostерлась под солнцем Лхаса. Ее домики всех нежных пастельных оттенков казались совсем крохотными на расстоянии. Русло реки Кии причудливо петляло по долине, словно пыталось спрятаться среди самых зеленых трав мира. Дальние горы отливали пурпуром, красуясь под яркими шапками белого снега. Ближние склоны гор пестрели золотыми крышами монастырей. Слева массивные строения храма Потала сами выглядели небольшими горами. Немного справа от нас раскинулся небольшой лес, из которого выступали купола храмов и крыши учебных заведений. Это владения «Государственного Оракула» — важной персоны в Тибете, единственная задача которой состоит в поддержании связи между миром материальным и миром духовным. Прямо под нами, во дворе монастыря, сновали монахи всех рангов и званий. Были среди них простые работники в темно-коричневых одеждах; мальчишки-студенты в белом из соседнего монастыря держались отдельной стайкой. Здесь можно было увидеть и монахов очень высоких званий, одетых в кроваво-красные или пурпурные платья; золотая накидка на последних была признаком принадлежности к высшим административным кругам. Некоторые были верхом на лошадях или пони. Миряне могут ездить на лошадях любой масти, лошадь же священника или лица духовного должна быть обязательно белой. Глядя на все это, я забыл о своем несчастье. Мне захотелось поскорее встать на ноги и включиться в общее движение.

Через три дня мне приказали подняться и походить. Нога страшно отекала и болела, я с трудом переносил боль. Рана горела огнем, в ней остались-таки кусочки ржавчины, которые невозможно было удалить. Поскольку я не мог передвигаться без посторонней помощи, мне соорудили подобие костыля, и я стал прыгать на одной ноге, словно подбитая птица. Тело мое также еще было покрыто ожогами и пузырями, но больше всего страданий доставляла нога.

Сидеть я не мог, а спал на правом боку или на животе. Я не посещал классные

занятия, поэтому лама Мингъяр Дондуп занимался со мной индивидуально с утра до вечера. Он сказал, что вполне удовлетворен тем объемом знаний, которые я приобрел за мою короткую жизнь.

— Но, — добавил он, — многое из этого багажа находилось в бессознательной памяти со времени твоего последнего воплощения.

ГЛАВА 6   ЖИЗНЬ В МОНАСТЫРЕ

Прошло две недели. Ожоги на теле почти зажили; нога еще болела, но постепенно ее состояние улучшалось. Я спросил, могу ли я следовать обычному распорядку дня; мне хотелось хотя бы немного подвигаться. Я получил это разрешение, а также мне позволено было либо сидеть в любой позе, либо лежать на животе — как мне было удобнее. Все тибетцы сидят скрестив ноги — в позе лотоса. Моя искалеченная нога совершенно исключала эту позу.

В первый же день, когда я снова оказался среди товарищей, нас послали на кухню. Мне поручили грифельную доску, на которой велся учет мешков с жареным ячменем. Ячмень рассыпали на дымящиеся от жара каменные плиты. Злосчастный котел, о который я обжегся, стоял под ними внизу. Разровняв ячмень на плитах, мы закрывали дверь и, пока эта партия жарилась, шли в другое помещение, где дробили обжаренное зерно. Для этого пользовались каменной чашей в виде конуса, достигавшего двух с половиной метров в диаметре в самой широкой части. На внутренних стенках чаши были вырезаны поперечные и продольные борозды для удержания зерна. В этом сосуде покоился огромный конический камень, соприкасавшийся с внутренней поверхностью чаши и посаженный на деревянную отшлифованную годами ось, от которой лучами отходили деревянные ручки — конструкция напоминала колесо, только без обода. Ячмень насыпался в чашу, монахи и дети брались за ручки и начинали вращать жернов, весивший несколько тонн. После того как жернов удавалось сдвинуть с места, вращать его было уже не столь тяжело, и мы, кружась вместе с ним, распевали хором псалмы. Здесь я мог петь сколько душе угодно, и никто меня не обрывал! Но стронуть с места чертов жернов было не так просто — всем приходилось напрягаться из последних сил. Во время движения необходимо было постоянно следить, чтобы он не остановился. Новые порции обжаренного ячменя засыпались в чашу, и ячменная крупа выпускалась по желобу вниз. И вновь эта крупа рассыпалась по дымящимся плитам, и вновь обжаривалась, пока не получалась основа для тсампы. Каждый из нас носил при себе недельный запас тсампы. Во время еды мы доставали кожаные мешки с тсампой и высыпали в чашки положенную порцию. Добавив чая с маслом и размешав содержимое пальцем до крутого теста, мы принимались за еду.

На следующий день снова была работа на кухне. На этот раз мы варили чай. В противоположной части кухни стоял начищенный песком до блеска котел для чая,

вмещавший около 700 литров. С раннего утра его наполняли водой (до половины), а сейчас он уже кипел и бурлил вовсю. В наши обязанности входило подносить и крошить брикеты чая. Эти брикеты доставлялись в Лхасу из Индии или Китая через горы. Они весили от 7 до 8 килограммов каждый. Раздробленные брикеты забрасывались в кипящую воду. Один из монахов опускал в котел глыбу соли, другой добавлял питьевую соду. Когда вся эта масса вскипала, в нее бросали шарики осветленного масла, после чего смесь оставалась на огне в течение еще нескольких часов. Этот чай обладал замечательными питательными свойствами, а вместе с тсампой составлял основную пищу тибетцев, способную длительное время поддерживать их жизнь. Чай всегда должен быть горячим. Когда опустошался один котел, рядом уже вскипал другой. Самым неприятным во всей этой работе было поддержание огня в очаге. Вместо дров тибетцы используют прессованный навоз яков. Это топливо формуется в виде брусков и всегда заготавливается с избытком. Сухой навоз, брошенный в топку и охваченный пламенем очага, источает клубы едкого тошнотворного дыма.

У всех, кто находился рядом с очагом, лица со временем чернели от въевшегося в поры дыма; чернело все, и всякая деревяшка в пределах досягаемости этого дыма становилась похожей на изделие из эбенового дерева.

Нас заставляли заниматься домашним хозяйством не потому, что не хватало рабочих рук, а чтобы по возможности стереть классовые различия между нами. Тибетцы считают, что у человека может быть только один враг — человек, которого ты не знаешь. Поработайте с кем-либо бок о бок, поговорите с ним, познайте его — и он перестанет быть вашим врагом. В Тибете раз в году — на один день — все руководители лишаются своих полномочий, и любой из подчиненных может в этот день говорить им то, что о них думает. Если, скажем, за аббатом закрепилась слава грубияна и ворчуна, ему об этом говорят открыто, и если упрек справедлив, то жалобщик не несет никакого наказания. Такая система хорошо срабатывает, злоупотребляют ею крайне редко. Она устанавливает своего рода управу на власть и дает подчиненным и низшим по рангу возможность чувствовать, что и их слово что-то значит.

Чего только не приходилось изучать нам в классе! Мы сидели на полу рядами. Если учитель читал лекцию или объяснял на доске, он стоял перед нами; но во время повторения урока он прохаживался у нас за спиной, что заставляло всех усердно работать, ибо никто не знал, за кем он наблюдает! Учитель никогда не расставался с увесистой палкой, которой он в любой момент мог пройти по чьим-либо рукам, плечам, спине и прочим не менее ответственным местам. Его мало интересовало, что при этом ощущал ученик.

Мы очень много занимались математикой, поскольку эта дисциплина необходима в астрологии. Наша астрология не имеет ничего общего с угадыванием случайных событий. Она тщательно разработана и покоится на научных принципах. Я занимался ею основательно, поскольку тибетская астрология неотъемлема от медицинской практики. Наша медицина подходит к пациенту с астрологической меркой, а не прописывает наугад лекарства больному на том лишь основании, что они кому-то раньше помогли.

Кроме больших астрологических карт, развешанных на стенах, здесь были также плакаты с изображением растений. Плакаты менялись еженедельно, с тем чтобы мы как можно скорее ознакомились с большим количеством растений. Позже начинались походы, во время которых мы собирали и готовили травы; но допускались мы в эти походы только тогда, когда материал по соответствующим лекарственным растениям был глубоко изучен и усвоен. Каждому понятно, чего может насобирать неподготовленный человек! Такие походы завершали учебный год и вносили драгоценное разнообразие и отдых в наш тяжелый и монотонный монастырский быт. Некоторые походы длились до трех месяцев. Мы поднимались в Гималаи, в районы ледников, на высоту 6 — 7 тысяч метров над уровнем моря, где обширные ледяные покровы перемежались зелеными долинами с

климатом, смягченным горячими источниками. В таких районах можно познакомиться с уникальными явлениями природы, которым нет аналогов в мире. Достаточно пройти какие-нибудь пятьдесят метров, чтобы испытать перепад температуры от +4° С до -40° С и ниже. Эта часть Тибета никому не была известна, кроме небольшой группы тибетских монахов.

Очень серьезно занимались мы изучением религии и законов. Каждое утро начиналось с повторения Законов и Ступеней Среднего Пути. Вот эти Законы:

1. Свято верь руководителям монастыря и страны.
2. Исполни религиозные обязанности и учись прилежно.
3. Почитай родителей.
4. Уважай добродетельных.
5. Почитай старших и благородных по рождению.
6. Служи родине.
7. Будь честным и достойным доверия во всем.
8. Заботься о друзьях и родных.
9. Используй пищу и богатство наилучшим образом.
10. Следуй примеру хороших людей.
11. Будь признательным за добро и плати добром же.
12. Соблюдай меру во всем.
13. Гони от себя прочь ревность и зависть.
14. Воздерживайся от злословия и скандалов.
15. Будь мягок в словах и в действиях, никому не причиняй зла.
16. Переноси страдания и лишения с терпением и достоинством.

Нам постоянно повторяли, что если бы все следовали этим Законам, то никаких разногласий и неравенства не было бы.

Наш монастырь славился своей суровостью и строгим режимом обучения. Многие монахи приходили к нам из других монастырей, но долго не задерживались и отправлялись на поиски более легкой жизни. Мы смотрели на них как на неудачников, а себя считали элитой. Во многих монастырях не проводили ночных служб: монахи ложились спать с наступлением сумерек и поднимались с рассветом. Мы презирали их, слюнтяев и неженков, и, забыв о том, как сами роптали на собственные порядки, возмущались от одной мысли о способе жизни этих посредственностей.

Первый год был особенно тяжелым. Это было время отсева слабых. Только очень выносливые способны были выжить в условиях экспедиции за травами в суровые высокогорные районы, где не ступала нога человека, кроме монахов из монастыря Шакпори. Наше руководство поступало очень разумно, испытывая нас непомерными трудностями и освобождаясь от тех, кому вынести их было не под силу: слабые представляли собой опасную обузу для других. В течение всего первого года у нас не было ни минуты передышки, не знали мы никаких развлечений, забыли об играх. Все было посвящено учебе и работе.

Я и сейчас с благодарностью вспоминаю о том, как учителя тренировали нашу память. У большинства тибетцев хорошая память, но нам, будущим монахам-врачам, приходилось изучать и запоминать огромное количество растений, их назначение и свойства, способы приготовления смесей из них и многое другое, что необходимо врачу. Кроме того, требовалось глубокое знание астрологии, тексты из священных книг мы должны были учить наизусть.

На протяжении многих веков использовался известный в Тибете метод тренировки памяти. Каждый из нас воображал себе специальную комнату, уставленную тысячами и тысячами ящичков. На каждом ящичке была своя этикетка с легко читаемой надписью. Любой факт, который нам сообщали, должен быть классифицирован; нас учили вообразать, как мы открываем определенный ящичек и помещаем туда этот факт. Мы должны были четко представлять весь ход поисковой операции, «видеть факт» в своем

воображении и точно знать, где он находится, то есть в каком ящичке. После некоторой тренировки нам не составляло труда мысленно войти в комнату, открыть нужный ящик и вытащить из него требуемый факт, равно как и найти другие связанные с ним сведения.

Наши учителя изобретали множество приемов, чтобы втемашить в наши головы понятие и потребность в хорошей памяти. Они засыпали нас бесчисленными вопросами с единственной целью — сбить с толку. Вопросы были всегда неожиданными и не имели между собой никакой логической связи, ответить на них было очень нелегко. Чаще всего они относились к самым трудным страницам священных книг и задавались вперемежку с вопросами о медицинских свойствах трав. Забывчивость считалась самым непростительным грехом, и наказание следовало беспощадное. Времени на раздумья нам не давали. Например, учитель мог спросить:

— Ну-ка, мальчик, скажи мне, о чем говорится в пятой строчке на восемнадцатой странице седьмого тома «Канджура»? Открой ящичек. Посмотри, что это за строчка?

На ответ отводилось не более десяти секунд, и горе тебе, если ты ошибешься; ошибка, пусть даже самая незначительная, каралась так же жестоко, как и полное незнание. И все-таки это была хорошая система тренировки памяти. Ведь нельзя рассчитывать на то, что под рукой всегда будут необходимые справочники. Наши книги представляют собой кипы отдельных, не скрепленных между собой листов, заключенные в деревянные обложки в метр шириной и высотой до 40 сантиметров. Впоследствии я, конечно, понял, как важно иметь хорошую память.

В течение первых двенадцати месяцев нам было запрещено покидать монастырь. Для тех, кто нарушал это правило, по возвращении ворота монастыря оказывались закрытыми навсегда. Это правило было характерной чертой Шакпори, где суровая дисциплина вселяла в сердце страх при одной мысли, что ты можешь оказаться за стенами монастыря. Я думаю, что я не выдержал и убежал бы, если бы мне было куда бежать. Однако через год мы привыкли к новой жизни.

За весь первый год нам ни разу не разрешили поиграть. Мы работали без передышки. Слабые не выдерживали нервного перенапряжения и их отчисляли. Через некоторое время мы неожиданно для себя обнаружили, что разучились играть. Занятия спортом и физическими упражнениями были рассчитаны на то, чтобы укрепить наши мышцы и закалить организм, привить нам полезные практические навыки. С самого раннего детства я полюбил ходули. В монастыре мне позволили немного походить на них. У первых ходуль, которыми у нас начинает пользоваться ребенок, опоры для ног находятся на высоте, равной его росту. По мере приобретения опыта высота увеличивается и доходит до трех метров. Взгромоздившись на такие ходули, мы разгуливали по двору, заглядывали в окна и, в общем, всем надоедали.

Мы обходились без балансировочного шеста. Переступая с ноги на ногу, как бы маршируя на месте, мы могли сохранять равновесие сколь угодно долго, не опасаясь падения, — требовалось лишь минимальное внимание. Разыгрывали мы и баталии на ходулях. Разбивались на две команды, в каждой по 12 человек. Потом выстраивались метрах в тридцати друг от друга и по сигналу сходились. Все это сопровождалось воинственными воплями, от которых сам сатана убежал бы без оглядки. Я уже говорил, что мальчишки из моего класса были значительно старше меня, но в этих сражениях маленький рост шел мне только на пользу. Я ловко сновал между рослыми и тяжелыми ребятами, выказывавшими некоторую неповоротливость, хватал их ходули и одну тащил на себя, а другую толкал в противоположную сторону. Таким простым способом мне удавалось повергнуть на землю большинство моих противников. На коне я был не столь удачлив, но там, где приходилось полагаться на собственные силы, я не был последним. Одно из важнейших применений ходулей — форсирование реки. Однажды я переходил речку на двухметровых ходулях, которые нашел на дороге. Берега речки были обрывистыми, брода поблизости не было. Я сел на берег, опустил ходули в воду и вошел в

речку. У берега вода доходила мне до колен, а на середине — до пояса. В этот момент я услышал шум шагов на берегу. Со стороны, откуда я пришел, к реке спускался человек. Он шел быстро и, увидев меня на середине реки, решил, что здесь брод.

Путник с ходу шагнул в воду и тут же ушел под нее. Подхваченный течением, он на какое-то мгновение показался на поверхности и руками ухватился за берег; с большим трудом ему удалось выкарабкаться. До меня донеслись такие проклятия и угрозы, что я изо всех сил ринулся на ходулях к берегу, а когда в свою очередь выбрался на сушу, то подумал, что, пожалуй, никогда еще не бегал с такой скоростью!

Ветер, дующий в Тибете постоянно, представляет определенную опасность для ходоков на ходулях. Увлеченные игрой, мы иногда забывали об этом и оказывались в центре двора, вдали от спасительных стен. Тогда достаточно было незначительного порыва ветра, чтобы на земле образовалась куча-мала из тел, рук, ног и... ходулей. Однако мы отделялись легким испугом. Благодаря занятиям по тибетской борьбе мы умели падать без каких-либо серьезных последствий для себя. Но шишки и царапины, конечно, были. Хотя кого волновали такие пустяки! Находились среди нас, правда, и неповоротливые мальчишки, которые могли споткнуться о собственную тень и не успевали сгруппироваться при падении, — они-то и ломали себе то руку, то ногу.

Один из нас умел крутить «солнце» на ходулях и при этом продолжал идти на них вперед. Опершись о верхнюю часть ходуль, он отрывал ноги от опор и делал полный переворот. Выполнял он и вертикальную стойку. Мой любимый номер был — прыжки на ходулях; одно из таких выступлений закончилась плачевно: я позорно грохнулся и больно ушибся. Подвели опоры — они были плохо закреплены. С тех пор, прежде чем встать на ходули, я всегда проверял опоры на прочность.

Накануне моего восьмилетия лама Мингъяр Дондуп сказал мне, что, согласно предсказаниям астрологов, завтра, в мою годовщину, представится благоприятный момент для *открытия третьего глаза*. Я не испытывал никакого волнения, так как знал, что мой наставник будет присутствовать при этом, и всецело доверял ему. С открытым третьим глазом я смогу, как мне неоднократно объясняли, видеть людей такими, какие они есть на самом деле. Наше тело — это только оболочка; жизнь ей сообщает большое Я или *сверх-Я*, вступающее в свои права во время сна или в момент смерти. Мы считаем, что Человек воплощается в несовершенное тело лишь для того, чтобы приобрести знания и развиваться. Во время сна человек возвращается в другой план бытия. Он ложится спать, тело его отдыхает. Как только наступает сон, душа отделяется от материальной оболочки и парит свободно, связанная с телом только *серебряной нитью*; эта нить обрывается в момент смерти. Наши сны — это тот опыт, который мы переживаем в духовном плане сна. Когда душа возвращается в тело, шок пробуждения искажает увиденное во сне настолько, что для неподготовленного человека содержание сна может показаться невероятным, неправдоподобным. Но об этом я расскажу подробнее, когда буду делиться с читателем собственным опытом в этой области.

Аура, которая окружает тело и которую каждый может научиться видеть, есть не что иное, как отражение *жизненной силы*, горящей внутри живого существа. Мы считаем, что природа этой силы — электрическая, подобная природе молнии. Западные ученые уже умеют измерять и записывать *электрические волны мозга*. Тем, кто обычно насмехается над подобными вещами, следует помнить об этом, а также о солнечной короне, полыхающей на расстоянии многих миллионов километров от самого светила. Простой человек не может видеть эту корону, хотя во время солнечного затмения ее могут наблюдать все, кто захочет. Верят люди в существование этой короны или нет — не имеет значения. Их сомнение не мешает ее существованию. То же можно сказать и о человеческой ауре. Открытие третьего глаза позволило мне увидеть эту ауру.

ГЛАВА 7 ОТКРЫТИЕ «ТРЕТЬЕГО ГЛАЗА»

Наступил день моего рождения. На этот день меня освободили от занятий и служб. За завтраком лама Мингъяр Дондуп сказал мне:

— Отдохни хорошенько, Лобсанг, а вечером мы за тобой придем.

Как приятно лениво валяться на солнце! Внизу сверкают крыши Поталы. Позади меня переливаются голубые воды Норбу Линга — Жемчужного Сада, манят покататься на обтянутой кожей лодке. Я с интересом наблюдал, как группа торговцев переправлялась на пароме через Джичу. До чего же быстро пролетел день...

Солнце садилось, приближался вечер. Меня привели в комнату, откуда уже не разрешалось выходить. Послышались легкие шаги. Кто-то шел в мягких войлочных сапогах по каменным плитам коридора. В комнату вошли три ламы высокого ранга. Мне наложили на лоб компресс из трав и туго привязали его бинтом. Затем они ушли. Поздно вечером ко мне снова пришли трое, среди них был и лама Мингъяр Дондуп. Компресс сняли, тщательно вымыли лоб и насухо вытерли. Один лама, настоящий великан, сел сзади и зажал мою голову в своих коленях. Другой открыл коробку и извлек оттуда блестящий стальной инструмент. По форме инструмент напоминал шило, но наконечник его был изогнут в форме буквы U с мелкими зубчиками по краям. Осмотрев внимательно инструмент, лама затем простерилизовал его, сунув наконечник в пламя лампы.

— Операция будет очень болезненной, — сказал мой учитель, взяв меня за руки. — К тому же совершенно необходимо, чтобы во время операции ты был в полном сознании. Это будет недолго, поэтому постарайся сидеть неподвижно.

Я увидел целый набор разнообразных инструментов и баночек с настойками из трав. «Ну, Лобсанг, мой мальчик, — думал я про себя, — держись, все равно ты получишь то, что тебе уготовано. Делать нечего остается лишь сохранять спокойствие».

Лама, державший в руке инструмент, оглядел присутствующих и спросил:

— Все готовы? Пора начинать, солнце только что село.

Он приставил зубчатый конец инструмента к середине лба и начал вращать ручку. Прошла минута. У меня было такое чувство, будто мое тело протыкают насквозь. Время остановилось. Инструмент прорвал кожу и вошел в мягкие ткани, не вызвав особой боли. Но когда наконечник коснулся кости, я ощутил как бы легкий удар. Монах усилил давление, вращая инструмент; зубчики вгрызались в лобную кость. Боль не была острой, я чувствовал только давление, сопровождающееся тупой болью. Я не шелохнулся, находясь все время под пристальным взглядом ламы Мингъяра Дондупа, — я предпочел бы испустить дух, чем пошевелиться или закричать. Он верил мне, а я ему. Я знал: он прав, что бы он ни делал, что бы ни говорил. Он внимательно следил за операцией, и только слегка поджатые губы выдавали его волнение. Вдруг послышался треск — кончик инструмента прошел кость. Опытный лама-хирург мгновенно прекратил работу, продолжая крепко держать инструмент за рукоятку. Мой учитель передал ему пробку из твердого дерева, очень чистую и тщательно обработанную на огне и в растительных настойках, что придало ей прочность стали. Эту пробку лама-хирург вставил в U-образный паз инструмента и начал перемещать ее по пазу, пока она не вошла в отверстие,

просверленное во лбу. Затем он немного отодвинулся в сторону, чтобы Мингьяр Дондуп оказался рядом с моим лицом, и, по знаку Мингьяра, стал все глубже и глубже всаживать этот кусочек дерева в мою голову. Вдруг я ощутил странное жжение и покалывание где-то возле переносицы. Я немного расслабился и почувствовал какие-то неизвестные мне запахи; потом запахи пропали, и меня охватило новое чувство — словно легкая упругая вуаль обволакивала мое тело. Внезапно меня ослепила яркая вспышка, и в то же мгновение лама Мингьяр Дондуп приказал:

— *Смон!*

Меня пронзила острая боль, казалось, тело горит под струей белого пламени. Затем пламя стало стихать, потухло, на смену ему пришли цветные спирали и горячие клубы дыма. Лама-хирург осторожно извлек инструмент. Во лбу осталась деревянная пробка. С этой пробкой я проведу здесь около трех недель, почти в полной темноте. Никто не имеет права посещать меня, кроме трех лам, которым поручено ежедневно проводить со мной беседы и продолжать мое обучение. До тех пор пока пробка не будет извлечена, мне будут давать минимальное количество пищи и питья — лишь бы я не умер с голоду.

— Теперь ты один из нас, Лобсанг, — сказал мой учитель, бинтуя мне голову. — До конца своих дней ты будешь видеть людей такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими они стараются казаться.

Было довольно странно видеть трех лам, купающихся в золотом пламени. Только позже я понял, что золотая аура была результатом чистоты и святости их жизни и что у большинства людей аура совсем другого цвета.

Когда новообретенное чувство развилось во мне под строгим наблюдением и руководством лам, я стал различать другие цветовые оттенки в самой глубине ауры. Впоследствии я научился диагностировать состояние здоровья человека по цвету и интенсивности его ауры. Подобным же образом, по колебаниям цветовых гамм в ауре, я мог безошибочно определить, говорит человек правду или лжет. Объектом моего ясновидения было не только человеческое тело. Мне дали один кристалл, который и сейчас хранится у меня и к которому я часто обращаюсь. Ничего магического в подобных «магических» кристаллах нет. Это, в сущности, обычные инструменты — как микроскоп или телескоп, позволяющий, благодаря естественным законам, видеть обычно невидимые предметы. Кристаллы тоже подчиняются законам природы. Они служат фокусом для третьего глаза, с помощью которого можно проникать в подсознание людей, собирать спрятанные там факты. Кристалл должен соответствовать характеру владельца. Одни предпочитают кристаллы горного хрусталя, другие — стеклянные шарики. Некоторые используют простую воду, налитую в чашу, некоторые — черный диск. Не имеет значения, какой инструмент используется, — принцип его действия остается одним и тем же.

В течение всей первой недели после операции в комнате было совершенно темно. Начиная с восьмого дня освещенность стали постепенно увеличивать. На 17-й день свет достиг нормального уровня, и тогда снова пришли трое лам, чтобы удалить пробку. Процедура оказалась очень простой. Накануне лоб мой распарили настоем из трав. Как и во время операции, один лама зажал мою голову между коленями. Специальным инструментом другой лама, оперировавший меня, захватил выступающий конец пробки. Резкий рывок — и все закончилось: пробка была удалена из головы. Лама Мингьяр Дондуп наложил мне на лоб компресс из трав и показал пробку. Пробка почернела настолько, что стала похожа на эбеновое дерево. Лама-хирург положил ее на небольшую жаровню вместе с пучком различных трав. Древесный дым перемешался с травяным и поднялся к потолку. На этом закончился первый этап моего посвящения.

В ту ночь я заснул не сразу; в голове у меня теснился рой мыслей. Каким-то теперь предстанет передо мной Тзу? А отец? А мать? Как-то они будут выглядеть? Но пока эти многочисленные вопросы оставались без ответа.

На следующее утро снова пришли ламы и внимательно осмотрели мой лоб. Они

решили, что я уже могу вернуться к товарищам, но половину времени со мной будет заниматься лама Мингъяр Дондуп: ему надлежало продолжить мое образование по специальной методике. Другая половина дня пройдет в обычных занятиях и службах — не столько с учебной целью, сколько для формирования взвешенного, реального мировоззрения. Еще через некоторое время меня будут обучать под гипнозом. Но пока я не мог думать почти ни о чем, кроме еды. Меня продержали на строгой диете 18 дней, я порядком отощал, и мне не терпелось наверстать упущенное. С этим намерением я устремился на кухню, но в коридоре увидел силуэт человека, окутанного голубым дымом, сквозь который прорывались сердитые красные языки пламени. Я закричал от ужаса и влетел обратно в комнату. Ламы смотрели на меня с удивлением — я был ни жив ни мертв.

— В коридоре горит человек! — выпалил я.

Лама Мингъяр Дондуп поспешил в коридор, но вскоре вернулся улыбаясь:

— Лобсанг, это наш уборщик, человек он вспыльчивый. Его аура напоминает голубой дым, потому что он неразвит. А красные языки — признак того, что он сердится. Так что не бойся и отправляйся обедать — это для тебя сейчас главное.

Интересно было снова встретиться с мальчишками, которых, как мне казалось, я хорошо знал, но, как выяснилось, не знал вовсе. Достаточно было взглянуть на них, чтобы определить, о чем они думают, что замышляют, как относятся ко мне — с завистью или с безразличием.

Однако недостаточно было видеть цвет их ауры — необходимо было понимать, что он означает.

Вместе с моим Наставником ламой Мингъяром Дондупом мы уединялись в укромных местах, откуда могли спокойно наблюдать за людьми, входившими и выходившими через главные ворота.

— Лобсанг, — говорил мне лама Мингъяр Дондуп, — обрати внимание вон на того только что прибывшего человека. Видишь ли ты разноцветные нити, которые дрожат над его сердцем? Такое дрожание и этот цвет означают, что у него больные легкие.

Или о торговце:

— Посмотри на эти широкие волнообразные разводы, похожие на ленты, и на вспышки в виде пятен. Наш братец-торгаш думает, что ему и на этот раз удастся вытрясти много денег из этих дурачков-монахов. Он знает, за чем приехал. Из-за денег многие люди не останавливаются ни перед какой низостью.

И еще:

— Посмотри внимательно на этого старого монаха, Лобсанг. Вот кто святой в полном смысле слова. Но он большой буквоед и не способен видеть дальше формальных предписаний в наших текстах. Ты заметил, как обесцвечена его желтая аура? Это говорит о том, что он недостаточно развит и образован, чтобы избежать ошибок.

И так продолжалось день за днем. Особенно много внимания уделялось работе с больными — третий глаз оказался чрезвычайно полезным в лечении не только обычных, но и психически больных.

— Через некоторое время, — сказал мне лама Мингъяр Дондуп однажды вечером, — мы научим тебя закрывать третий глаз по желанию, поскольку в конце концов становится невыносимым смотреть один и тот же печальный спектакль о человеческом несовершенстве. Но сейчас пока пользуйся им наравне со своими обычными глазами. А потом мы научим тебя свободно управлять им.

Давным-давно, гласят наши предания, все люди, мужчины и женщины, умели пользоваться третьим глазом. В те времена боги ходили по земле и жили среди людей. У людей возникла иллюзия, что сами они не хуже богов, возникло желание убить богов. Люди не понимали, что то, что они видят, боги видят лучше их. В наказание боги закрыли третий глаз у людей. С тех пор на протяжении многих столетий дар ясновидения был уделом немногих. Те, кто обладал им от рождения, могли развить и усилить его в тысячи

раз благодаря соответствующей операции, какую сделали мне. Дар этот особый, и относиться к нему нужно осторожно и с уважением, как к любому другому таланту.

Однажды меня вызвал к себе отец-настоятель.

— Сын мой, — обратился он ко мне, — теперь у тебя есть то, в чем отказано большинству людей. Пользуйся этим даром во благо и никогда не применяй его в эгоистических целях. Когда ты окажешься за границей, от тебя будут требовать, как от фокусника на ярмарке, показать то и показать это. Тебе станут говорить: теперь докажи это. Но я обращаюсь к тебе, сын мой: не подчиняйся капризам. Твой дар дан тебе для оказания помощи ближнему, а не для собственного обогащения. Ясновидение может открыть тебе многое, но никогда не открывай своим ближним того, что может принести им страдания или повлиять на их жизненный путь. Ибо человек, сын мой, сам должен выбирать свой путь. Что бы ты ему ни говорил, судьбу человека нельзя менять — он должен пройти тот путь, который ему уготован. Помогай больным, помогай несчастным, но не говори того, что могло бы изменить их Судьбу.

Отец-настоятель был человеком исключительно образованным; он выполнял обязанности личного врача Далай-ламы. В конце беседы он сообщил, что через несколько дней мне предстоит поездка к Далай-ламе, который пожелал познакомиться со мной. В течение нескольких последующих недель я и мой наставник, лама Мингъяр Дондуп, будем гостями в храме Потала.

ГЛАВА 8 ПОТАЛА

Утром в понедельник лама Мингъяр Дондуп сообщил мне, что наш визит в Поталу назначен на конец недели.

— Надо нам с тобой провести репетицию, — сказал он. — Мы должны выглядеть безупречно.

Возле нашего класса была небольшая часовня, в которой стояла статуя Далай-ламы в натуральную величину.

— Смотри внимательно, Лобсанг, и делай, как я, — сказал лама Мингъяр Дондуп. — Тыходишь вот так, опустив глаза, подходишь к Далай-ламе и останавливаешься вот здесь, в полутора метрах от него. В знак приветствия высовываешь язык и опускаешься на колени. Теперь смотри внимательно: руки кладешь вот так и кланяешься — раз, два, три. Все так же на коленях, опустив голову, ты кладешь шарф на ступни его ног, вот так. Теперь выпрямись, но голову продолжай держать опущенной, так чтобы он мог возложить шарф тебе на шею. Отсчитай про себя до десяти, чтобы не проявить неучливой поспешности, затем поднимайся с колен и начинай пятиться до первой от тебя свободной подушки.

Я старался запомнить в точности все, что мне показывал лама Мингъяр Дондуп. А он проделывал все это с той легкостью, какой может обладать только человек, имеющий в подобных делах большую практику.

— Еще один совет: перед тем как начнешь пятиться — осмотришься. Сделай это быстро и учтиво. Запомни, где лежит ближайшая от тебя подушка. Очень не хотелось бы, чтобы ты зацепился за нее пятками и полетел навзничь — а от волнения это может случиться. Шею ты, может и не сломаешь, но лучше не падать. Ну, а теперь покажи, как ты все это будешь делать.

Я вышел. Лама хлопнул три раза в ладоши — это был знак войти. Я бросился вперед, но тут же был остановлен.

— Лобсанг! Лобсанг! Полегче, ты же не на соревнованиях по бегу. Еще раз, да помедленней. Размеряй свой шаг, повторяя про себя: «Ом ма-ни-пад-ме-хум». Пойми, ты должен войти с достоинством молодого священника, а не мчаться галопом, словно скаковая лошадь по долине Цанг-По.

Я снова вышел и снова вошел — с «достоинством». Подойдя к статуе я упал на колени и на коленях продолжал движение, приветствуя статую по-тибетски — высунув язык. Троекратное приветствие у меня получилось превосходно, я почувствовал прилив гордости! Но, боже мой, я ж забыл шарф... Опять выхожу и в третий раз проделяваю все заново. Н этот раз все идет хорошо, я правильно возлагаю церемониальный шарф на ноги статуи. Затем начинаю пятиться и, бросив беглый взгляд вокруг себя, нахожу подушку, на которую и усаживаюсь благополучно в позу лотоса.

— Переходим ко второму этапу, — сказал лама Мингъяр Дондуп. — Подумай о деревянном кубке, который ты должен будешь хранить левом рукаве и вынуть при разносе чая. Его нужно засунуть в рукав вот таким образом, чтобы он плотно держался между рукавом и предплечьем. В нужный момент ты должен непринужденно вынуть кубок из рукава и поставить перед собой. Теперь все повтори, да не забудь о шарфе. Каждое утро до конца недели мы отрабатывали все тонкости до автоматизма. Разумеется, кубок поначалу падал и с грохотом катился по полу, пока я кланялся; но в конце концов справился я и с этим трюком.

В пятницу я сдавал экзамен отцу-настоятелю. Я показал все, в чем преуспел.

— Твое представление делает честь твоему наставнику, — объявил он, — нашему брату Мингъяру Дондупу.

На следующее утро — это была суббота — мы спустились с холма направились в Поталу. Наш монастырь административно относился Потале, хотя размещался на отдельном холме недалеко от главных зданий дворца. Назывался он «Храм и Школа Медицины». Наш отец-настоятель, как я уже отмечал, был личным и единственным врачом Далай-ламы. Обладателю этой должности, надо заметить, не позавидуешь. Отцу-настоятелю полагалось не столько лечить от болезней, сколько их предупреждать. Малейшее недомогание августейшего пациента рассматривалось как результат недосмотра или несостоятельности врача. Тем не менее отец-настоятель не имел права осматривать Далай-ламу, когда считал это необходимым; его вызывали лишь тогда, когда пациент заболел!

Впрочем, в ту субботу я не думал о заботах отца-настоятеля, мне хватало своих. У подножия холма мы свернули к Потале и оказались в толпе туристов и паломников. Люди шли со всех концов Тибета, чтобы посмотреть на обитель Наимудрейшего, как у нас называют Далай-ламу. Если им удавалось хотя бы краешком глаза взглянуть на него, они уходили с чувством глубокого удовлетворения, не жалея об изнурительном пешем пути, не сетуя на усталость. Некоторые паломники добирались сюда месяцами, лишь бы ступить ногой на эту землю и поклониться Святыне Святынь. Пестрой толпой шли крестьяне, благородные гости, пастухи, торговцы, больные, надеявшиеся найти исцеление в Лхасе. Они запрудили всю дорогу и всю местность на расстоянии нескольких километров вокруг дворца. Одни передвигались на четвереньках, другие поднимались и тут же снова падали ниц. Больные и немощные ковыляли кто как мог — одни на костылях, других поддерживали товарищи. Повсюду разносчики предлагали им разнообразную еду и чай с маслом, приготовленный на переносных жаровнях и разлитый во всевозможные

сосуды. На каждом шагу продавались чудотворные зелья и амулеты, «освященные Святой Инкарнацией». Старики старались всучить свои отпечатанные на бумаге гороскопы, рассчитанные на простофиль. Бодрые торговцы предлагали изготовленные из камней молитвенные мельницы — «сувениры из Поталы». Уличные писцы за умеренную плату выдавали свидетельства о том, что их клиенты посетили Лхасу и все ее святые места. Мы прошли через всю эту толпу не останавливаясь — всеми мыслями мы уже были в храме.

Личная резиденция Далай-ламы находилась на самом верхнем этаже храма Потала — никто не имел права жить выше Святейшего. Громадная каменная лестница, походившая больше на ступенчатую улицу, вела вверх. Многие высокопоставленные лица въезжали по ней верхом на коне, чтобы не выбиться из сил. Их было достаточно на нашем пути. Мы уже поднялись довольно высоко, когда лама Мингьяр Дондуп остановился.

— Посмотри на дом своих родителей, — указал он пальцем. — Видишь, сколько слуг спует во дворе?

Я посмотрел. Лучше бы мне не передавать словами охватившие меня чувства. Я молча наблюдал за матерью, которая как раз выезжала со всей своей свитой. Был там и старый Тзу. Но зачем мне все это, когда так необходимо сосредоточиться?

Потала, построенный на небольшой горе, представляет собой независимую общину. Здесь вершатся все дела Тибета — религиозные и мирские. Это здание, вернее, группа зданий, является сердцем страны, предметом всех помыслов, источником всех надежд. В его каменных хранилищах, кладовых казначейства, лежат золотые слитки, бесчисленные мешки с драгоценными камнями и антикварными изделиями. Самим зданиям не более трех с половиной столетий, но стоят они на более древнем фундаменте. Когда-то здесь была крепость, возвышавшаяся над горой. По бокам горы вулканического происхождения проходит расщелина, от которой тянутся самостоятельные проходы. Один из них ведет к озеру. К нему допускаются не все даже из привилегированных сословий, и только эти немногие знают о самом существовании озера.

Но вернемся к тому моменту, когда мы поднимались по лестнице Поталы, залитой лучами утреннего солнца. Повсюду слышалось пощелкивание молитвенных мельниц — единственных колес в Тибете. Древнее пророчество гласит: как только в Тибете появятся настоящие колеса, страна потеряет мир.

И вот мы достигли храма Потала. Увидев моего Учителя, которого здесь хорошо знали, высокорослые стражники открыли золотые врата. Мы продолжили свой путь до самой крыши, где покоились в усыпальницах останки предыдущих Инкарнаций Далай-ламы и где находились его личные покои. Огромный каштанового цвета занавес из шерсти яка закрывал вход. Он раздвинулся, и мы вошли в большой зал, охраняемый внушительными статуями драконов из зеленого фаянса. Богатые ковры украшали стены, на них были изображены сцены на религиозные темы и темы древних преданий. На низких столиках стояли статуэтки многочисленных богов и богинь тибетской мифологии, предметы искусства, которые не оставили бы равнодушным ни одного коллекционера, а также изделия из эмали. На специальной полке, у самого входа, закрытого занавесом, лежала «Книга Благородных». Как мне хотелось открыть эту книгу и убедиться, что в нее занесена и моя фамилия! Но в такой день и в таком месте я чувствовал себя маленьким и незначительным. В восемь лет у меня не было никаких иллюзий на свой счет. Я искренне недоумевал, какие такие причины побудили первое лицо страны вызвать меня. Я понимал, что эта встреча — исключение из правил и что она потребует в дальнейшем еще больших усилий с моей стороны в работе и учебе.

Лама, облаченный в платье вишневого цвета с золотой накидкой, заговорил с Мингьяром Дондупом. Моего Наставника знали все. Где бы он ни появлялся, его неизменно встречали с большим почетом и уважением.

— Его Преосвященство заинтересованы во встрече и хотят поговорить с ним с глазу на глаз... — услышал я.

Мой учитель повернулся ко мне:

— Пришло время тебе представиться, Лобсанг. Я покажу тебе дверь, ты пойдешь один. Веди себя так, словно это еще одна репетиция, точно такая же, как мы проводили с тобой в течение недели.

Мингьяр Дондуп обнял меня за плечи, и мы направились к двери. Расставаясь, он шепнул мне в последний раз на ухо:

— Тебе нечего волноваться. Ступай...

Он слегка подтолкнул меня вперед и остановился, наблюдая за мной. Я вошел в покои. В глубине зала находился Наимудрейший — Далай-лама XIII.

Далай-лама сидел на темно-оранжевой шелковой подушке. Одежда его ничем не отличалась от одежды лам, и только огромная желтая шапка с ниспадающими до плеч краями выделяла его среди всех. Он отложил в сторону книгу. Склонив голову, я пересек помещение и, не доходя до Далай-ламы двух метров, опустился на колени и приветствовал его троекратно. Затем я возложил к его ногам шелковый шарф, приготовленный Мингьяром Дондупом. В ответ Наимудрейший возложил мне свой шарф на пальцы, а не на шею, как это делалось обычно. Меня охватило смтение, а тут я еще увидел, как далеко мне предстоит пятиться до ближайшей подушки — все они лежали довольно далеко. И в эту минуту Далай-лама заговорил:

— Эти подушки расположены слишком далеко, чтобы до них пятиться. Пойди и принеси одну из них, чтобы мы могли посидеть вместе.

Я повиновался и принес подушку.

— Положи ее здесь, напротив меня, и садись, — сказал Далай-лама. Когда я сел, он снова заговорил:

— О тебе мне рассказывали много удивительного, молодой человек. Ты родился с даром ясновидения и обладаешь силой, которая еще больше возросла с открытием третьего глаза. Я ознакомился с твоим досье относительно предыдущего перевоплощения, а также с предсказаниями астрологов. Жизнь твоя поначалу будет трудной, но конец ее увенчает успех. Ты объедешь весь мир и побываешь в таких странах, о которых и не слышал. Ты увидишь жестокость, смерть, разрушения, которые трудно даже вообразить. Твой жизненный путь будет долог и тягостен, но, повторяю, в конце его тебя ждет успех, как это и было предсказано.

Я не понимал, зачем он мне все это говорит. Зачем предсказывает то, что я знал наизусть, слово в слово, с семи лет? Я знал, что после обучения медицине и хирургии в Тибете продолжу свое образование в Китае. Но Наимудрейший продолжал говорить. Он взывал к моей бдительности. Он предостерегал меня, чтобы я не впал в искушение доказать западному миру свои исключительные физические и духовные способности, чтобы я не вступал в разговоры об эго и душе.

— Я побывал в Индии и Китае, — продолжал Далай-лама. — В этих странах можно говорить о Высшей Реальности; но я встречал также многих людей Запада. У них совсем иная оценка ценностей. Они преклоняются перед коммерцией и золотом. Их ученые говорят: «Покажите нам душу. Покажите, чтобы мы могли потрогать ее, взвесить, узнать, как она реагирует на кислоты. Назовите нам ее молекулярную структуру, ее химические свойства. Доказательства. Доказательства. Нам нужны доказательства». Им и в голову не приходит, что своим неверием и подозрительностью они убивают всякую возможность добыть эти доказательства, хотя так много и бестолково о них кричат... Однако нам пора выпить чаю.

Он легонько ударил в гонг и дал указания появившемуся ламе. Тот быстро принес чай и продукты, привезенные из Индии. За обедом Наимудрейший рассказывал об Индии и Китае. Он также сказал мне, что хотел бы, чтобы я работал не покладая рук и что он подберет специальных учителей для этого. Не в силах сдержаться, я вдруг выпалил:

— Нет человека более ученого, чем мой учитель — лама Мингьяр Дондуп!

Далай-лама посмотрел на меня и разразился смехом. Вероятно, никто до сих пор не осмеливался говорить с ним таким тоном, но услышать подобное от восьмилетнего

ребенка! Однако моя неожиданная реплика, судя по всему, ему понравилась.

— Так, так. Значит, по-твоему, Мингъяр Дондуп самый подходящий человек? А ну-ка, скажи откровенно, что ты о нем думаешь, боевой петушок?

— Господин, — ответил я, — вы сказали, что я обладаю исключительной силой ясновидения. Так вот, лама Мингъяр Дондуп — лучший человек из всех, которых я когда-либо встречал!

Продолжая смеяться, Далай-лама снова ударил в гонг.

— Пусть войдет Мингъяр, — сказал он ламе, который нам прислуживал.

Вошел мой Наставник, приветствуя Наимудрейшего.

— Возьми подушку и садись рядом с нами, Мингъяр, — сказал Наимудрейший. — Твой маленький ученик очень высокого мнения о тебе, и я с ним вполне согласен.

Мой учитель сел рядом со мной, а Далай-лама продолжал:

— На тебя возлагается полная ответственность за обучение и воспитание Лобсанга Рампы. Организуй его обучение так, как считаешь необходимым. Ты просил у меня на это письменного распоряжения, я дам его. Время от времени я буду вызывать Лобсанга Рампу к себе. — Он наклонился ко мне: — Твой выбор хорош, молодой человек. Твой Наставник — друг моего детства и настоящий Мастер в оккультных науках.

Он произнес еще несколько фраз, после чего мы поднялись, откланялись и вышли. По лицу ламы Мингъяра Дондупа я видел, что он доволен мною и тем впечатлением, какое я произвел на Далай-ламу.

— Мы проведем здесь несколько дней, — сказал он мне, — и я раскрою тебе некоторые тайны, скрытые в этих стенах. В нижних этажах есть много коридоров и комнат, где не бывал никто в течение двух веков. Там ты узнаешь много нового об истории Тибета.

Тут к нам подошел лама (все слуги Наимудрейшего имеют звание ламы) и сказал, что отведенные для нас комнаты готовы, они находятся на крыше, по соседству с покоями Далай-ламы. Он проводил нас туда. Вид, открывавшийся на Лхасу, просто поразил мое воображение.

— Его Преосвященство, — сказал лама, сопровождавший нас, — распорядился всюду пропускать вас.

Мой Наставник посоветовал мне немного отдохнуть. Левая нога еще давала о себе знать, я передвигался прихрамывая. Он побаивался, что я могу остаться калекой на всю жизнь. Я отдыхал около часа, затем пришел Учитель и принес чай и пищу.

— Смотри, Лобсанг, что я раздобыл, чтобы заполнить твой пустой желудок. Надо отметить, что кормят здесь прилично, и не воспользоваться этим было бы большой глупостью с нашей стороны.

Меня не надо было долго уговаривать. Когда мы покончили с едой, Мингъяр Дондуп повел меня в комнату, расположенную на другом конце крыши. Там, к великому моему изумлению, в окнах не было привычной для глаз промасленной прозрачной ткани. В них ничего не было, и все-таки *это ничего* можно было видеть. Я осторожно протянул руку и потрогал *это ничего*. Ладонь ощутила холод и скользкую, словно лед, поверхность. И вдруг меня осенило — стекло! Я никогда раньше не видел таких оконных стекол. Правда, при изготовлении змеев мы использовали стекло, но то стекло было толстым и непрозрачным. Более того, оно было цветным, а это — словно вода.

Но на этом чудеса не кончились. Открыв окно, лама Мингъяр Дондуп взял в руки медную трубу, обтянутую кожей. Она напоминала музыкальную трубу, только без раструба, и состояла из четырех частей, выдвигавшихся одна из другой. Учитель положил один конец трубы на подоконник и наклонился к другому ее концу. Я, изумленный, подумал, что он собирается играть, но, вместо того чтобы поднести инструмент к губам, мой Наставник прижался к нему глазом.

После некоторого молчания и целого ряда манипуляций с трубой лама Мингъяр Дондуп обратился ко мне со словами:

— Посмотри скорее сюда, Лобсанг, один глаз закрой.

Я повиновался, но через секунду-другую, ошеломленный, отпрыгнул в сторону: на меня надвигался всадник. Я в замешательстве огляделся: в комнате, кроме нас, никого не было. Учитель заливался смехом. Я посмотрел на него с обидой. Что он, околдовал меня?

— Его Преосвященство сказал, что вы великий специалист по оккультным наукам, — сказал я, — но следует ли из этого, что вы должны высмеивать вашего ученика?

Мой вопрос вызвал новый взрыв смеха. Затем Мингьяр Дондуп попросил меня посмотреть в трубу еще раз. Я — не без страха — снова повиновался. Он чуть переместил трубу, и перед моими глазами открылась другая картина. Одним словом, это была обыкновенная подозрная труба, но я видел ее впервые в жизни. И никогда не забуду того всадника! Я часто думаю о том, как какой-нибудь иностранец из какой-нибудь западной страны отказывается верить в существование оккультных явлений. Это невозможно, этого просто не может быть, утверждает он. Так вот, тогда тот всадник тоже казался мне «невозможным»! Далай-лама привез несколько подозрных труб из Индии и очень любил рассматривать в них ландшафт. В Потале я впервые увидел и зеркало, но никак не мог узнать себя в отраженной в нем страшненькой физиономии бледного мальчишки с красным шрамом на лбу и большим носом. Мне приходилось видеть свое отражение в водах реки, но оно было неясным и сглаженным, а это — резким, ясным, четким. Надо ли говорить, что с тех пор у меня нет ни малейшего желания смотреть в зеркало!

Может показаться, что Тибет, в котором нет стекол, подозрных труб и зеркал, — какая-то чудная страна. Но наш народ нисколько не чувствует себя несчастным из-за этого. Он точно так же отказывается и от колеса. Колесо служит скорости, то есть цивилизации. Мы давно поняли, что деловая жизнь столь стремительна, что не оставляет никакого времени на познание духа. Наш физический мир развивался медленно, так что вместе с ним развивались наши эзотерические познания — познания о тайном и скрытом. Тысячелетиями мы проникали в тайны ясновидения, телепатии и других областей метафизики. Действительно, некоторые ламы могут, например, раздевшись донага, сесть в жуткий мороз на снег и силой мысли растопить его под собой, но они никогда не будут делать это на потеху любителям острых ощущений. Ламы, добившиеся высших познаний в оккультных науках, могут оторваться от земли и парить в воздухе, но и это они не станут демонстрировать, чтобы просто позабавить более или менее наивную публику. Настоящий специалист по оккультным наукам в Тибете не раскроет своему ученику всех секретов до тех пор, пока не убедится в достоинстве ученика и его моральном праве знать эти секреты. Поэтому силы и возможности метафизики никогда у нас не опошляются. Они не могут опошляться и употребляться во вред потому, что передаются лишь действительно достойным. И в этих силах нет ничего сверхъестественного, они являются прямым результатом использования законов природы.

В Тибете самосовершенствование человека может идти по двум направлениям: совершенствование в миру и совершенствование отрешением от мира. Выбирающие второй путь удаляются в монастыри, где живут в обителях отшельников, представляющих собой маленькие камеры, выдолбленные, как правило, в склоне горы. Толстые каменные стены такого жилища — толщина их подчас достигает двух метров — защищают от проникновения всякого шума. Когда отшельник принимает решение полностью удалиться от людей, вход в его пещеру замуровывают. В этом пустом каменном мешке он живет в полном одиночестве без света, мебели — без всего. Один раз в сутки он получает пищу через специальный лаз. Первое такое затворничество длится три года, три месяца и три дня. В течение этого времени отшельник размышляет о смысле жизни и о назначении человека в ней. Ни под каким предлогом его физическая оболочка — тело — не может оставить эту камеру. За месяц до истечения срока добровольного заключения в крыше просверливается тончайшее отверстие, через которое в камеру проникает слабый луч света. Его постепенно расширяют, чтобы глаза отшельника могли привыкнуть к дневному

свету, иначе он просто ослепнет. Часто такие отшельники, пробыв в миру несколько недель, снова принимают затворничество, но уже до конца своих дней. Подобная жизнь вовсе не бесцветна и не бесполезна, как может показаться на первый взгляд. Человек — это дух, существо другого мира, и, однажды сбросив путы телесной плоти, он устремляется ввысь и облетает Вселенную, где может оказаться полезным опосредовано — через свои мысли. Мысли, считается в Тибете, — это волны энергии. Материя — это сконцентрированная энергия. Точно направленная и частично сконденсированная мысль может передвигать предметы. Мысль при определенном способе управления ею превращается в инструмент телепатии, посредством ее можно заставить человека на расстоянии совершать определенные действия. Почему в это трудно поверить, а в то, что человек с микрофоном в руках способен управлять посадкой самолета, несмотря на густой туман и нулевую видимость, верят легко? Достигнув определенного уровня тренированности и отбросив скептицизм, человек может управлять посадкой самолета с помощью телепатии, без сложной техники, которая вовсе не безгрешна и может выйти из строя.

Мое эзотерическое образование не требовало длительного затворничества в кромешной тьме. Оно базировалось на другой методике, которая была бы не под силу большинству людей с призванием и задатками отшельников. Мое образование имело особую цель и проводилось по прямому указанию Далай-ламы. Обучение велось как с помощью специальных приемов, так и посредством гипноза, но обо всем этом нельзя рассказывать в книге для массового читателя. Скажу только, что я за сравнительно небольшой период времени получил знаний гораздо больше, чем средний отшельник за всю его долгую жизнь. Мой визит в Поталу был началом этого курса обучения.

Подзорная труба меня просто очаровала, я часто пользовался ею, рассматривал знакомые места Лхасы. Лама Мингъяр Дондуп подробно объяснил мне принцип ее действия, и я понял, что и здесь нет ничего сверхъестественного, действуют определенные научные законы. Я уже не мог изумленно воскликнуть «О, какое волшебство!» без того, чтобы за этим не последовало подробное объяснение соответствующих законов природы.

А однажды учитель привел меня в комнату, погруженную в полный мрак.

— Стой здесь, Лобсанг, и смотри на эту белую стену.

Он погасил масляный светильники что-то сделал с оконной форточкой. Тут же на белой стене появилась Лхаса в перевернутом изображении. Я изумился, увидев людей и яков, идущих вверх ногами. Вдруг картина задрожала и приняла естественный вид. Потом я прослушал лекцию о преломлении света. Как можно разложить свет на составляющие? Раньше мне показывали, как при помощи тихого свиста можно разбить кувшин или графин. Это было понятно. Но рефракция света?! Я ничего не понимал до тех пор, пока мой Наставник не принес специальный прибор. Он зажег лампу и стал загораживать ее свет различными пластинками. Таким образом я познакомился с разнообразными явлениями в физике, после чего удивить меня уже было нелегко.

В хранилищах храма Потала находилось много чудесных статуй, древних книг. Стены его украшали великолепные рисунки на религиозные темы. Немногие европейцы, видевшие эти рисунки, находили их ужасно непристойными. На некоторых был изображен мужской дух в интимной связи с женским духом. Подобное изображение души и сущности человека ни для одного тибетца не является непристойным или грязным. Эти два сплетенных нагих тела передают экстаз, сопровождающий союз Знания и Праведной Жизни.

Я действительно ужаснулся, и это не может не ужасать, когда впервые в жизни увидел то, чему поклоняются христиане, — замученному и распятому на кресте Христу. Становится досадно, когда люди судят о других согласно собственным убеждениям. В храм Потала веками стекались со всех концов земли подарки Далай-ламе. Для них были отведены специальные залы, в которых я простаивал часами. Интересно было установить при помощи психометрии тот глубокий смысл, который подносящие вкладывали в

каждый подарок. И прежде всего — зачем посылался тот или иной подарок. Это была настоящая наука мотивации! Когда я угадывал значение какого-нибудь подарка, мой Наставник с помощью книги-справочника рассказывал действительную историю этого предмета. Мне было приятно слышать от учителя похвалу:

— Совершенно верно, Лобсанг! Ты делаешь большие успехи!

Прежде чем покинуть храм Потала, мы посетили один из подземных тоннелей. Только один. Остальные, объяснили мне, покажут в другой раз. С факелами в руках мы осторожно спускались вниз по своеобразной, казавшейся бесконечной скользкой лестнице. Над нами нависали глыбы горных пород. Тоннель был делом рук природы, а точнее, вулканического происхождения. На стенах виднелись фигуры странной геометрической формы и рисунки, сюжеты которых были мне непонятны. Мне не терпелось увидеть озеро, которое, как я слышал, находилось в конце тоннеля и простиралось на много километров. Наконец мы добрались до самого низа тоннеля, постепенно расширяющегося к выходу, который вдруг навис над нами своими скалами, почти касаясь факелов. Через какие-то сто метров мы оказались у кромки воды — воды, какой я в природе еще не видывал. Вода застоялась и отливала непроницаемой чернотой — складывалось впечатление, что смотришь не в озеро, а в бездонную дыру. Никакой ряби, ни единого звука в мертвой тишине. Блики от факелов причудливо плясали на скалах. Что-то извивалось на отвесной каменной громаде. Я подошел ближе и увидел огромную золотую жилу длиной метров пять — семь. Высокая температура когда-то расплавляла золото. Стекая вниз, оно застыло, как восковой наплыв свечи.

Лама Мингьяр Дондуп нарушил тишину:

— Это озеро простирается на шестьдесят километров и смыкается с рекой Цанг-По. Много-много лет назад несколько отчаянных монахов построили плот, запаслись факелами, веслами и отправились в путь по подземной реке. Долго гребли они, проплыли много километров по неизвестным водам и наконец достигли того места, где подземное озеро сильно расширялось. Стены и своды нависавших скал исчезли из виду. Монахи не знали, в каком направлении плыть дальше.

Слушая своего учителя, я представлял себя на плоту с отважными путешественниками.

— Монахи растерялись, — продолжал лама Мингьяр Дондуп, — и не смогли сориентироваться. Вдруг плот накренило, резкий порыв ветра погасил факелы. Кромешная темнота окутала людей. Монахам почудилось, что демоны воды вцепились в их утлую посудину. Ухватившись за веревки, связывавшие плот, ослабевшие и оглушенные, монахи приготовились к гибели. Плот бросало из стороны в сторону, людей заливало водой, они продрогли до костей. А плот нырял и снова выпрыгивал из воды, как будто какой-то безжалостный гигант хотел вдоволь потешиться над несчастными, а затем предать их смерти. Сколько времени это продолжалось, монахи не знали, ибо вообще потеряли всякое представление о времени. Никакого просвета, со всех сторон темнота, словно гигантский черный шар, окружала их — на земле не бывает так темно. Кругом слышался грохот и скрежет. В довершение всех бед плот перевернулся. Трое монахов утонули, двоим удалось всплыть на поверхность и глотнуть воздуха. И в этот момент впереди показался слабый дневной свет. Волны и течение, наконец, вынесли их из подземелья. Чуть живые, все в синяках и кровоподтеках, добрались они до берега реки. Несколько часов пролежали монахи на земле без движения. Наконец, собравшись с силами, один из них приподнялся и посмотрел вокруг. То, что он увидел, едва не лишило его рассудка. Вдалеке вырисовывалась гора Потала. Рядом на зеленых лугах паслись яки. Сперва они подумали, что они мертвы и находятся на тибетских небесах. Послышались шаги: над ними склонился пастух. Он пришел подобрать пожитки с прибившегося к берегу неизвестного плота, но набрел на монахов. Убедившись, что перед ним действительно живые люди в разорванной в клочья одежде, он отправился в Поталу за носильщиками. С тех пор мало кто отваживался пускаться в столь опасное путешествие

по этому озеру. Там, недалеко за пределами действия наших фонарей, есть несколько небольших островков. Один из них был исследован. Что на нем нашли, ты узнаешь после возведения тебя в сан.

Как мне хотелось в ту же минуту отправиться в путешествие на плоту! Учитель, не спускаясь с меня глаз во время рассказа, расхохотался:

— Да, это было бы забавно! Но зачем доводить себя до изнеможения изнурительным путешествием, когда то же самое можно сделать гораздо проще — совершить астральное путешествие? Это тебе под силу, Лобсанг! Пройдет немного времени, и мы вместе отправимся с тобой в путь. Ты еще внесешь свой вклад в изучение озера. А пока тебе надо учиться, мой мальчик, и нам вдвоем предстоит еще много поработать.

Пламя факелов постепенно затухало. Неужели, подумал я, придется идти в темноте? Надо было прихватить с собой запас факелов. В этот момент лама Мингъяр Дондуп зашел в какое-то углубление в стене тоннеля и вынес оттуда новые факелы, которые сразу же зажег от пламени старых.

— У нас здесь хранится запас, — сказал он. — Трудно было бы отыскать дорогу в темноте. А теперь в путь!

Мы начали подниматься. Иногда останавливались, чтобы перевести дыхание и посмотреть на наскальные рисунки. На них были изображены великаны и какие-то странные машины, о которых я ничего не знал. А мой учитель знал здесь все и чувствовал себя очень уверенно. Я мечтал вернуться сюда и выяснить все до мелочей, поскольку уже не мог представить свою дальнейшую жизнь без разрешения всех тайн тоннеля. Как бы сказать это учителю? Меня не пугали опасности. Голос ламы Мингъяра Дондупа прервал мои мысли:

— Лобсанг, ты плетешься как старик. Еще несколько шагов, и мы выйдем на свет. С крыши я покажу тебе то место, где монахи вынырнули из-под земли.

Когда мы были на крыше и он показывал рукой направление, мне прежде всего подумалось: почему бы нам не проехаться на лошадках верхом шестьдесят километров, отделявшие Потала от того места. Но мой Наставник сказал, что там нет ничего стоящего внимания — по крайней мере, нет ничего такого, чего нам не показала бы подзорная труба! Подземный выход озера, несомненно, находился ниже уровня воды; это место ничем особым не отличалось, разве что рядом с ним росла группа деревьев, посаженных по распоряжению Далай-ламы в последнее его воплощение.

ГЛАВА 9 «ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ ИЗ ШИПОВНИКА»

На следующее утро мы стали готовиться к возвращению в Шакпори. Мы не

спешили — приятно было проводить время в Потале. Я поднялся на крышу, чтобы в последний раз взглянуть на окрестности через трубу телескопа. На крыше монастыря Шакпори молодой послушник читал, лежа на спине. Иногда он приподнимался, подбирал мелкие камешки и бросал их вниз на лысины проходивших мимо монахов. В подзорную трубу было хорошо видно, как озорник лукаво наблюдал из своего укрытия за растерянными монахами, задиравшими кверху головы. Мне стало неловко при мысли, что Далай-лама и меня мог видеть за подобного рода занятием. Я решил, что отныне мои забавы в Шакпори должны происходить в местах, не видимых со стороны Поталы. Настал час отъезда. Пора было прощаться. Мы поблагодарили всех лам за оказанный любезный прием; особенно признательны мы были личному эконому Наимудрейшего. Он занимался поставками продуктов из Индии. Кажется, он мне симпатизировал, потому что на прощание преподнес вкуснейший подарок, который я тут же съел. Подкрепившись, мы отправились в обратный путь к нашей Железной Горе. Едва мы спустились до середины лестницы, как кто-то окликнул нас. Находившиеся рядом монахи стали делать нам знаки, чтобы мы оглянулись. Мы остановились. Запыхавшийся монах догнал нас и вручил послание ламе Мингьяру Дондупу.

— Подожди меня здесь, — сказал учитель, — я не задержусь.

Он повернулся и не спеша пошел вверх по лестнице. От нечего делать я принялся разглядывать Лхасу, дом моих родителей. Воспоминания нахлынули на меня. Я отвернулся — и едва не упал от неожиданности: прямо на меня ехал на лошади отец. Наши взгляды встретились. Лицо его вытянулось от удивления. Но он молча проехал мимо, больше не взглянув на меня ни разу. Я с невыразимой болью глядел ему вслед.

— Отец! — вырвалось у меня из груди.

Но он спокойно продолжал свой путь, как будто не слышал моего голоса. Глаза мне обожгли горячие слезы, все смешалось и поплыло куда-то в сторону, меня стало лихорадить. Мне пришлось мобилизовать всю свою волю, чтобы сохранить самообладание и не позориться при всех, да еще на лестнице храма Потала. Я выпрямился, напустил на себя побольше важности и снова как ни в чем не бывало стал разглядывать Лхасу.

Спустя полчаса вернулся лама Мингьяр Дондуп. Он вел за собой еще одну лошадь.

— Скорее в седло, Лобсанг, нам надо заехать в Сера, там с одним из настоятелей произошло несчастье.

К седлам были приторочены сумки с инструментами Учителя. По дороге Лингхор мы проскакали галопом мимо моего дома. Нищие расступались, давая нам дорогу. Мы довольно скоро приехали в монастырь Сера, где нас уже ожидали несколько монахов. Соскочив на землю и подхватив сумки, мы в сопровождении аббата направились в помещение, где лежал на спине несчастный старик.

Лицо его уже приняло землистый оттенок, жизненные силы готовы были оставить тело в любую минуту. Лама Мингьяр Дондуп попросил вскипятить воду; вода была готова, ее тут же принесли. Учитель бросил туда травы. Пока я размешивал настой, он осматривал старика, который при падении разбил голову. Расплющенная черепная кость давила на мозг. Когда травяной настой остыл, мы обмыли им лоб больного; этим же настоем мой учитель вымыл руки. Затем он достал из сумки острый хирургический нож и быстро сделал глубокий, до самой кости, надрез в виде буквы U. Благодаря действию трав кровотечение было слабое. Снова пошли в ход примочки. Затем Мингьяр Дондуп отвернул надрезанный лоскут кожи; обнажился разбитый участок черепа. С величайшей осторожностью учитель стал исследовать то место, где треснувшая от Удара кость сместилась внутрь черепа. Еще раньше он положил несколько инструментов в банку с дезинфицирующим раствором; теперь он вынул оттуда два серебряных стержня с расплюснутыми зубчатыми концами. Он ввел тонкий конец одного из стержней в самое широкое место пролома черепа, зафиксировал его, а другим захватил край кости, пытаясь

поставить ее на прежнее место.

— Лобсанг, передай мне банку, — сказал он, поддерживая кость стержнем.

Я протянул ему банку, из которой он извлек серебряный шип — небольшой треугольный клинышек. Он вставил клинышек в щель между целой частью черепной коробки и обломком кости, который теперь слегка возвышался над нормальным уровнем. Затем он осторожно стал надавливать; обломок слегка сместился вниз. Учитель продолжал надавливать; еще небольшое усилие — и кость встала на свое место.

— Теперь шов срастется; серебро — инертный металл и не вызовет осложнений.

Учитель еще раз промыл рану травяным настоем и осторожно наложил отвернутый лоскут кожи на прежнее место. Разрез он сшил конским волосом, продезинфицировав его в кипящей воде, после чего смазал всю рану мазью на растительной основе. Затем наложил на голову повязку, которую предварительно прокипятил.

Старик постепенно приходил в себя после того, как устранено было давление кости на мозг. Мы уложили его на подушки так, чтобы он находился в полусидячем положении. Я чистил инструменты, кипятил их и аккуратно раскладывал по сумкам. В ту минуту, когда я мыл руки, старец открыл глаза и слабо улыбнулся, узнав склонившегося над ним Мингьяра Дондупа:

— Я знал, что только ты сможешь помочь мне, поэтому и послал за тобой в Поталу. Мои обязанности на земле еще не выполнены, и я не готов оставить свое тело.

Мой Наставник посмотрел на него внимательно и сказал:

— Ты поправишься. Несколько дней дискомфорта, возможны приступы головной боли, а потом все пройдет, и ты снова примешься за свои дела. Но пока что кто-нибудь должен дежурить у твоей постели. Через три-четыре дня всякая опасность минует.

Я стоял у окна и с интересом наблюдал за жизнью незнакомого монастыря. Лама Мингьяр Дондуп подошел ко мне:

— Ты вел себя молодцом, мы будем вместе заниматься медициной. А сейчас пойдем знакомиться с жизнью этой общины, она очень непохожа на нашу.

Мы оставили старого настоятеля на попечение ламы и вышли в коридор. По чистоте здешнему монастырю было далеко до Шакпори. Да и дисциплина, похоже, была не на высоте. Монахи бродили туда и сюда, как мне казалось, бесцельно и бесконтрольно. По сравнению с нашими храмы выглядели менее ухоженными. Даже аромат благовоний казался здесь каким-то горьким. Во дворе играли ватаги ребятишек — в Шакпори дети почти всегда работали. Почти не слышно было шелканья молитвенных мельниц — изредка их крутили старые монахи. В общем — ни чистоты, ни дисциплины, ни порядка, к которым я уже привык.

— Ну, Лобсанг, не хочешь ли ты остаться тут и вести вольную жизнь, как и все здесь? — спросил меня учитель.

— Конечно, нет! Они похожи на толпу дикарей. Мой Наставник рассмеялся:

— Семь тысяч дикарей! Не много ли? Достаточно горстки шалопаев, чтобы бросить тень на всю общину, не так ли?

— Вполне возможно, — отвечал я. — Однако название своему монастырю они дали красивое — «Живая изгородь из шиповника», хотя я бы назвал его по-другому...

Лама смотрел на меня и улыбался:

— Думаю, ты бы навел здесь порядок.

Я лишний раз убедился в том, что в нашем монастыре царила строжайшая дисциплина, в то время как в других монахи что хотели, то и делали. Хотелось им бездельничать — они бездельничали, и никто им слова не говорил.

Монастырь Сера, или «Живая изгородь из шиповника», находился в пяти километрах от Поталы и входил в систему монастырей с общим названием «Три престола». Самым большим монастырем в этой группе считался Дрэпунг с 10 тысячами монахов. Затем шли Сера с 7500 монахами и Гэндан, где было около 6 тысяч монахов. Все

три монастыря походили на настоящие города с улицами, храмами, учебными заведениями, различными административно-хозяйственными зданиями. Улицы патрулировались стражниками из провинции Кам. Сейчас, разумеется, их место заняли китайские солдаты. Шакпори был небольшим, но очень влиятельным монастырем. Как «Храм Медицины», он был в те времена средоточием медицинских наук и имел внушительное представительство в составе тибетского кабинета министров.

В Шакпори нас обучали приемам дзюдо. Я употребляю слово «дзюдо» для большей ясности, поскольку тибетское название этого вида борьбы — «Сунгтру Кьен-ка-тиль де-по ле-ле-по» — невозможно перевести. Непереводим и соответствующий технический тибетский термин — «амарее». На самом деле дзюдо — лишь начальная, элементарная ступень тибетской борьбы. Не в каждом монастыре изучали борьбу, но нам, будущим ламам-врачам, знание элементов и приемов борьбы необходимо было для самоконтроля, а также в качестве средства обезболивания или выключения сознания пациента (скажем, при хирургическом вмешательстве). Эти же навыки бывали очень кстати во время поездок в опасные районы — ведь куда только ни приходилось ездить ламам-медикам...

Старый Тзу был настоящим профессором дзюдо, возможно, лучшим борцом в Тибете. Начав обучать меня с четырех лет, он раскрыл мне многие секреты этой борьбы, известные лишь ему одному. В сущности, он передал мне все, чем сам владел, — ради удовлетворения хорошо выполненной работой. По нашим понятиям, борьба — средство самообороны и самоконтроля человека, а не способ завоевывать призы. В Тибете говорят, что сильный человек может позволить себе быть мягким и добрым, а бузотерство, бахвальство и задиристость — удел слабых.

Наше дзюдо позволяет усыплять человека во время врачевания перелома кости или удаления зуба, чтобы он не чувствовал боли. Мы умели без особого труда и риска ввести человека в бессознательное состояние на несколько минут или часов. Он об этом даже не догадывался, а очнувшись чувствовал себя как обычно. Было любопытно наблюдать за таким пациентом. Если он говорил в момент потери сознания, то, проснувшись, продолжал разговор с прерванной фразы. Очевидно, что такие методы анестезии таят в себе определенную опасность, поэтому ими разрешают пользоваться только тем, кто прошел строгие квалификационные испытания. Эти методы включают в себя и приемы дзюдо, и элементы мгновенного гипноза. Специалисты, прошедшие подобную подготовку, подвергаются также специальному гипнотическому блокированию, которое исключает попытки злоупотребления полученными возможностями.

Ламаистский тибетский монастырь — это не просто место, где живут монахи и религиозно настроенные люди, но это целый автономный город со своими службами и своим комфортом. У нас был театр, где ставились пьесы на традиционные религиозные сюжеты. Наши музыканты всегда готовы были блеснуть своим искусством и подтвердить свое превосходство над музыкантами других монастырей. Те монахи, у которых водились деньги, могли покупать продукты, одежду, книги, предметы роскоши. Желавшие скопить деньги имели возможность положить их на счет в специальном заведении вроде банка. В каждом сообществе людей есть преступники. Наших нарушителей законов арестовывали монахи-полицейские и направляли их в суд, который и определял меру наказания. И если суд признавал человека виновным, то преступник отбывал наказание в исправительной тюрьме монастыря.

Различные школы соответствовали различным талантам и наклонностям детей. Одаренных всячески поддерживали, а бездельники могли бодрствовать или проспать всю свою жизнь — но только не в монастыре Шакпори. Вообще в Тибете считается, что на жизнь ближнего воздействовать невозможно, и есть только надежда, что при следующем перевоплощении отставший наверстает упущенное. В Шакпори было другое правило: тому, кто не добивался успехов, предлагалось покинуть монастырь и отправляться на все четыре стороны в поисках более легкой жизни.

За больными у нас был установлен хороший уход. В каждом монастыре был госпиталь, где больных лечили монахи, сведущие в медицине и в элементарной хирургии. Такие специалисты, как лама Мингьяр Дондуп, вызывались только в случаях особо сложных операций. С тех пор как я покинул свою родину, я слышал от многих западных специалистов, что в Тибете утверждают, будто у мужчины сердце расположено в левой части груди, а у женщины — в правой. Мне, конечно, смешно слышать такую чепуху: в нашем распоряжении было достаточно трупов для анатомирования. Забавляло меня и то, что за тибетцами на Западе установилась репутация «грязных людей», что у нас широко распространены венерические заболевания. Те, кто пишет и говорит подобную ерунду, наверняка не посещали свои собственные неафишируемые места в Англии или США, где гражданам предлагается «бесплатное и тайное лечение». Мы действительно *не чистые* — да, некоторые наши женщины, например, густо мажут лицо специальными мазями, ярко красят губы — чтобы не промахнулся тот, для кого важно их местоположение. Более того, наши женщины пользуются лосьонами, придающими волосам особый блеск или оттенок, а иногда даже выщипывают брови и красят ногти — конечно, есть все основания объявить таких женщин «грязными и легкомысленными»!

Однако вернемся к нашему монастырю. К нам часто наезжали гости — торговцы, монахи — и останавливались в монастырской гостинице. За собственный счет, разумеется! Не все монахи было холостяками. Тем монахам, которые считали, что «благость целибата» неблагоприятно сказывается на развитии их духа, разрешалось вступать в секту «Красных шапок» и жениться. Но такие составляли меньшинство. В религиозной жизни руководящий класс формировался из людей, давших обет целибата, — из секты «Желтых шапок». В специальных монастырях монахи и монахини работали бок о бок. Здесь складывалась более мягкая атмосфера и быт, чем в чисто мужских монастырях.

В некоторых монастырях печатались собственные книги. В них же изготавливалась и собственная бумага. Производство ее было вредным для здоровья, поскольку требовало применения токсичных веществ, добываемых из коры некоторых деревьев. Эти яды предохраняли бумагу от насекомых, но у людей от них сильно болела голова, иногда последствия бывали и более серьезными.

Наш типографский шрифт делается не из металла. Все печатные страницы выполняются на формах из специального дерева — сначала наносится краской текст или рисунки, после чего вся незакрашенная часть дерева вырезается на достаточную глубину. Готовая форма может оказаться весьма сложной и замысловатой. Размеры форм достигали 1 метра в ширину и 0,5 метра в высоту. Страницы даже с малейшей ошибкой отбраковываются. Страницы наших книг не похожи на страницы обычных европейских книг. У нас ширина обычно значительно превышает высоту. Страницы никогда не сшиваются, они удерживаются в виде книги только двумя деревянными обложками, украшенными гравировкой. Во время печатания форма кладется на горизонтальную поверхность. Один из монахов наносит на нее валиком ровный слой чернил. Другой укладывает лист на форму, а третий тут же проходит по нему тяжелым валиком. Четвертый монах снимает готовую страницу и передает ее ученику-печатнику, который раскладывает страницы по порядку. Очень редко лист получается смазанным или испачканным; испорченные листы никогда не попадают в книгу, они откладываются в сторону и используются в учебном процессе. В Шакпори страницы наших учебных пособий были еще больше, их размеры — примерно 2х 1, 3 метра. На такой странице может поместиться рисунок человека в натуральную величину со всеми его органами. С подобных печатных форм делались учебные настенные плакаты, которые мы потом раскрашивали. Были у нас и астрологические карты. Карта, по которой составлялся гороскоп, представляла собой квадрат со стороной около полуметра. Она показывала положение планет в момент зачатия и рождения ребенка. Оставалось только внести в специальные пропуски на картах данные из точных математических таблиц, которые рассчитывались в нашем монастыре.

После осмотра монастыря «Живая изгородь из шиповника», который в моих глазах явно проигрывал Шакпори, мы пошли навестить старого настоятеля. За эти два часа его состояние значительно улучшилось, он проявлял больше интереса к окружающему миру. По всему было видно, что старец очень уважал Мингьяра Дондупа и питал большую привязанность к нему.

— Мы уезжаем, — сказал мой учитель. — Я оставляю вам порошки из трав. Монаха, который будет за вами ухаживать, я научил, как ими пользоваться.

С этими словами он вынул из сумки три маленьких кожаных мешочка и передал аббату. Для старика они означали жизнь вместо смерти.

Во дворе нас ожидал монах, державший под уздцы хорошо отдохнувших лошадей. Лошади прядали ушами, им не терпелось рвануть вскачь. Чего не скажешь обо мне. К счастью, лама Мингьяр Дондуп также предпочитал неторопливую езду. Монастырь «Живая изгородь из шиповника» находился в трех с половиной километрах от окружной дороги Лингхор. Я не испытывал никакого желания ехать мимо дома родителей. Мой Наставник как будто прочитал мои мысли:

— Мы пересечем дорогу и проедем по улице книжных лавок. Торопиться нам некуда. Завтра будет день, которого мы еще не видели.

Увидеть книжные ряды, где торговали китайцы, послушать жаркие относительно цены, споры, доходившие до ссор, было очень заманчиво. На другой стороне улицы находился *чортен* — символ бессмертия души. Позади него возвышался великолепный храм, куда направлялись толпы монахов из монастыря Шада Гомпа. Спустя несколько минут мы приблизились к группе зданий, тесно жавшихся друг к другу под сенью храма Джоканга. «Вот, — подумалось мне, — давно ли еще вольным мальчишкой бегал я здесь и не собирался стать монахом; хорошо бы все это оказалось сном, как здорово было бы проснуться!»

Проехав еще немного, мы свернули направо и двинулись дальше через мост Черепахи. Повернувшись ко мне, лама Мингьяр Дондуп продолжил разговор:

— Все еще не хочешь быть монахом? Напрасно. Жизнь монаха очень интересна. В конце этой недели монахи отправляются в экспедицию в горы для сбора трав. Но в этот раз ты с ними не поедешь. Лучше мы с тобой позанимаемся, чтобы ты сдал экзамен на траппу, когда тебе исполнится двенадцать лет. А в горы я тебя собираюсь взять в другой раз: это будет необычная экспедиция, мы пойдем в такие места, где растут редчайшие травы.

Вот наконец и выезд из деревни Шо. Приближаемся в Парго Калинг, западному входу в долину Лхасы. Здесь мы увидели нищего, в испуге прижавшегося к стене:

— О святой и почтеннейший лама-врач, не лечи меня от моих болезней, сжался надо мной, иначе я лишусь последнего куска хлеба.

Лицо учителя было печальным, когда мы проезжали через ворота под чортеном.

— Сколько нищих, Лобсанг! И зачем мы их столько терпим! Это из-за них ведь распространяются за границей нелепые слухи о Тибете. Когда вместе с Несравненным я был в Китае и Индии, я слышал там разговоры о наших нищих, Люди не подозревают, что некоторые из нищих очень богаты. Только после совершения Пророчества в год Железного Тигра (в 1950 году китайцы вторгнутся в Тибет) всем нищим придется работать. Ни ты, ни я этого не увидим. Ты будешь жить в заморских странах, а я возвращусь в Небесные Поля.

Мне стало не по себе от мысли, что настанет день и мой дорогой гуру покинет меня, оставит нашу землю. Тогда я еще не совсем хорошо понимал, что жизнь на земле — не что иное, как иллюзия, серия испытаний, школа. Да и что я мог знать о поведении человека перед лицом смерти? Опыт пришел потом!

Миновав Кунду Линг, слева мы увидели дорогу, которая вела к Железной Горе. Я с интересом разглядывал скульптуры из цветного камня, тянувшиеся по одну сторону дороги. Но день клонился к закату, и нельзя больше было терять времени. Покачиваясь в

седле, я размышлял о сборщиках трав. Один раз в год монахи из Шакпори направляются в горы за травами, которые затем сушат и складывают в непроницаемые мешки. Там, в горах, кроются огромные лекарственные богатства. Фактически, очень немногие люди побывали в высоких горах, где встречаются столь странные вещи, что о них нельзя рассказать. Что ж, в этом году я не поеду, но я буду хорошо учиться, и лама Мингьяр Дондуп возьмет меня в такую экспедицию, когда я буду готов! Астрологи предсказали, что экзамен на траппу я сдам с первой попытки; но я знал, что мне предстоит серьезно поработать: предсказание сбудется, *если* я и сам хорошенько постараюсь. Мой уровень умственного развития соответствовал по меньшей мере восемнадцатилетнему возрасту, и я, как обычно, постоянно находился среди старших парней. И рассчитывать приходилось только на собственные силы.

ГЛАВА 10   ОСНОВЫ ТИБЕТСКОЙ ВЕРЫ

Быть может, читателю интересно будет узнать некоторые особенности нашего мировосприятия.

Наша религия — это разновидность буддизма, но у нее нет своего названия. Для нас она — просто Религия. Мы называем «своими» тех, кто разделяет нашу веру, и «чужими» всех остальных. Наиболее близкое и известное на Западе слово, которым можно определить нашу религию, — ламаизм. Ламаизм отличается от буддизма тем, что зиждется на надежде и вере в будущее, в то время как в основе буддизма, по нашим понятиям, лежат отчаяние и безнадежность. Мы не верим в существование всемогущего отца, который наблюдает за всем миром и всех оберегает.

Многие сведущие специалисты предпринимали попытки толковать нашу религию. Подавляющее большинство их предавали ее анафеме, поскольку собственная вера делала их слепыми и они критиковали все, что не совпадало с их точкой зрения. Некоторые даже называли нашу веру «сатанинской», потому что наши обычаи казались им странными и чуждыми. Многие европейцы формировали свое мнение либо на основе устных былей и небылиц, либо на основе написанного своими же согражданами. И лишь ничтожному меньшинству из них, вероятно, приходилось изучать нашу религию, и то в течение нескольких дней, после чего они обретали уверенность, что способны понять всё и писать книги обо всем, трактуя и объясняя по-своему то, что смогли открыть и понять самые образованные из наших мудрецов ценой великого труда и раздумий в течение всей жизни.

Представьте себе на минутку некоего «просвещенного» буддиста или индуиста, полиставшего часок-другой Библию и готового объяснить все тонкости христианского учения! *Ни один* из подобных «специалистов» по ламаизму не пожил в ламаистском монастыре в качестве монаха, начиная с детского возраста, не изучил досконально наши Священные книги. Они тщательно хранятся у нас и не попадают в руки тех, кто желает обрести дешевое спасение быстрым и легким путем. Те, кто ищет утешения в

определенном ритуале или в какой-либо форме самовнушения, могут получить такую книгу, если она действительно способна им помочь. Но они не постигают Внутренней Реальности — для них это только детские иллюзии. Некоторые утешают себя: вот, мы совершаем грех за грехом, но, когда угрызения совести станут слишком сильными, мы пойдем в ближайший храм, принесем хорошие подношения, и боги тут же отпустят нам все грехи и все простят. И можно будет грешить снова. Действительно, *есть* Бог, есть Высшая Сущность. И не так важно, какое имя вы дадите Ему. Бог — это реальность.

Тибетцы, которые хорошо изучили истинное учение Будды, никогда не просят ни прощения, ни милости, они просят только справедливости. Высшее существо, будучи в то же время высшим выражением Справедливости, не может явить милость одному и отказать в ней другому — это значило бы отрицание самого принципа справедливости. Вымаливать прощение или милость, обещая взамен золото в случае принятия молитвы, — не будет ли это означать, что молитва идет тем выше, чем дороже подношение, что Бог беден и его можно подкупить?

Человек может явить милость человеку, но только в редких случаях; *Высшая Сущность может явить только справедливость*. Наши души бессмертны. Наша молитва «Ом! Мани падме хум!», начертанная выше, буквально переводится: «Приветствую Сокровища Лотоса!» Но мы понимаем это гораздо глубже: «Приветствую сверх-Я Человека!» Смерти *нет*. Как мы снимаем с себя одежду с наступлением вечера, так и душа освобождается от тела во время сна. Как мы выбрасываем старые изношенные одежды, так и душа поступает со старым, одряхлевшим телом. Смерть — это рождение. Умереть — значит родиться в другой жизни. Душа человека вечна. Физическое тело служит одеждой, в которой временно живет душа. Выбор физического тела определяется задачей, которую душа должна выполнить, находясь на земле. Внешние данные физического тела не играют роли. Вся суть заключается в душе. Великий пророк может родиться бедняком — а как еще он сможет лучше познать степень человеческого милосердия? Тот, кто прожил предыдущую жизнь в грехе, может родиться богачом — будет ли он и в этом случае совершать прежние ошибки, если уже нет той нищеты, которая толкала его к преступлениям?

Под «Колесом Жизни» мы понимаем цикл: рождение — жизнь — смерть — возвращение в духовное состояние и, спустя определенное время, возрождение при различных условиях и обстоятельствах. Что это за условия и обстоятельства? Человек может страдать всю свою жизнь на земле, но это вовсе не означает, что его предыдущая жизнь была несправедливой. Переживания и страдания могут послужить лучшим и быстрее-шим средством для понимания определенных вещей. Не чьи-то рассказы, а личный опыт человека — лучший его учитель! Человек, совершивший самоубийство, может быть возвращен на землю доживать свои годы, но отсюда не следует, что, например, все люди, умершие в молодости или детстве, — самоубийцы. «Колесо Жизни» — одно для всех: для нищих и богатых, мужчин и женщин, людей, пышущих здоровьем, и немощных, белых и цветных. Конечно, «Колесо Жизни» — это символ, но символ достаточно серьезный для всех тех, у кого не достало времени заняться изучением этих проблем. Невозможно в одной или двух главах представить концепцию нашей веры. «Канджур» — тибетское Священное Писание — включает в себя более ста книг, но и они не полностью раскрывают весь предмет. Есть у нас и другие книги, о которых знают только Посвященные и которые хранятся в монастырях, изолированных от остального мира.

С давних времен восточные люди знали о существовании оккультных сил и законов, как знали и то, что эти силы и законы естественны. Наши ученые никогда не отрицали их на том основании, что, мол, их нельзя взвесить или проверить на действие кислот. Напротив, они старались постичь их и научиться ими пользоваться и управлять. Например, их не столько привлекал сам механизм ясновидения, сколько его результаты. Многие не верят в реальность ясновидения: попробуйте убедить слепого от рождения, что люди видят. Он будет считать, что *видение невозможно*, так как *сам он* никогда не видел.

Как доказать слепому, что можно видеть предметы на расстоянии, не вступая с ними ни в какой контакт? (Ведь слепой должен обязательно ощупать предмет.)

Тело человека купается в многоцветной ауре. Опытные специалисты по интенсивности ее свечения, яркости красок могут определить состояние здоровья человека, судить о его характере и уровне развития. Аура — это радиация внутренней жизненной силы, светового потока от эго, или души. Голова человека окружена световым нимбом, производным той же силы. После смерти свет затухает: душа покидает тело и держит путь к новой фазе своего существования. Она становится тенью и как бы плывет — грубый удар смерти, при котором она высвобождается из физического тела, оглушает ее. Возможно, в первые минуты она не совсем отчетливо понимает, что с ней происходит. Вот почему ламы присутствуют при смерти и напутствуют умирающих, поясняя, какие следующие ступени они должны пройти. В противном случае душа может остаться связанной с землей телесными желаниями. Задача священников — разорвать эти связи.

У нас довольно часто проводились службы, которые должны были помочь усопшим душам найти правильный путь. Тибетцы не испытывают никакого страха перед смертью, и все же определенные предосторожности облегчают переход души из земной жизни в другую. Души усопших необходимо направлять по предначертанному маршруту, руководя их сознанием. Службы отправляются в специальном храме в присутствии 300 монахов. В центре храма, в круге лицом к лицу, восседает группа из четырех-пяти лам-телепатом. Под песнопения монахов, которыми руководит отец-настоятель, они устанавливают и поддерживают телепатическую связь с блуждающей душой. Тибетские молитвы невозможно передать никаким переводом, но все же я попытаюсь дать читателю некоторое представление о них:

— Слушайте голоса наших душ, вы все, кто блуждает без помощи за чертой земли! Живые и мертвые живут в разных мирах. Где можно увидеть лица мертвых? Где можно услышать их голоса? Мы зажигаем первую палочку ладана; пусть вызывает она к заблудшей душе и указывает ей путь.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, кто блуждает без помощи! Горы тянутся к небесам, но не слышно ни звука. Легкий ветер рябит воду, и распускаются цветы. Птицы не улетают при вашем приближении. Не могут птицы видеть вас, не могут знать о вашем присутствии. Мы зажигаем вторую палочку ладана; пусть вызывает она к заблудшей душе и указывает ей путь.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, кто блуждает! Этот мир — мир иллюзий. Жизнь — не что иное, как сон. Все родившееся должно умереть. Только дорога Будды ведет к вечной жизни. Зажигается третья палочка ладана; пусть вызывает она к заблудшей душе и указывает ей путь.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, сильные мира сего, царившие в горах и над реками! Ваше царствование длилось мгновение, а стоны ваших народов никогда не прекращались. Потоки крови размывают землю, а от стонов угнетенных дрожит листва. Зажигается четвертая палочка ладана; пусть вызывает она к теням королей и диктаторов и указывает им путь.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, воины, вторгавшиеся в чужие страны, калечившие и убивавшие! Где теперь ваши армии? Земля стонет, и травами зарастают поля битв. Зажигается пятая палочка ладана; пусть вызывает она к одиноким теням полководцев и правителей и указывает им путь.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, художники и ученые, посвятившие свои жизни рисованию и писанию книг! Тщетно напрягали вы зрение, тщетно изводили краски и чернила. Вы совершенно забыты, и вашим душам предстоит снова та же дорога. Зажигается шестая палочка ладана; пусть вызывает она к теням художников и писателей и указывает им путь.

— Слушайте голоса наших душ, вы, прекрасные девы и благородные женщины, чью молодость можно сравнить со свежим весенним утром. После объятий возлюбленных

сердца ветшают. Приходит осень, ее сменяет зима. Деревья засыпают, цветы увядают, и от красоты остаются только скелеты. Зажигается седьмая палочка ладана; пусть вызывает она к теням дев и благородных женщин, пусть указывает им дорогу от пут этого мира.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, нищие и воры, и вы, совершившие преступления против своих близких и не находящие теперь себе пристанища и покоя! Ваши души блуждают без помощи друга, и нет справедливости внутри вас. Зажигается восьмая палочка ладана; пусть вызывает она к душам грешников, скитающихся в одиночестве.

— Слушайте голоса наших душ, вы все, блудницы, развратницы ночи, вы, вовлекавшие в греховную связь мужчин и блуждающие сейчас в царстве теней! Зажигается девятая палочка ладана; пусть вызывает она к теням блудниц, пусть укажет им путь и поможет разорвать их прежние связи и освободиться.

В тяжелом облаке ладана за позолоченными статуями пляшут живые тени от неустойчивого света масляных ламп. Напряжение нарастает. Сосредоточенные монахи-телепаты изо всех сил стараются поддержать контакт с теми, кто покинул этот мир, не освободившись от земных привязанностей.

Монахи в красно-коричневых платьях сидят рядом, друг против друга, вознося молитвы. Невидимые барабаны отбивают ритм человеческого сердца. Во всем храме, словно в живом человеческом теле, раздается урчание внутренних органов, бульканье жидкости, шум дыхания в легких... Церемония продолжается: даются наставления усопшим душам. Ритмы телесных звуков и шумов меняются, постепенно замедляются. Наконец душа покидает тело: шорох, подавленный хрип — и тишина. Тишина наступает со смертью. Даже наименее чувствительные из монахов ощущают, что их окружают тени иных существ, что эти тени столпились вокруг, слушают, ожидают. Постепенно, по мере телепатического объяснения и обучения, напряжение слабеет, и беспокойные души отправляются в следующий этап своего путешествия.

Мы твердо верим, что жизнь дается нам бесчисленное количество раз. Но не только на земле. Существуют миллионы миров, и в большинстве своем они населены. Обитатели их могут сильно отличаться от нас. Возможно, они на порядок выше нас по развитию. Мы никогда не разделяли точку зрения, что человек представляет собой наиболее развитую и благородную ветвь эволюции. Мы верим, что существуют более высокие формы цивилизации, где не сбрасываются атомные бомбы. В Тибете мне приходилось читать книги, в которых говорилось о странных летательных машинах, названных «божьиими колесницами». Лама Мингъяр Дондуп рассказывал мне о монахах, вступивших в телепатическую связь с существами, которые управляли этими колесницами; монахи узнали, что эти существа наблюдали Землю — судя по всему, так же, как люди наблюдают в зоопарке опасных диких животных.

Много написано о левитации. Я знаю, что она возможна, потому что сам не раз был свидетелем этого явления. Однако левитация требует огромной практики. В сущности, нет нужды в столь трудной технике, когда существуют намного более легкие — например, астральные путешествия: они и проще, и надежнее. Большинство лам владеют техникой подобных путешествий. И каждый, кто наберется терпения, может овладеть этим полезным и увлекательным искусством.

В течение всех часов земного бодрствования наша душа (или наше эго) заключена в физическом теле и без специальной тренировки ее нельзя отделить от тела. Когда мы спим, отдыхает наше тело — только оно нуждается в отдыхе. Душа во время сна освобождается из тела и переходит в царство духа, словно ребенок, возвращающийся после школы вечером домой. Душа и физическое тело связаны между собой *серебряной нитью* способной эластично удлиняться до бесконечности. Пока эта нить не порвалась, в теле сохраняется жизнь. С наступлением смерти нить обрывается и душа переселяется в мир духа: она рождается для новой жизни, как младенец, когда ему перерезают пуповину,

чтобы отделить его от матери. Для новорожденного появление на свет означает конец жизни в утробе матери. Для души физическая смерть означает рождение в духовном, более свободном мире. Пока человек спит и душа его связана с телом *серебряной нитью*, она в состоянии освободиться и облететь весь мир. Астральное путешествие можно совершать и в бодрствующем состоянии, но для этого человек должен пройти специальное обучение. Странствия души и навевают сны. Сны — это впечатления души, передаваемые непосредственно через *серебряную нить*. Когда они доходят до мозга, мозг их «рационализирует», переосмысливает. В духовном мире время не существует, поскольку является чисто физическим понятием. Например, сны могут казаться нам длинными и запутанными, в то время как на самом деле они длятся какую-то долю секунды. Любой из нас может увидеть во сне человека и разговаривать с ним, пусть тот даже находится за тридевять земель, или получить письмо от друзей, родственников. Проснувшись, мы еще некоторое время находимся под впечатлением от увиденного во сне и думаем, что кто-то нас вспоминает. А спустя несколько дней мы, немного удивившись, действительно получаем весть от далекого друга или родственника. У обычных людей память, как правило, не натренирована, поэтому в снах они не видят никакой логики, для них сны нередко превращаются в кошмары.

В Тибете мы часто путешествуем — я имею в виду астральные полеты, а не левитацию. Астральной техникой у нас владеют в совершенстве. Душа готова покинуть тело, хотя все время остается связанной с ним *серебряной нитью*. Но она свободна: каждый может летать куда ему вздумается со скоростью собственной мысли. Большинство людей обладают способностью к астральным путешествиям. Но тех, кто решится совершить его без должной подготовки, скорее всего, ожидает шок. Вспомните, как иногда, погружаясь в сон, вы внезапно вздрагиваете, будто от сильного толчка. Шок объясняется тем, что душа слишком быстро отделилась от тела. В этом случае *серебряная нить* начинает судорожно сокращаться и душа молниеносно втягивается в свою оболочку, то есть в физическое тело. Возвращение из настоящего астрального путешествия может оказаться еще более болезненным. Душа парит очень высоко над физическим телом, как воздушный шар на тросе. И если вдруг что-то, скажем какой-нибудь шум, принуждает ее с огромной скоростью воссоединиться с телом, то спящий вскакивает с ужасным ощущением, будто он летел в пропасть, но вовремя проснулся.

Астральные прогулки при полном контроле и ясном сознании доступны почти всем. Необходима только специальная тренировка. Однако на первых стадиях обучения особенно важно быть одному, чтобы никто не мог вас побеспокоить или помешать вам. Эта книга — не учебник по метафизике, и я не буду давать вам практические советы, но все же должен подчеркнуть, что без опытного наставника ваши эксперименты могут оказаться весьма неприятными. Овладение техникой астральных прогулок, как правило, серьезной опасности не представляет, и все же существует риск чрезмерного эмоционального потрясения при несвоевременном отделении души от тела и ее несвоевременном воссоединении с ним. Астральные путешествия *категорически* противопоказаны людям со слабым сердцем. Хотя само по себе астральное путешествие никакой опасности не представляет, существует риск, что кто-то войдет в комнату и потревожит тело или *серебряную нить*... Потрясение может оказаться роковым: душа вынуждена будет родиться снова и пробыть на ней положенный срок, прежде чем перейдет на следующую ступень развития.

Тибетцы верят, что *до падения человека* все мы обладали астральной техникой, ясновидением, телепатией, способностью к левитации. Падение человека было вызвано тем, что он стал злоупотреблять оккультными силами в личных, эгоистических интересах, вместо того чтобы использовать их для развития всего человеческого рода. В прежние времена все люди могли разговаривать друг с другом с помощью телепатии. Язык племени использовался только для внутреннего общения между его представителями. Язык же телепатии, то есть мысленный язык, был понятен каждому, независимо от

племенной принадлежности. Когда из-за злоупотреблений дар телепатии был утерян — началось вавилонское столпотворение!

У нас нет *субботы* как особого дня, но мы отмечаем *святые дни* — 8-е и 15-е числа каждого месяца. В эти дни совершаются специальные религиозные службы. Дни считаются священными, и никто в эти дни не работает. Мне говорили, что наши ежегодные праздники почти соответствуют христианским, но последние я знаю недостаточно и поэтому не буду сравнивать. Я просто расскажу про наши праздники.

В первый месяц (по западному календарю — февраль) с 1-го по 3-е число мы празднуем Ло-сар, что соответствует западному Новому году. Это дни всеобщего веселья и религиозных служб. Самая главная церемония года проводится с 4-го по 15-е число и называется *Мон-лам* («Дни Молений»). Это кульминационная точка как религиозной, так и светской жизни в течение года. Годовщина *Зачатия Будды* отмечается 15-го числа; это праздник торжественного благодарения, и веселье в такой день считается неуместным. Наконец, 27-го числа полурелигиозная, полумифическая церемония *Святого Кинжала* завершает праздники месяца.

Во втором месяце (марте) почти нет праздников, и лишь 29-го отмечают *Изгнание Демона Несчастной Доли*. Небольшое количество публичных церемоний проводится и в третьем месяце (апрель); самая главная из них — годовщина *Откровения* — приходится на 15-е число.

Годовщина *Отречения Будды от Мира* отмечается 8-го числа четвертого месяца (май по западному календарю). Начинается период более строгой и воздержанной, чем обычно, жизни; он соответствует христианскому Великому Посту. Годовщина *Смерти Будды* отмечается 15-го числа, это праздник памяти тех, кто покинул земную жизнь. Он известен также под названием «День Всех Душ». В этот день зажигаются палочки ладана для привлечения заблудших душ, пленников земли.

Я рассказал о наших главных праздниках. У нас есть еще много других праздников, которые необходимо отмечать, выполняя соответствующие церемонии, однако они не столь важны, чтобы их перечислять здесь.

В 5-й день июня ламы-врачи, к которым относился и я, должны были присутствовать на специальных церемониях в других монастырях. Возносились благодарственные молитвы Ордену Монахов-медиков, основанному самим Буддой. В этот день мы не имели права совершить ни малейшей ошибки, однако на следующий день начальство все-таки требовало полного отчета за все, даже за то, что ему не было известно, но что легко дополнялось его воображением.

На четвертый день шестого месяца (июль) отмечалась годовщина *Рождения Будды* и *Первое Чтение Закона*.

Праздник Урожая справлялся 8-го числа восьмого месяца (октябрь). Тибет — страна с сухим климатом; жизнь ее больше чем где бы то ни было зависит от рек. Осадки здесь незначительны. Поэтому Праздник Урожая был одновременно и Праздником Воды: есть вода — есть и урожай на земле!

Чудотворное Сошествие с Небес Будды отмечалось 22-го числа девятого месяца (ноябрь), а *День Фонарей* — 25-го декабря.

Заключительные религиозные церемонии года проводились 29-го и 30-го числа двенадцатого месяца (конец января — начало февраля по западному календарю). После *Проводов Старого Года* начинается подготовка к *Встрече Нового Года*.

Наш календарь сильно отличается от западного. Мы живем по 60-летнему циклу, при этом каждому году присваивается название животного (их всего 12) и элемента природы (5). Новый год наступает в феврале. Вот календарь на текущий цикл, начавшийся в 1927 году:

- 1927 — год Огненного Зайца,
- 1945 — год Деревянной Птицы
- 1928 — год Земляного Дракона,

- 1946 — год Огненной Собаки
- 1929 — год Земляной Змеи,
1947 — год Огненной Свиньи
- 1930 — год Железной Лошади,
1948 — год Земляной Мыши
- 1931 — год Железной Овцы,
1949 — год Земляного Быка
- 1932 — год Водяной Обезьяны,
1950 — год Железного Тигра
- 1933 — год Водяной Птицы,
1951 — год Железного Зайца
- 1934 — год Деревянной Собаки,
1952 — год Водяного Дракона
- 1935 — год Деревянной Свиньи,
1953 — год Водяной Змеи
- 1936 — год Огненной Мыши,
1954 — год Деревянной Лошади
- 1937 — год Огненного Быка,
1955 — год Древесной Овцы
- 1938 — год Земляного Тигра,
1956 — год Огненной Обезьяны
- 1939 — год Земляного Зайца,
1957 — год Огненной Птицы
- 1940 — год Железного Дракона,
1958 — год Земляной Собаки
- 1941 — год Железной Змеи,
1959 — год Земляной Свиньи
- 1942 — год Водяной Лошади,
1960 — год Железной Мыши
- 1943 — год Водяной Овцы,
1961 — год Железного Быка
- 1944 — год Деревянной Обезьяны, и так далее

Мы твердо верим, что события будущего можно предсказать. Пророчество — это наука, причем наука точная, хотя здесь могут применяться самые различные средства. Верим мы и в астрологию. Астрологические влияния суть не что иное, как космические лучи, «окрашенные» или видоизмененные телом, которое отражает их к Земле. Никто не станет отрицать, что с помощью камеры и белого света можно сделать фотографию. Специальные фильтры, помещенные перед линзой, позволяют добиться особых эффектов — ортохроматических, панхроматических, инфракрасных, не говоря уже о сотнях других. Космические излучения также влияют на жизнь людей, взаимодействуя с их химической и электрической природой.

«Искусство чтения по звездам, предсказания счастливых или несчастливых событий по знакам, пророчество добра или зла, — все это запрещено», — сказал Будда. Но в наших священных книгах есть более позднее Постановление. Оно гласит: «Эта способность дана немногим от природы; они заслужили ее своей болью и страданиями, поэтому могут применять ее. Никакая психическая сила не может использоваться в эгоистических или материальных целях, не может она использоваться и как средство доказательства существования подобных сил. Только так могут быть защищены те, кто не имеет этого дара».

Открытие *третьего глаза* было болезненным, но оно усилило мощь божественного дара, которым я был награжден от рождения. Мы еще вернемся к этому в другой главе. А сейчас я хочу поговорить об астрологии и вспомнить имена трех известных англичан,

которые могли подтвердить точность одного пророчества.

С 1027 года без помощи астрологов в Тибете не принималось ни одно важное решение. Очень точно было предсказано ими и вторжение англичан в 1904 году. Я привожу здесь это пророчество на тибетском языке, в подлинном графическом начертании. Вот его перевод: «В год Древесного Дракона. Первая часть года охраняет Далай-ламу, но вскоре вооруженные воры и разбойники начнут наступление. Врагов будет много, оружие их принесет большие несчастья, народ вступит в войну. В конце года один миротворец прекратит сражения». Это предсказание (на 1904 год) было сделано до 1850 года.

Командующий британскими войсками полковник Янгхасбенд видел текст пророчества в Лхасе. В 1902 году некий Д. Л. А. Уэдделл, находившийся в составе британских войск, также видел его. Видел его и Чарлз Белл, побывавший в Лхасе позднее.

Вот еще несколько примеров точного предсказания событий: 1910 год — китайское вторжение; 1911 год — китайская революция и образование националистического правительства; конец 1911 года — изгнание китайцев из Тибета; 1914 год — война между Англией и Германией; 1933 год — Далай-лама покидает этот мир; 1935 год — возвращение Далай-ламы в новом воплощении; 1950 год — вторжение китайцев в Тибет.

Составление гороскопов — достаточно серьезная наука, которую нельзя изложить на нескольких страницах такой книги, как эта. Если говорить кратко, то составление гороскопов основывается на точном воспроизведении карт звездного неба на момент зачатия и рождения человека. Для этого необходимо знать точное время рождения. Оно пересчитывается затем в *звездное время*, которое отличается от всех поясных времен мира. Поскольку орбитальная скорость Земли составляет около 30 километров в секунду, малейшая неточность приведет к большим погрешностям расчета. Скорость вращения Земли в экваториальном поясе равна почти 1800 километров в час. Земля качается в процессе вращения, и Северный полюс осенью опережает Южный более чем на 50 тысяч километров; весной соотношение меняется на обратное. Долгота и широта места рождения, таким образом, имеют жизненно важное значение.

Когда карты готовы, их анализируют те, кто прошел специальную подготовку. Оценивается взаиморасположение планет, а также сила их влияния на звездную карту новорожденного. Карта зачатия позволяет определить главные силы, воздействующие на плод с первых секунд его жизни в утробе матери. Карта рождения определяет силы, влияющие на ребенка после его появления на свет. Для определения *будущего* готовится еще одна карта — на интересующий момент времени в будущем — и сравнивается с картой рождения. Иногда меня спрашивают, могу ли я точно определить, какая лошадь выиграет первый забег. Нет, разумеется! Для этого необходимо составить гороскоп для всех жокеев, лошадей и хозяев лошадей. В данном случае лучше взять карандаш, закрыть глаза и ткнуть наугад в заявочный список участников! Мы можем предсказать, выздоровеет ли больной, женится ли Том на Мэри и будет ли он с ней счастлив. Это то, что касается отдельных людей. Мы также можем предсказать, что если Англия и США не остановят коммунизм, то в год Древесного Дракона, что в нашем цикле соответствует 1964 году, начнется война. В предвидении этого следует готовиться к грандиозному фейерверку в конце столетия, который, несомненно, привлечет наблюдателей на Марсе и Венере. Все это при условии, что коммунистов не удастся обуздать.

Другой вопрос, который, кажется, очень волнует европейцев, — восстановление истории предшествующих жизней. Непосвященные люди считают это невозможным; точно так же глухой от рождения может заявить, что *он не слышит* никаких звуков, стало быть, их и не существует. И все же можно воспроизвести предшествующую жизнь любого человека, хотя для этого требуется сопоставление многочисленных карт и проведение сложных расчетов. Представим себе человека в аэропорту, интересующегося, откуда прибывает тот или иной самолет. Если это просто наблюдатель, то он старается угадать;

специалисты же, управляющие полетом, знают это точно. Но если человеку дать в руки расписание рейсов и хорошие часы, то он и сам сможет узнать то, что его интересует. Примерно так же восстанавливают предшествующие жизни. Я не стану приводить здесь методику соответствующих расчетов, так как для этого понадобилась бы отдельная большая книга. Для читателей может представлять интерес перечень вопросов, которыми занимаются тибетские астрологи. Они используют 19 символов в 12 астрологических домах.

Под этими символами могут подразумеваться:

Личность и личные интересы; финансы (как можно заработать или потерять деньги); родственные и другие отношения, короткие путешествия, склонность к размышлению и писательской деятельности; собственность и положение в конце жизненного пути; дети, удовольствия, философия; болезнь, работа, маленькие животные; предпринимательство, брак, враги и судебные процессы; наследственность; профессия и честь; дружба и амбиции; беспокойство, страхи и скрытые формы печали.

Мы можем приблизительно предсказать время и условия наступления следующих событий и состояний:

Любовь, тип личности возлюбленной (возлюбленного), день встречи; время вступления в брак; страсть необузданная; катастрофа (будет ли она вообще и, если будет, когда произойдет); смерть (когда и при каких обстоятельствах она наступит); тюрьма и другие формы заключения; разлад (обычно семейный или в служебных делах); сознание, степень эволюции духовности.

Я много занимаюсь астрологией, но все же отдаю предпочтение психометрии и гаданию *по кристаллу* — эти способы не менее точны, но требуют значительно меньше времени и позволяют обойтись без громоздких вычислений. Психометрия — это искусство улавливать информацию о прошлых событиях, рассматривая или осязая предметы. Этой способностью в какой-то степени обладает каждый человек. Не случилось ли вам, под влиянием воспоминаний о былом, зайти в церковь или храм и ощутить атмосферу удивительного покоя и утешения? Или, наоборот, сжаться от безотчетного ужаса на месте зверского убийства?

Гадание по кристаллу — нечто совсем иное. Кристалл, или «стекло», как уже упоминалось выше, просто фокусирует лучи от *третьего глаза*, подобно тому как фокусируются на экране рентгеновские лучи, образуя флуоресцирующую картину. Во всем этом нет никакой магии, все происходит в соответствии с законами природы.

В Тибете сооружено много памятников законам природы. Их называют чортенами (мы уже упоминали о них). Чортены являются такими же символами, как и распятие или икона у христиан. Они стоят повсюду. Самый высокий (16 метров) чортен находится в Лхасе, в нем устроены одни из ворот города. Все чортены имеют одинаковую форму, представленную здесь на рисунке. Квадрат символизирует твердь Земли, на которой покоится шар Воды, а на нем, в свою очередь, установлен конус Огня. На вершине конуса располагается чаша Воздуха, а еще выше — Дух, или Эфир, стремящийся покинуть материальный мир. Ступени Достижения позволяют подняться до уровня каждого из этих элементов.

Символика тибетских чортегов.

Чортен — это полный символ нашей веры. Мы рождаемся на земле. В течение всей жизни мы взбираемся или пытаемся взобраться как можно выше по Ступеням Достижения. Наконец, испустив последний вздох, мы входим в царство Эфира, или Духа. Затем вновь рождаемся для получения нового урока. *Колесо Жизни* символизирует этот бесконечный цикл: рождение — жизнь — смерть — дух — рождение и т. д.

Многие чрезмерно пылкие студенты делают серьезную ошибку, приписывая нам веру в ад, который иногда бывает изображен на Колесе. Может быть, какие-нибудь темные дикари и верят в существование ада, но только не просветленные представители нашей веры. Неужели христиане действительно верят, что после их смерти Сатана со своей компанией приготовят им жаровню и дыбу? Или они надеются присоединиться к меньшинству и попасть в Иные Места, где в ночных рубашках будут восседать на облаке и обучаться игре на арфе?

Мы веруем, что именно *на Земле* мы получаем уроки, именно *на Земле* горим и подвергаемся пыткам. «Иные Места» — это не что иное, как обитель душ, способных освободиться от физического тела и встретиться с такими же свободными существами. Это не спиритуализм; это убежденность в том, что во сне и после смерти мы можем путешествовать в астральных мирах. Высшие сферы этих миров носят название Страны Золотого Света. *Мы убеждены*, в астрале — после смерти или во сне — мы можем встречаться с теми, кого любим, потому что мы с ними пребываем в гармонии. И мы не можем встретить тех, кого презираем, поскольку презрение вызывает диссонанс, а в Стране Золотого Света диссонанс немыслим.

Все это было доказано временем, и приходится только сожалеть, что скептицизм и материализм Запада не позволили провести серьезные исследования возможностей нашей Науки. Довольно часто новые идеи не воспринимаются всерьез, иногда проходит много времени, прежде чем они завоевывают признание и право на существование. Это можно сказать о радио, телефоне, телевидении, авиации и многих других вещах.

ГЛАВА 11   ТРАПША

Со всем детским задором я твердо намеревался сдать экзамены с первого раза. По мере приближения моего двенадцатилетия я постепенно замедлял ритм работы; экзамены начинались утром после моего дня рождения. Прошедшие годы были заполнены учебой: астрология, медицина, анатомия, религиозная этика, не говоря уже об искусстве приготовления благовоний, тибетском и китайском языках (особенное внимание уделялось каллиграфии) и математике. Об играх нечего было и думать. Единственной «игрой», разрешенной в монастыре, было дзюдо, да и то потому, что нам предстоял труднейший экзамен по борьбе. За три месяца до экзаменов лама Мингьяр Дондуп сказал мне:

— Не перегружай память, Лобсанг, отвлекись немного от учебы. Будь спокоен, как вот сейчас, и знания никуда от тебя не убегут.

Наступил ответственный день. В шесть часов утра я вместе с другими 15 кандидатами вошел в экзаменационный зал. Состоялась короткая служба для поднятия духа, после чего нас заставили раздеться и тщательно обыскали, чтобы ни у кого и в мыслях не было воспользоваться на экзамене средствами, недостойными священника. Затем мы переоделись в чистые одежды. Главный Экзаменатор вывел нас из экзаменационного зала и направил каждого в отдельную каменную келью размерами 2 на 3 метра и высотой около 2,5 метров. За кельями все время неотрывно наблюдали монахи-полицейские. Как только мы вошли в кельи, двери за нами были закрыты на замок и опечатаны. Через небольшое отверстие в стене каждый из нас получил чернильный прибор и первый лист с вопросами, а также чай с маслом и тсампу. Обслуживавший нас монах сказал, что тсампу нам будут выдавать три раза в день, а чая — сколько захотим. И экзамены начались. В день мы сдавали по одному предмету, и так в течение шести дней; это была напряженная работа с раннего утра до наступления темноты. Кельи были без крыш и освещались тем же дневным светом, что и весь экзаменационный зал.

Во время всего экзамена мы оставались каждый в своей келье, покидать которую не разрешалось ни под каким предлогом. С наступлением темноты у окошечка появлялся монах и собирал наши листки с выполненными заданиями. После этого можно было отдохнуть и поспать до следующего утра. Я убедился на собственном опыте, что экзаменационная письменная работа, продолжающаяся 14 часов, представляет серьезное испытание на прочность знаний и психологическую выдержку кандидата. Письменные работы закончились к вечеру шестого дня. Ночь мы провели взаперти, поскольку на следующее утро должны были убрать свои кельи и оставить их в таком же порядке, какой застали неделю назад. Остальная часть дня была предоставлена в полное наше распоряжение!

Через три дня, когда были проверены все сочинения и найдены все ошибки в них, каждого по очереди вызывали в экзаменационную комиссию, члены которой снова и снова гоняли нас по всем предметам, уделяя особенно пристальное внимание нашим

промахам и слабым местам. Опрос продолжался целый день.

На следующее утро все 16 кандидатов собрались в зале дзюдо, чтобы продемонстрировать, как они усвоили захваты, замки, падения, броски и искусство самоконтроля. Каждый должен был помериться силами с тремя другими участниками. Проигравшие выбывали один за другим — и в конце я остался один! Конечно же, я стал первым дзюдоистом лишь благодаря жестким тренировкам Тзу — а ведь тогда, в детстве, я считал его школу грубой и несправедливой.

Еще один день мы отдыхали, восстанавливая силы после трудных испытаний. Наконец наступил день объявления результатов. Мне и еще четверем моим товарищам, успешно выдержавшим экзамены, присвоили звание *траппы* — священника-врача. После экзаменов меня позвал к себе лама Мингъяр Дондуп, мы с ним не виделись все это время. Лицо его светилось радостью:

— Bravo, Лобсанг, ты оказался первым в списке. Отец-настоятель послал специальное представление Далай-ламе. Он хотел сразу тебе присвоить звание ламы, но я возражал.

Мое лицо, кажется, вытянулось, и он добавил:

— Нужно учиться еще лучше и заслужить это звание трудом и успехами. Если тебе сейчас присвоить звание ламы, ты расслабишься в учебе. Я распорядился, чтобы тебя поместили в комнату рядом со мной. Придет время, и ты *будешь* сдавать экзамен на звание ламы.

Решение Мингъяра Дондупа показалось мне разумным. Кроме того, я бесконечно доверял ему и привык беспрекословно подчиняться. Я радовался, сознавая, что мой успех — это и его успех: это он сумел сделать из меня первого ученика по всем предметам.

Спустя несколько дней из Поталы прибыл запыхавшийся гонец с посланием от Далай-ламы. О, наши гонцы — великие комедианты. Они так умело изображают нечеловеческую усталость, что действительно складывается впечатление, будто они чуть ли не на животе преодолели тысячу километров, лишь бы вовремя доставить важную весть. Зная, что от Поталы до нашего монастыря нет и двух километров, я с улыбкой смотрел на «искусство» гонца от Далай-ламы.

Наимудрейший поздравлял меня с успехом и распорядился, чтобы ко мне относились как к ламе. Теперь я буду носить одежду ламы и пользоваться соответствующими правами и привилегиями. Однако Наимудрейший согласился с мнением Мингъяра Дондупа, что мне следует продолжить учебу и серьезно готовиться к экзаменам, которые я все-таки должен буду сдавать, когда мне исполнится 16 лет. Новый статус предоставлял мне большой выбор способов обучения. Я был освобожден от занятий в классе. Ко мне были прикреплены лучшие специалисты, и учеба пошла еще быстрее.

Самым главным теперь было научиться искусству расслабления, без которого невозможно серьезно заниматься метафизикой. Однажды Мингъяр Дондуп зашел ко мне, когда я занимался, обложив себя различными книгами, и внимательно посмотрел на меня. — Лобсанг, твои нервы слишком натянуты. Ты не пойдешь далеко в созерцании, если не научишься расслабляться. Я покажу тебе, как это делать. Надо уметь расслабляться лежа, сидя и стоя, но начинать следует с положения лежа. Представь себе, что ты упал со скалы и разбился до полусмерти: лежишь на земле без движения, с полукрытым ртом — только так можно по-настоящему расслабить все мышцы лица. Руки и ноги раскиданы, в том положении, как они упали.

Ворочаясь так и этак, я наконец нашел нужную позу.

— Хорошо. Теперь вообрази, что в твоих руках и ногах поселились гномы, которые заставляют работать мышцы. Скажи им, чтобы они ушли, например, из ног. Необходимо, чтобы ноги стали неподвижными, бесчувственными. А твое сознание обязано проконтролировать это. Ты должен убедиться, что ноги отдыхают.

Вытянувшись, я старался представить себе гномов и вдруг увидел старого Тзу,

забравшегося ко мне в ступни и теребившего пальцы. Я с большим удовольствием от него отделался!

— Пойдем дальше. Икры тоже заселены гномами, они славно поработали с утра, теперь им надо отдохнуть. Переведи гномов в голову. Ну что, ушли они из ног? Ты уверен? Проверь себя — мышцы должны быть расслаблены.

Вдруг он указал пальцем на лодыжку:

— Постой, ты забыл там одного. Он дергает твою мышцу. Прогони его, прогони!

Наконец я полностью расслабил ноги, и лама Мингьяр Дондуп продолжал, довольный:

— Теперь перейдем к рукам. Начнем с пальцев. Удали из них этих крошек. Выведи их через запястья и локти к плечам. Представь себе, что гномы ушли и нет ни усталости, ни напряжения, вообще никаких ощущений.

Добившись желаемого результата, мой учитель продолжал:

— Переходи к телу. Представь себе, что тело твоё — монастырь. Думай о тех монахах, которые сидят у тебя внутри и управляют твоими органами. Скажи им, чтобы они удалились. Сначала гони их к пояснице, расслабляя мышцы. Пусть они прекратят свою работу и уходят. Чувствуешь теперь, что все твоё тело держится только благодаря внешней оболочке? Все опускается, провисает, занимает свой естественный уровень. Очень хорошо, теперь твоё тело расслаблено.

Казалось, учитель был доволен моими успехами.

— Голова, несомненно, самый главный орган для расслабления. Начнем со рта. Сейчас, Лобсанг, твои губы сжаты. Расслабь их, расслабь! Ты же не собираешься ни говорить, ни есть, так что не напрягай губы. Теперь глаза. Их ничто не беспокоит, нет резкого света, закрой глаза, без всяких усилий, без напряжения сомкни веки...

Мингьяр Дондуп выглянул в открытое окно:

— О, наш лучший специалист по релаксации греется на солнышке. У котамурлыки ты, Лобсанг, можешь брать самые ценные уроки. Никто лучше кошек не умеет расслабиться.

Это можно долго описывать, и все кажется сложным, но на самом деле с помощью постоянных тренировок не так уж трудно научиться расслабляться за секунду. Эта система релаксации исключительно надежна. Кстати, она очень полезна для тех, кто плохо переносит нагрузки современной цивилизации. Им следует внимательно прочитать эти страницы, а также последующие, где речь идет не только о физическом, но и об умственном расслаблении.

— От одного физического расслабления пользы мало, если умственно ты продолжаешь пребывать в напряжении, — сказал лама Мингьяр Дондуп. — Лежа с закрытыми глазами, заставь себя сосредоточиться на своих мыслях. Непринужденно следи за их ходом. А теперь останови мысли, не позволяй им двигаться, ни о чем не думай. Представь себе черный квадрат — небытие. Мысли стараются перескочить с одной его стороны на другую. И некоторые будут перескакивать. Найди их и заставь перескочить обратно. Представь себе все это как можно ярче, зафиксируй визуально. В скором времени ты научишься без усилий «видеть» этот квадрат и наслаждаться полной умственной и физической релаксацией.

Это тоже намного труднее объяснить, чем сделать. Нужна не такая уж большая практика, чтобы натренировать себя расслабляться. Многие люди никогда не выключают сознание; это подобно тому, как если бы человек не отдыхал физически ни днем, ни ночью. Попробуйте идти пешком несколько дней и ночей — вы рухнете от усталости; а вот мозг и сознанию сплошь и рядом не дают возможности отдохнуть.

Весь уклад нашей жизни способствовал постоянной тренировке сознания. Мы очень много занимались дзюдо — в первую очередь как прекрасным средством самоконтроля. С нами работал замечательный специалист, способный справиться одновременно с десятью нападающими. Мы с большим интересом учились у него, потому

что он любил борьбу и его уроки всегда были интересными. На Западе нашу борьбу считают жестокой и варварской; особенно возражают против применения «приемов удушения». Совершенно ложное представление. Как я уже говорил, достаточно легкого нажима на шею, чтобы человек потерял сознание на долю секунды. Он даже не успевает сообразить, что с ним произошло. Однако это не влечет за собой никаких вредных последствий. В Тибете из-за недостатка анестезирующих средств к этой технике прибегают при удалении зубов или при вправлении костей. Пациент ничего не видит и не чувствует боли. Используют ее и во время инициации, при освобождении души от тела для астральных путешествий.

Благодаря этим тренировкам мы практически не боялись падений. В программу дзюдо входит техника «мягкого» падения; обычным делом для ученика было прыгнуть или упасть со стены высотой от трех до пяти метров.

Обычно мы начинали тренировку по дзюдо с чтения наизусть Ступеней Среднего Пути — кодекса поведения буддиста:

- правильная мысль — это мысль, свободная от заблуждений и самокопания;
- правильное устремление — это устремление, исполненное возвышенных помыслов и честных намерений;
- правильное слово — это слово, выражающее доброту, уважение, правду;
- правильное поведение — это поведение, присущее честному, миролюбивому и неэгоистичному человеку;
- правильная жизнь — жизнь человека, не совершающего зла против других людей или животных, признающего за животными права живых существ;
- правильное усилие — это самоконтроль и постоянное самосовершенствование;
- правильная полнота сознания — правильные мысли и стремление к правильным поступкам;
- правильный восторг — восторг, вызванный медитацией о реальности жизни и о сверх-Я.

Если кто-то нарушал эти правила, он должен был ложиться лицом вниз поперек главного входа в храм, так чтобы все входящие туда переступали через его тело. Он должен был лежать без движения с утра до вечера, ему не давали ни есть, ни пить. Такое наказание считалось большим позором.

Итак, я стал ламой и вошел в элиту Высших Существ. Звучало это здорово. Но были здесь и ловушки: если раньше я обязан был соблюдать 32 Правила Поведения Священника — пугающая цифра! — то теперь, к моему ужасу и смятению, подобных Правил было 253! В Шакпори хороший лама соблюдал все эти правила *без исключения*.

Я продолжал много и усердно заниматься. Мир был переполнен вещами, которые необходимо изучать; иногда мне казалось, что моя голова не выдержит и вот-вот лопнет. Но случалось испытывать и удовольствие — например, когда я забирался на крышу, чтобы понаблюдать за приездом Далай-ламы в Норбу Линга — парк Жемчужины. Приходилось делать это тайком, ибо смотреть на Бесценного сверху вниз запрещено. С крыши хорошо было все видно. Вот раскинулись два великолепных парка — Хати Линга и Додпал Линга на берегу реки Калингчу («линг» — насколько этими буквами можно передать тибетское произношение — означает «парк»). Чуть дальше видны были Западные ворота — Парго Калинг. Они были проделаны в большом чортене специально для конного проезда, через них шла дорога к центру города мимо деревни Шо. Рядом с Шакпори возвышался чортен в честь национального героя — короля Кесара, жившего в эпоху войн, до прихода в Тибет буддизма и мира.

А работа? Работы было очень много, но мы старались не упускать случая чем-нибудь компенсировать свой труд. Разве это не щедрая компенсация за мой труд и учебу — общение с таким умным и щедрым душой человеком, каким был лама Мингьяр Дондуп, главным смыслом жизни которого было служение миру и ближним? Разве не

вознаграждение уму и сердцу — обозреть великолепные зеленые долины и петляющую по ним голубую реку, деревья, горы, сверкающие под лучами солнца чортены, живописные монастыри и скромные жилища отшельников на недоступных скалах, совсем рядом — золоченые купола Поталы и вдали — крыши Джоканга? Товарищество лам, грубоватых с виду монахов, знакомый запах благовоний, наполнявший все храмы, — это и составляло нашу жизнь, жизнь, которую стоило прожить. Трудности? Да, их было много. Но в этом же было и что-то достойное. В любом сообществе встречаются люди неискренней веры или неглубокого ума. В Шакпори таких было совсем мало.

ГЛАВА 12 ТРАВЫ И ЛЕТАЮЩИЕ ЗМЕИ

Недели мелькали одна за другой. А дел было много — учеба, работа, составление новых планов; времени не хватало. Особенно это стало заметно, когда я по-настоящему погрузился в изучение оккультных наук по специальной методике.

В начале августа мой Наставник сказал:

— Скоро мы отправимся в экспедицию вместе со сборщиками трав. Ты узнаешь много полезного о лекарственных растениях и познакомишься с настоящими летающими змеями!

Следующие две недели все готовились к походу. Надо было почистить старые кожаные мешки, сшить новые, привести в порядок палатки, проверить животных — насколько они здоровы и пригодны к путешествию — ведь экспедиция будет очень трудной. Основной базой нашей экспедиции, в составе которой насчитывалось 200 монахов, был выбран монастырь Тра Йерпа; отсюда ежедневно будут отправляться в разные стороны поисковые партии для изучения растительности.

В конце августа мы покинули Шакпори. Монахи, не участвовавшие в экспедиции, собрались возле стен монастыря и смотрели на нас с завистью — мы ехали навстречу приключениям. В звании ламы мне полагалась белая лошадь, на которой я и восседал. Таких, как я, набралась небольшая группа; с небольшим багажом она отправилась налегке впереди основной партии. Наши лошади проходили за день до 35 километров, в то время как яки редко преодолевали 15 — 18 километров. Мы были нагружены легко — только самым необходимым, — поскольку предпочитали как можно быстрее приехать на место. Каждый як основного каравана, следовавшего за нами, тащил свою обычную поклажу весом до 80 килограммов, поэтому караван шел медленнее.

Через несколько дней веселая кавалькада из 27 всадников прибыла в Тра Йерпа. Путь был трудным, особенно для меня, никогда не проявлявшего особой склонности к верховой езде. Я к этому времени научился держаться в седле, даже когда лошадь переходила в галоп, но на этом мое искусство кончалось. Не хватало мне ловкости, чтобы стоять в седле, как это делали некоторые мои товарищи. Я с опаской взбирался на лошадь и кое-как садился, вцепившись в шею животного, — выглядело это, быть может, не очень изящно, но мне так было безопаснее.

Нас заметили издалека. Монахи уже приготовили чай с маслом, тсампу и овощи в большом количестве. Делалось это отнюдь не бескорыстно: монахи с нетерпением ждали

новостей из Лхасы и полагавшихся традиционных подарков. С плоской крыши храма от расставленных там треножников поднимались к небу густыми клубами дыма благовонные курения. Мы въехали во двор, радуясь окончанию пути. У многих из моих спутников были в этом монастыре старые друзья, а ламу Мингь-яра Дондупа, казалось, знали все. Он исчез в толпе встречающих, и я снова почувствовал себя совершенно одиноким. Вдруг я услышал:

— Лобсанг, где же ты?

Я отозвался, и прежде чем успел сообразить, что происходит, толпа расступилась и тут же снова окружила меня. Учитель разговаривал со старым аббатом; тот повернулся ко мне и спросил:

— Так это он? Боже мой, как он молод!

Как обычно, я больше всего думал о том, где бы поесть. Скоро мы отправились в столовую. Обед проходил в полном молчании, словно мы и не уезжали из Шакпори.

Какой монастырь от какого зависел, Шакпори от Тра Йерпа или наоборот? Спорный вопрос. Во всяком случае, оба монастыря считались старейшими в Тибете. Тра Йерпа славился своей библиотекой, где хранились ценнейшие рукописи по медицине. Я собирался ознакомиться с ними и сделать все необходимые выписки. Здесь хранилась также книга о первой экспедиции на Тянь-Шань, написанная 10 участниками этого странного предприятия. Однако больше всего в тот момент меня волновало ровное, как стол, плато, откуда нам предстояло запустить наших змеев.

Пейзаж показался мне необычным. Высокие пики гор на фоне плавно поднимающейся местности как будто вонзались в небо. У подножья пиков тянулись бесконечные плато, похожие на террасы ухоженных садов; издали это напоминало гигантскую лестницу. На нижних ступенях этой лестницы в изобилии произрастали целебные травы. Среди них — мох, по абсорбционным свойствам во много раз превосходивший сфагнум, или белый мох. Небольшие растения с желтыми ягодами, обладавшие замечательными обезболивающими свойствами. Монахи и дети собирали их и затем аккуратно раскладывали для сушки. Я, как лама, мог ограничиться простым наблюдением за их работой, но главной целью моего пребывания здесь было практическое обучение под руководством Мингьяра Дондупа и специалистов-травников. А пока, осматривая окрестности, я не мог думать ни о чем другом, кроме как о змеях, чудесных змеях, способных носить человека. Во внутреннем дворе монастыря лежали сосновые доски, привезенные из далекой страны (вероятно, из Ассама; в Тибете, как я уже говорил, хвойные деревья не растут). Они предназначались исключительно для постройки змеев. Легкие и прочные, эти доски способны выдерживать сильные удары и практически никогда не ломаются. По окончании полетов змеи подлежали разборке, их каркасы тщательно осматривались и аккуратно складывались до следующего раза.

Распорядок дня в Тра Йерпа был достаточно гибким. Регулярно проводились ночная служба и другие короткие службы. Это было разумно, так как после длительных служб в Шакпори многие чувствовали страшную усталость. Классные занятия полностью посвящались изучению трав и овладению искусством полета на змеях.

Здесь, в монастыре, прижавшемся к отрогу горы, еще продолжался день, а внизу, в долине, уже спустились розовые сумерки и вечерний ветер будоражил скудную растительность. Когда солнце скрылось за ближайшими горными вершинами, все погрузилось в темноту. Пейзаж внизу напоминал собой черное озеро. Вокруг ни зги. Нигде ни одной живой души. С заходом солнца поднялся ночной ветер и принялся за божье дело — очищать землю. Спустившись в долину, он бросался на отрог горы, застревал в ущелье и снова поднимался к монастырю, откуда вновь вырывался с призывными стонами, словно исходившими из гигантской раковины. Казалось, ветер призывал на помощь единомышленников. Отовсюду доносились странные звуки — это трескались перегретые за день на солнце скалы от резкого ночного охлаждения. Вверху над головами в черном небе загорались необычно яркие звезды. Согласно древним

легендам, легионы Кесара по приказу Будды воткнули в небесный свод свои копья. И теперь через отверстия, пробитые ими, льется из Небесных Чертогов на землю божественный свет.

Неожиданно шум ветра перекрыли звуки монастырских труб, возвещавшие конец еще одного земного дня. На крыше храма я с трудом различил силуэты монахов, совершавших свою религиозную церемонию. Ветер трепал полы их платьев. Для нас звуки труб были сигналом к отдыху до полуночи. Монахи, собравшиеся там и сям группами, обсуждали последние новости из Лхасы, мировые проблемы. Говорили о всемирном любимом Далай-ламе, о самом великом воплощении Наимудрейшего всех времен. По призыву труб все постепенно стали расходиться — нужно было отдохнуть перед ночной службой. Скоро все живое стихло, и в монастыре воцарился полный покой. Я лежал навзничь на своей постели и смотрел на небо через небольшое окно. Все меня волновало и беспокоило: и то, что я должен спать, а спать не хотелось, и то, что ожидает меня в будущем, и звезды... Многое в моей жизни было уже предсказано, но многое оставалось неизвестным. И это предсказание о Тибете... Почему, *почему* кто-то должен вторгнуться в Тибет и покорить мою страну? Кому мешала она, что плохого сделали ее миролюбивые люди, единственной целью жизни которых было духовное развитие? Почему иностранцы с жадностью и злобой смотрят на нашу землю, мечтают покорить Тибет и превратить его народ в рабов? Мы хотим жить в мире, мы хотим спокойно идти по *своему* Пути. А ведь мне предстоит жить среди тех, кто потом завоюет нашу страну, мне придется лечить их больных и помогать раненым! Да, многое я уже знал по предсказаниям о своем будущем, о его темных и светлых сторонах. Но как яку предстоит пройти длинную дорогу, где он знает все места временных передышек и коротких остановок на скудных пастбищах, так и передо мной простерся мой трудный путь, и пройти его придется до конца. И, быть может, яку, после изнурительного пути взойдшему на Последний Перевал и увидевшему Священный Город, покажется, что не напрасно он...

Раскатистый грохот барабанов разбудил меня. Я и не заметил, как уснул. Первая моя мысль была недостойной звания священника! Еще не отойдя ото сна, пошатываясь, я с трудом отыскал платье, кое-как натянул его на себя. Который сейчас час? Осторожно, лама Лобсанг Рампа, говорил я себе, не загреми вниз по лестнице... Одно из 253 правил я, конечно, уже нарушил — я был зол, как никогда: разве можно так будить человека среди ночи?

Я присоединился к своим товарищам. Они так же, как и я, еще не проснулись. Мы поплелись в храм на службу и присоединились к общему хоровому пению...

Часто спрашивают: «Почему ты не пытаешься избежать ловушек и испытаний, которые выпали на твою долю, если они заранее были предсказаны?» Ответ очевиден: «Если бы я мог избежать *предсказанного*, то уже одного этого факта было бы достаточно для доказательства, что предсказание было ложным!»

Предсказания основаны на вероятности, то есть они *вовсе не означают*, что человек лишен собственной воли и желаний. Представьте себе человека, желающего проехать от Дарджилинга до Вашингтона. Сначала ему ничего не известно, кроме пункта отправления — это Дарджилинг — и пункта назначения — это Вашингтон. Но вот он берет карту и смотрит, как ему лучше ехать: одна дорога, например, находится в плохом состоянии, и можно будет потерять из-за этого много времени; следование по другой дороге будет стоить больших денег... Немного подумав, он выбирает оптимальный маршрут. То же самое можно сказать и о маршруте Лондон — Инвернесс. Разумный пассажир изучит карту или хотя бы положится на туристические организации. Если нельзя избежать плохой дороги, то к ней следует хотя бы подготовиться. Так же точно обстоит дело и с предсказаниями. Наиболее удобный и легкий путь далеко не всегда *стоит* выбирать. Как буддист, я верю в перевоплощение, а также в то, что мы пришли на Землю, чтобы учиться. Вспомните, как мы учились в школе. Многое тогда казалось нам трудным, утомительным, а подчас просто бесполезным: все эти уроки по истории, географии,

арифметике... И все же, когда мы покидаем нашу добрую старую школу навсегда, нам становится грустно. Мы с гордостью носим значок или галстук цвета нашей школы, монастыря. Так же и в жизни. Она трудна, горька, но все уроки, которые она преподносит нам, имеют одну цель — испытать нас, лично нас, и никого другого. Однако, когда мы оставим школу и эту Землю, быть может, мы будем с гордостью вспоминать о них? Во всяком случае, я твердо надеюсь и дальше нести свой венец радостно! Вы шокированы? Напрасно. Ни одного буддиста не удивишь подобными словами. Ведь умереть — значит оставить обветшавшую телесную оболочку и снова родиться в лучшем мире...

С рассветом все мы были на ногах, с нетерпением ожидая разрешения отправиться на разведку местности. Старшие хотели поговорить с теми, кого не видели накануне. У меня же не выходили из головы огромные, способные носить человека змеи, о которых был столько наслышан.

Сначала нас познакомили с монастырем и ближайшими окрестностями. С крыши храма мы осмотрели горы, страшные ущелья. Вдали я заметил стремительный поток, кативший вместе с водой комья желтой глины. А рядом с монастырем вилась чистая голубая речка. Сзади до нашего слуха доносилось тихое и радостное журчание ручейка, падающего с крутого горного отрога и спешащего добраться до бурных вод могучей индийской реки Брахмапутры, а там и Бенгальский залив недалеко...

Поднимавшееся над горами солнце быстро нагревало воздух. Далеко-далеко было видно, как с утеса в долину камнем ринулся одинокий гриф, заправивший добычу на завтрак. Рядом со мной стоял один из лам и уважительно рассказывал мне о достопримечательностях своего монастыря. Уважительно потому, что я был учеником чтимого всеми Мингьяра Дондупа, и еще потому, что я был «испытанным воплощением» и у меня был открыт третий глаз.

Для тех читателей, которые интересуются, как мы распознаем воплощения, дам несколько справок. У некоторых родителей, например, возникает предположение, что их малыш наделен от природы какими-то выдающимися способностями — феноменальной памятью, еще чем-нибудь, чему невозможно дать рациональное объяснение. Они обращаются к настоятелю ближайшего монастыря, и тот назначает комиссию для обследования ребенка. Рассчитываются гороскопы его предыдущей жизни, устанавливается наличие или отсутствие определенных отметок на теле. У такого ребенка должны быть особые отметки на руках, лопатках и ногах. Когда таковые обнаружены, они становятся ключом для идентификации ребенка в его предыдущей жизни. Бывает так, что его узнают ламы, как было и в моем случае, и тогда приносят предметы, некогда принадлежавшие ребенку. Эти предметы вместе с другими, похожими на них, показывают малышу, и он должен их узнать (таких предметов должно быть девять). Всю эту процедуру малыш проходит в трехлетнем возрасте. Считается, что в три года ребенок еще не может находиться под влиянием рассказов родителей о принадлежащих ему предметах. Если ему нет трех лет — тем лучше. Не имеет даже значения, если родители пытаются научить его, как себя вести. Родители не присутствуют на испытании. Иногда ребенку приходится выбирать девять своих предметов из тридцати. Допущенные им две ошибки означают, что он не прошел испытания. Если же он не ошибется, его начинают воспитывать как воплощение. Мальчик получает специальное образование. В семь лет астрологи предсказывают ему его будущую жизнь; считается, что в этом возрасте ребенок способен уже многое понять. Мой личный опыт подтверждает это!

Лама, почтительно стоявший сбоку от меня, определенно имел это в виду, показывая мне достопримечательности. Справа от ручья в изобилии росла недотрога, сок которой используется для удаления мозолей, бородавок, применяется при лечении водянки и желтухи. Гладь небольшого озера сплошь покрывала водяная гречиха, остролистное растение с подводными розовыми соцветиями. Оно хорошо помогает при ревматизме, а кроме того, является великолепным средством от холеры. Здесь мы собирали обычные, самые распространенные травы. Редко встречающиеся травы растут

высоко в горах Тянь-Шаня.

Тем, кто занимается сбором лечебных трав, я расскажу о наших наиболее часто употребляемых растениях и об их назначении.

Аллиум савитум (чеснок) является хорошим антисептическим средством. Он помогает при лечении астмы и легочных заболеваний. Другое превосходное антисептическое средство — *бальзамодендрон мирра* (бальзамический мирт). Он применяется (в небольших дозах) при болезнях десен и воспалениях слизистой оболочки. Как внутреннее употребляется при истерии.

Сок *бекконии кордата* — высокого растения с кремовыми цветами — угнетает в насекомых инстинкт агрессии, они совершенно перестают кусаться. Достаточно только произнести это название, чтобы перепуганные насекомые в страхе разлетелись!

Действие *эфедры синика* (китайский хвойник) напоминает действие атропина, расширяющего зрачки. Это растение применяется при низком артериальном давлении и для снятия приступов астмы. В Тибете используются высушенные и измельченные в порошок ветки и корни хвойника.

Жуткий запах, идущий от нарывов при холере, доставляет много неприятностей и врачу, и больному. *Лигустикум левистикум* уничтожает этот запах.

Несколько советов для женщин. Китайки красят себе брови — и ботинки! — лепестками розового гибискуса (*гибискус роза-синенсис*). Отвар из листьев этого растения хорошо освежает лицо, снимает жар. *Лилиум тигринум* (тигровая лилия) полностью излечивает невралгию яичников. Благотворным действием при различных женских заболеваниях обладает *флакуртия индика*.

Вернисифера (лаковое дерево) используется китайцами и японцами для производства лака «Шин». *Глабра* лечит диабет. *Ароматика* является хорошим средством при лечении заболеваний кожи, цистита. Другое мощное обезболивающее средство, применяемое при воспалении мочевого пузыря, — *арктестифилос ува урси* (толокнянка). В китайской медицине широко применяют цветы *бигнонии грандифлоры*, из которых приготавливают сильнодействующий обезболивающий препарат. Когда я работал в лагере военнопленных, я с успехом применял при лечении дизентерии *полигонум бисторта* (полевая гречиха).

Женщины, ведущие себя в любви красиво, но неблагоприятно, пользуются вяжущим веществом на основе *полигонума эректума*: это средство широко применяется при абортах. В случае ожогов мы имеем возможность предложить нашим пациентам «новую кожу»: раны или ожоги, смазанные соком *сигесбекии ориенталис*, высокого растения с желтыми цветками, быстро затягиваются и заживают. *Пипер аугустифолиум* хорошо сворачивает кровь при ранениях.

Я рассказал о широко распространенных растениях, применяющихся в медицине. Что касается многих других, то для большинства из них еще не подобраны латинские названия — европейцы, большие охотники давать растениям латинские имена, еще не придумали их. А я упоминаю о них только для того, чтобы показать, что о растительных лекарствах мы тоже кое-что знаем!

Все долины и укромные уголки, где росли разнообразные травы, раскинулись перед нашим взором. По другую сторону простирался большой пустынный участок. Мне рассказали, что обратная сторона горы, на склоне которой расположился монастырь, представляла собой настоящую безжизненную пустыню. Все это я смогу увидеть через несколько дней, когда буду планировать на огромном змее. Меня позвали к ламе Мингьяру Дондупу.

— Монахи собираются посмотреть плато, — сказал мой Учитель, — на котором будут запускаться змеи. Собирайся с ними, Лобсанг. Грядет твой великий день! Меня не надо было долго упрашивать, я просто сгорал от нетерпения. У главного входа в монастырь нас ждали монахи, ветер развеивал их красные платья. Мы спустились по каменным ступеням и направились к продуваемому всеми ветрами плато.

Растительность там была редкая и чахлая. Скалистую платформу покрывал тонкий слой земли. Одинокие кусты цеплялись за гору, словно боясь свалиться в овраг. Над нами, на крыше монастыря, ветер трепал хоругви. Вот уже несколько столетий стонали и поскрипывали их древки, но держались крепко. Рядом с ними стоял послушник и небрежно сбивал землю с сапог, ветер подхватывал пыль. Мы направились к краю скалистого плато, прижавшегося к самому склону горы. В десятке метров от края начиналась расщелина, откуда вырывался шквальный ветер: выбрасывая вверх мелкие камешки и кустики лишайника, он несясь дальше и словно метла метался по долине, натываясь на стены монастыря и отскакивая к другой горе. Набравшись сил, он снова налетал на нас, как бы играя обретенной свободой.

Нам рассказывали, что иногда, в сезон ураганов, шум ветра напоминал рев тысячи демонов, вырвавшихся из расщелины и ищущих жертву. То усиливаясь, то ослабевая, ветер изменял давление в глубине расщелины, и соответственно менялся тон рева, создавая жуткие завывания. Рассказывали нам и о детях, попавших в струю ветра: их сбивало с ног, поднимало в воздух и бросало на скалы на дне расщелины.

Однако сегодня платформа оказалась очень удачным местом для запуска змеев: поток воздуха был мощным, но равномерным — я видел, что стоит лишь приподнять змея — и он взмлет вертикально вверх. Это было продемонстрировано нам на небольших моделях змеев, почти таких же, какие я делал дома сам. Самый волнующий момент — когда чувствуешь силу натяжения троса в рвущейся в небо руке.

Сопровождавшие нас специалисты предостерегали от возможных опасностей, говорили, как их избежать. Были отмечены места с предательски нисходящими воздушными потоками и боковыми сносами. Нам сказали, что каждый, кто летит на змее, должен взять с собой камень и привязать к нему шелковую *кату*. На кате пишется молитва, обращенная к божествам воздуха: чтобы они благословили и защитили того, кто проник в их царство. На большой высоте камень бросают «на ветер» — ката разворачивается, давая возможность богам прочесть молитву и заступиться за пилотов. Возвратившись после осмотра площадки в монастырь, мы стали готовиться к предстоящему полету. Все проверялось с особой тщательностью и скрупулезностью. Сантиметр за сантиметром проверялись сосновые доски — чтобы не было ни сучка, ни трещины. Рулоны шелка раскатывались на чистом месте, и каждый квадратный метр материи также выверялся ползавшими на четвереньках монахами. Закончились предварительные работы, и начался монтаж змеев с помощью крепкого корда и деревянных угольников. Змей имел форму коробки размерами 3х3х3,5 метра. Длина плоскостей — «крыльев» — достигала 3 метров. К краям плоскостей снизу крепились опорные бамбуковые полудуги для предотвращения аварии при посадке на землю и при взлете. По основанию коробки проходил полоз из бамбука, загнутый на концах, словно тибетские сапоги. Полоз, толщиной с мое запястье, крепился так, что даже во время приземления змея шелк не соприкасался с грунтом. Трос из шерсти яка, на котором змей взмывал вверх, показался мне не очень крепким. Его раздвоенный конец прикреплен был к основаниям крыльев; другой конец лежал у переднего конца бруса. Двое монахов подняли змея и понесли его к краю плато. На пике восходящих потоков воздуха началась настоящая борьба за укрощение змея. На помощь прибежали еще несколько человек, чтобы не дать ему улететь.

Сначала проводилось испытание. Мы тянули змея сами, вместо лошадей. Монахи, удерживавшие трос, четко выполняли распоряжения руководителя полетами. По его сигналу они побежали что было духу, выводя змея на взлет. И вот он, ухватив струю воздуха из расщелины, рванул ввысь, словно гигантская птица. Опытные монахи постепенно отпускали трос, и змей забирался все выше и выше. Один из нас, подоткнув полы платья за пояс, вскарабкался по тросу на высоту трех метров, чтобы проверить силу его подъема. За ним последовал второй монах, за вторым — третий. Подъемная сила была достаточна только для двоих взрослых и одного ребенка. Трех монахов оказалось

многовато. Тогда руководитель решил увеличить силу тяги. Монахи налегли на трос, осторожно спуская змея и стараясь не попадать на восходящие потоки. Мы все покинули площадку приземления, за исключением двух монахов, фиксировавших трос, да еще двух — для страховки крыльев при посадке. Змей медленно опустился. Он как будто сожалел, что ему приходится расставаться с едва обретенной свободой и возвращаться на землю. Когда змей с легким шипением коснулся земли, монахи расслабились, чтобы перевести дух, но двое из них продолжали крепко держать его за крылья.

Руководитель приказал усилить натяжение шелка. Между сосновыми рейками мы вклинивали дополнительные распорки, чтобы ликвидировать люфты. Был изменен угол атаки. Началось второе испытание. На этот раз змей легко поднял троих взрослых и одного ребенка.

После этого руководитель распорядился поднять на змее камень весом с человека. И снова монахи сражались с восходящим воздушным потоком, снова тянули змея за трос. Змей с камнем быстро поднялся в воздух, затанцевал в поднебесной выси. Наблюдая за монахами и змеем, я мысленно представил себя на месте камня. Меня даже слегка затошнило. Змея снова заставили приземлиться и оттащили его к месту нового взлета. Один лама, имевший за плечами большой опыт таких полетов, сказал мне:

— Я полечу первым, а ты последуешь за мной. Он подвел меня к змею.

— Смотри внимательно, — продолжал лама, — я ставлю ноги на этот брус, руки смыкаю на этой поперечине позади. Как только ты поднимаешься в воздух, опустишься ниже и сядь на это утолщение на тросе. Когда начнешь приземляться, не долетая до земли двух-трех метров, прыгай. А теперь наблюдай внимательно — я пошел.

На этот раз понадобились лошади. По сигналу ламы они понеслись вскачь. Змей тронулся с места, плавно заскользил вперед, потом подпрыгнул, поймав восходящий поток. На высоте тридцати метров у нас над головами, то есть более тысячи метров над оврагом, лама спустился по тросу и, достигнув равновесия, устроился на утолщении в развилке. Змей поднимался все выше и выше. Через некоторое время пилот дал команду монахам сажать планер. Балансируя и делая крутые виражи, змей пошел на снижение. Семь метров, шесть, три... Лама повис на руках и спрыгнул на землю.

— Теперь твоя очередь, Лобсанг, — сказал он, подергав меня за платье. — Покажи на что ты способен.

Наступил торжественный момент. Я любил запускать змеев, но сейчас, когда мне самому придется лететь, мой энтузиазм заметно поубавился. «Глупая забава, — подумал я, — глупая и опасная. А вдруг я сорвусь? Неужели суждено оборваться столь многообещающей карьере? Эх, лучше бы мне вернуться к молитвам и травам».

Пытаясь себя хоть как-то утешить, я вспомнил о предсказаниях астрологов. Если мне суждено сегодня умереть, значит, они ошиблись? Нет, они не делают *таких* грубых ошибок.

Я медленно направился к змею, который уже готов был к старту. Мои ноги ослабли и повиновались мне хуже, чем хотелось бы. Между нами говоря, я их вообще не чувствовал. Устроившись на полозе, я ухватился за поперечину — руки мои едва дотягивались до нее.

— Я готов, — вырвалось из моей груди, хотя у меня не было никакой уверенности в том, что я готов. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным.

Время, казалось, остановилось. Лошади понеслись. Трос медленно натягивался, что само по себе уже было невыносимой пыткой. Змей застонал, дернулся так, что сердце едва не выскочило из моей груди. Глаза сами закрылись, да и куда им было смотреть в такой момент... змей начал раскачиваться, а мой желудок — выворачиваться наизнанку, «Вот она, моя последняя минута на Земле», — произнес я про себя и закрыл глаза. Открыть их не было никаких сил. Новый приступ тошноты еще больше усилил чувство страха. «Ох, как скверно начинается астральное путешествие... » — я осторожно открыл таки глаза и тут же от ужаса снова закрыл их: я находился в воздухе, метрах в тридцати над землей!

Нарастающие протесты со стороны желудка заставили меня еще раз открыть глаза — на этот раз для того, чтобы определить, где я нахожусь, на случай есл... Но раскрыв глаза, я сразу же забыл о своих страхах — такое великолепие окружало меня со всех сторон! Змей подпрыгнул, еще раз закачался и наконец успокоился, не переставая набирать высоту.

Там, далеко за горами, простиралась земля цвета хаки, несущая на себе неизлечимые раны Времени. Ближе теснились горные хребты, испещренные крутыми обрывами, кое-где покрытыми нежным лишайником. У горизонта последние лучи солнца превратили воды дальнего озера в расплавленное золото. Змей выписывал грациозные реверансы. «Наверное, так развлекаются на небесах боги, — подумал я, — в то время как мы, бедные смертные, являемся узниками земли, страдаем и боремся за каждый день жизни, чтобы получить все свои уроки и в конце концов уйти с миром... »

Резкий толчок. Удар. Мне показалось, что оборвались все мои внутренности. Я набрался храбрости и впервые посмотрел прямо вниз. Небольшие красные точки — это монахи. Теперь они увеличивались с каждой секундой. Змей шел на посадку. Внизу, на дне оврага, маленький ручей продолжал свой хаотичный бег. Я летел над землей на высоте триста метров! Этот ручеек был исполнен важности — ему предстояло преодолеть огромные расстояния, превратиться в полноводную Брахма-путру и успокоиться в Бенгальском заливе. Путники будут пить его святую воду... Но сейчас я парил над местом его рождения и чувствовал себя равным Богу!

Змея трясло в лихорадке. Для сохранения его равновесия монахи натягивали трос из всех сил. Тут я вспомнил о развилке, куда мне следовало заранее спуститься. До сих пор я стоял на полозе. Отпустив поперечину, я ухватился за шнур и, скрестив на нем руки и ноги, заскользил вниз. Когда я стукнулся задом об утолщение в месте развилки, мне показалось, что меня перережет надвое. Змей уже висел в 6—7 метрах над землей, нельзя было терять ни минуты. Ухватившись за шнур руками, я немного выждал, и когда до земли оставалось не более двух метров, спрыгнул. Несложный кульбит — и приземление закончилось.

— Неплохо, малыш! — похвалил меня руководитель. — Хорошо, что ты вовремя вспомнил о развилке, а то быть бы тебе без ног. Когда слетают все остальные, можешь испытать себя еще раз.

За мной полетел молодой монах. У него получилось лучше, так как он не забыл о развилке. Но после благополучного приземления лицо его вдруг позеленело и неожиданно для всех он свалился на землю ничком — его сильно укачало. Третьим полетел монах, известный своей наглой самоуверенностью. Этого монаха никто не любил за его бахвальство. Он участвовал уже в третьей экспедиции и считал себя чуть ли не лучшим пилотом в мире. Поднявшись на высоту примерно 150 метров, он, вместо того чтобы спуститься в развилку, выпрямился и полез в коробку змея. От толчка он потерял равновесие, его отбросило в хвост планера. Мы видели, как он в течение нескольких секунд удерживался за заднюю перекладину одной рукой, тщетно пытаясь подтянуться. Когда змея занесло на вираже, монах оборвался и полетел в пропасть. В развевающемся красном платье он пронесся перед нашими глазами, словно кровавое облако.

Несчастный случай охладил наш пыл, но не остановил полетов. Планер посадили на землю и внимательно осмотрели; никаких неполадок не было обнаружено. Подошла моя очередь, и я взобрался на полоз. На этот раз я быстро соскользнул в крестовину, едва планер поднялся на высоту 30 метров. Я успел заметить группу монахов, которые спускались вниз, туда, где на камнях виднелось кровавое месиво — тело разбившегося товарища. Я посмотрел снизу на коробку змея, и мне пришла в голову мысль: а не забраться ли и мне в коробку и, перемещаясь в ней, слегка изменить угол наклона змея и тем самым еще немного увеличить подъемную силу? Тут я вспомнил, что случилось однажды со мной, когда я пришпорил своего детского змея и очутился на крыше крестьянского дома, в куче непросохшего топлива из навоза яков. Нет, подумал я про себя, надо сначала посоветоваться с учителем.

В этот момент змей сорвался в пике. Все произошло так быстро и неожиданно, что я едва удержался в крестовине. Монахи внизу тянули трос как одержимые. С приближением ночи скалы остывают, ветер в долине стихает, поэтому падает и подъемная сила восходящих потоков. Я спрыгнул на землю, не долетев до нее трех метров. Тут же мне на голову рухнул змей. Я пробил головой шелк коробки и оказался внутри змея. Я так долго сидел неподвижно, задумавшись, что наблюдавшие за мной монахи решили, что меня ранило. Прибежал лама Мингьяр Дондуп.

— А что, если тут поставить траверсу и держаться за нее, ведь так можно изменять угол атаки и управлять подъемной силой? — спросил я. Меня услышал руководитель полетами.

— Совершенно правильно рассуждаешь, молодой человек, — сказал он, — но кто рискнет попробовать?

— Я, если позволит мой учитель...

Другой лама обратился ко мне с улыбкой:

— Лобсанг, ты ведь сам лама и можешь не спрашивать разрешения.

— Нет, — сказал я. — Всему, что я знаю, научил меня лама Мингьяр Дондуп, он все свое время тратит на мое обучение! Поэтому решать должен он.

Руководитель полетами проследил за разборкой и транспортировкой змея на склад, после чего пригласил меня в свою комнату и показал модели различных змеев. Одна модель напоминала сильно удлинненную птицу.

— Это макет змея, которого мы запускали давно. На нем один монах пролетел тридцать километров, но разбился о скалы. С тех пор мы прекратили все попытки подобных полетов. А вот змей, по форме напоминающий ту конструкцию, о которой ты говоришь. Посмотри, здесь траверса находится под крепежным брусом. Змей почти готов, остались кое-какие детали. До сих пор никто не изъявлял желания испытать его, а я немного тяжеловат для этого планера (замечу, что весил руководитель полетами около 130 килограммов!).

— Сегодня ночью мы составим гороскоп, — сказал лама Мингьяр Дондуп, вошедший в комнату во время нашего разговора, — и посмотрим, что скажут звезды.

Мы проснулись под бой барабанов, зовущих к полуночной службе. Когда я занял свое место, из облака ладана выплыла внушительная фигура руководителя полетами.

— Составили гороскоп? — спросил он шепотом.

— Да, — отвечал я тоже тихим голосом. — Я могу лететь послезавтра.

— Великолепно! Мы все подготовим.

В этом храме, в мигающем свете масляных ламп, в присутствии священных статуй, расставленных вдоль стен, тяжело было вспоминать о погибшем неразумном монахе. Однако если бы не этот несчастный случай, вряд ли мне пришла бы в голову идея управления силой подъема прямо из коробки змея.

Все монахи сидели в позе лотоса, и каждый напоминал живую статую Будды. Две квадратные подушки, положенные одна на другую, служили нам сиденьем и возносили нас над полом сантиметров на тридцать. Мы сидели двойными рядами, каждые два ряда лицом к лицу. Сначала шла обычная служба. Руководитель хора, избранный за свои музыкальные познания и низкий голос, запел первый стих. Зычный голос его, постепенно затухая, оборвался, когда закончился воздух в легких. Мы подхватили припев, сопровождавшийся то боем барабанов, то мягким перезвоном колокольчиков. Мы очень старательно следили за своей дикцией, зная, что по музыкальной чистоте и точности судят о дисциплине в монастыре. Европейцу трудно было бы разобраться в нашей музыкальной грамоте. Вместо нот мы пользуемся дугами. Мы записываем подъемы и падения голоса. Основная мелодия представлена, таким образом, главной кривой. Для разного рода вариаций применяют запись малыми дугами наряду с главной.

После обычной службы нам дали передохнуть десять минут, перед тем как

приступить к заупокойной службе в память о монахе, погибшем накануне.

Когда мы заняли свои места, руководитель хора сел на возвышение и затынул отрывок из «Бардо Тходол», тибетской «Книги Мертвых».

— О странствующая тень монаха Кумпхел-ла, ушедшего из жизни! Не блуждай среди нас, ты нас сегодня покинул. О странствующая тень монаха Кумпхел-ла! Мы зажигаем эту палочку ладана, пусть укажет она тебе дорогу. Слушай, что мы тебе скажем, и следуй нашим наставлениям — они проведут тебя через Затерянные Земли к Высшей Реальности.

Наше пение приглашало душу погибшего прибыть к нам и получить Озарение и Напутствие. Нежным сопрано послушников вторили глубокие басы старших монахов. Монахи и ламы, составлявшие главную пару? рядов в центре зала, поочередно то поднимали, то опускали предметы религиозного культа, как требовал того древний обычай.

— О странствующая тень! Иди к нам, и мы наставим тебя на путь истины. Ты не видишь наших лиц, не чувствуешь запаха воскурений, ибо ты мертв. Приди к нам, и мы укажем тебе истинный путь.

Деревянные флейты, барабаны и цимбалы заполняли паузы в перерывах между пением. Перевернутый человеческий череп, наполненный подкрашенной водой, символизирующей кровь, передавался из рук в руки, чтобы каждый прикоснулся к нему!

— Твоя кровь разбрызгана по земле, о монах! Ты теперь только странствующая тень. Приди к нам, чтобы стать свободным.

Зерна риса ярко-оранжевого цвета разбрасывались на восток, запад, север и юг.

— Где ты бродишь, странствующая тень? На востоке или на севере? На западе или на юге? Пища богов разбросана по всем уголкам земли, но ты не будешь есть ее, ибо ты мертв. Приди, о странствующая тень, чтобы найти истинный путь и быть свободной.

Большой барабан отбивал ритм самой жизни, обычное сердцебиение. Другие инструменты воспроизводили в звуках стремительное движение человеческой крови в венах и артериях, приглушенный шум воздуха в легких, какое-то ворчание, бульканье жидкости, похрустывание костей — все звуки, составляющие такую обычную и такую великую музыку человеческой жизни. Вдруг раздался испуганный возглас трубы, бой барабана-сердца усилился, зачастил; какое-то время темп продолжал нарастать. Наконец последний, глухой и влажный удар — и внезапная полная тишина: конец жизни. Жизни, оборванной грубо и безжалостно.

— О ты, вчерашний монах и блуждающая сегодня душа! Наши телепаты укажут тебе путь. Не бойся, соберись с духом. Слушай наши наставления, и ты будешь свободным. Смерти нет, о странствующая душа, есть только вечная жизнь. Умереть — значит родиться, и мы призываем тебя стать свободным для новой жизни.

Веками тибетцы разрабатывали и изучали науку о звуках. Мы знаем все звуки человеческого тела и можем их воспроизвести. Тот, кто слышал их хотя бы раз, никогда не забудет. Вам, наверное, приходилось вечером перед сном, положив голову на подушку, слышать, как бьется сердце или дышат легкие. В монастыре «Государственного Оракула» некоторые из этих звуков применяются для приведения медиума в состояние транса. Полковник Янгхасбенд, возглавлявший британские войска, которые оккупировали Лхасу в 1904 году, лично убедился в могуществе этих звуков, наблюдая введение в транс самого оракула.

Служба подошла к концу, и мы разошлись по своим комнатам. Я был готов уснуть стоя, настолько сказывалась усталость прошедшего дня.

На следующее утро руководитель полетами пригласил меня в мастерскую, где собирали управляемого змея. Я направился туда вместе с моим учителем. Мастерская располагалась в старом складе. На полу были сложены доски из экзотического дерева, на стенах висели различные части планеров. Модель, которую мне предстояло испытывать, была подвешена к потолку. Руководитель потянул за какой-то шнур, и она, к моему

удивлению, опустилась прямо перед нами. Я залез внутрь. По основанию коробки проходили многочисленные траверсы, на которых легко было разместиться. Поперечный брус располагался на уровне грудной клетки и позволял крепко держаться за него. Мы осматривали змея сантиметр за сантиметром. Шелк был снят, мастер сказал мне, что собственноручно обтянет коробку новым шелком. Крылья не были прямыми; их вогнутая форма напоминала сложенные чашечкой ладони, повернутые вниз. Их длина превышал три метра. Складывалось впечатление, что у змея великолепная подъемная сила.

На следующий день, когда змей был готов, мы отправились на плато. Проходя мимо расщелины, откуда вырывался мощный восходящий воздушный поток, монахи едва удерживали его. Наконец мы добрались до места, и я, довольный и важный, забрался в коробку. На этот раз лошадей не использовали — решили, что монахи лучше справятся с управлением. Устроившись поудобнее, я дал сигнал монахам: «Готов! Тяните!» А когда остов змея застонал, я крикнул:

— До свидания!

Резкий рывок — и змей полетел вверх, как стрела. «Хорошо, что я вцепился так крепко, — подумалось мне в ту минуту, — а то сегодня вечером монахам пришлось бы направлять в другой мир *мою* блуждающую тень». Товарищи ловко маневрировали змеем, и он поднимался все выше и выше. Я запустил камень с молитвой, адресованной богам ветра, и он чуть не угодил в голову одного из монахов. Я осторожно изменил положение тела, чтобы удостовериться, что таким способом можно добиться увеличения силы подъема и самому управлять полетом змея.

Чрезмерная уверенность чуть меня не погубила. Я передвинулся к хвосту коробки — и змей камнем полетел вниз. Ноги соскользнули с опоры, я повис на бруске, зажав его под мышками; ветер закинул полы платья мне на голову. Все же, ценою страшных усилий, мне удалось подтянуться и занять нормальное положение. Падение прекратилось, змей снова подпрыгнул вверх. Освободив голову от платья, я наконец смог оценить обстановку. Должен признаться, что, не будь моя голова наголо выбрита, волосы мои стали бы дыбом: я находился в каких-то 60 метрах от земли. Как потом говорили мне монахи, змей прекратил падение, когда до земли оставалось не более 15 метров...

Некоторое время я стоял неподвижно, вцепившись в перекладину и хватая ртом разреженный воздух. Отдышавшись, я стал рассматривать раскинувшийся подо мной пейзаж. Вдруг я заметил вдали какую-то движущуюся прерывистую ленту. Я всматривался до боли в глазах, но ничего не мог понять. Однако через несколько секунд меня осенило: «Да ведь это же наша экспедиция возвращается в Шакпори!» Лента по всей длине делилась на крохотные точки, большие точки и тире: дети, взрослые, животные... Мне казалось, что двигаются они невероятно медленно, с трудом прокладывая себе путь через пустынную дикую местность. Спустившись на землю, я торжественно сообщу, что экспедиция прибудет в монастырь через день или два.

Какое великолепие раскинулось вокруг! Голубовато-серые холодные скалы резко выделялись на теплом красно-охристом фоне земли; в не постижимой дали сверкали золотыми блюдами озера. Внизу подо мной, спрятавшись в глубоком теплом ущелье от лютых ветров, лишайники, мох и множество других разнообразных растений образовали уютный зеленый покров, напомнивший мне ковры в отцовском кабинете. По ущелью бежал ручей, тот самый, который пел мне свою ночную песенку; сейчас он пробудил во мне горькое воспоминание — когда я перевернул кувшин с питьевой водой на отцовский ковер. Ох и тяжелая же рука у моего отца...

Позади монастыря начинались горы. Они громоздились друг на друга, вершина за вершиной, кряж за кряжем, сливаясь на горизонте в сплошную неровную линию, отделившую черноту земли от яркого неба. Небо в Тибете чистое, как нигде в мире, здесь нет туманов и тепловых потоков, искажающих ход световых лучей; вы можете видеть так далеко, как позволяет ваше зрение и горы. Среди открывшихся мне необозримых просторов нигде ничто не двигалось, кроме группы монахов внизу да той прерывистой

ленточки вдали, что неустанно продвигалась в нашу сторону. Возможно, они оттуда тоже видят меня!

Змей дернулся; монахи спускали меня на землю. Они делали это с величайшей осторожностью, чтобы не повредить драгоценный экспериментальный аппарат.

Руководитель несколько мгновений смотрел на меня с восторгом, затем сгреб своими ручищами и чуть не поломал мне все кости. Он заговорил, да так что никто не мог и слова вставить; многие годы вынашивал он свои теории, но не мог практически проверить их: охотников не находилось, а сам он, увы, был слишком тяжеловесен для полетов. Но как только он остановился, чтобы перевести дух, я в свою очередь затараторил: я буду делать это, потому что для меня такое же наслаждение летать, как для него — строить и испытывать новые конструкции змеев.

— Да, да, Лобсанг, — говорил руководитель, — ты только посмотри: если мы передвинем траверсу вот сюда, а эту стойку поставим вот так... Это будет работать! Боковая качка? Есть одна мысль...

И началось. Полет, проверка, изменения. Полет, проверка, изменения. Я жил каждым мгновением этого процесса. Никому, кроме меня, не разрешалось не то что летать — даже подступаться к новому змею. Важнейшим усовершенствованием нашей конструкции, как мне кажется, был страховочный пояс, удерживавший меня в кабине.

К сожалению, полеты вскоре пришлось временно прекратить. Приехала последняя группа нашей экспедиции. Прибывших новичков надо было организовать для сбора трав и их обработки. Менее опытных монахов посылали на сбор не более трех видов растений и в такие места, где этих растений было множество. Каждая группа уходила на семь дней. На восьмой они возвращались с собранными травами и раскладывали их на чистом полу огромного сушильного склада. К работе подключались специалисты по сортировке: самые опытные ламы проверяли каждый стебелек на отсутствие болезней и паразитов, следили за тем, чтобы в сбор не попали посторонние растения. У одних растений собирались только лепестки цветков, у других — корни, которые необходимо было почистить, помыть и высушить; третьи приносились свежими и тут же запускались в пресс для выдавливания сока. Сок хранился в плотно закупоренных кувшинах. Семена, листья, стебли, лепестки — все это очищалось, сушилось и упаковывалось в кожаные мешки. Содержимому мешков соответствовали надписи извне. Водонепроницаемость обеспечивалась специальным закручиванием горловины мешка; кожу несколько раз быстро смачивали и тут же высушивали на ярком солнце, в результате чего на следующий день она становилась жесткой, как дерево. Такую туго закрученную и высушенную горловину мешка невозможно открыть иначе, чем только разбив ее. В сухом тибетском климате травы в мешках не теряют своей силы в течение многих лет.

Спустя несколько первых самых трудных дней я распределил свое время между сбором растений и полетами на змеях. Старый мастер пользовался большим влиянием; он объявил, что, учитывая предсказания, касающиеся моего будущего, мне столь же важно научиться разбираться в конструкциях летательных аппаратов, как и в сборе и классификации трав.

Итак, три дня в неделю отводилось полетам, а в остальное время я разъезжал на лошади от одной группы сборщиков к другой, чтобы в кратчайшие сроки как можно больше узнать о целебных свойствах различных растений. Каждый раз, поднявшись на змее в небо, я с неизменным восторгом рассматривал теперь уже хорошо знакомые пейзажи. Я видел разбросанные там и сям черные палатки из яковых шкур: в них ночевали сборщики трав. А рядом с ними паслись яки, стараясь наверстать то время, когда приходится подолгу тащить огромные мешки с травами. Тибетское разнотравье неисчерпаемо; многие растения хорошо известны и в западных странах, но еще больше — ждут часа, когда европейцы или американцы их «откроют» и дадут латинские имена. Следует сказать, что знание трав очень помогло мне в жизни, но не менее полезными оказались и полеты на змеях.

Тогда же произошел еще один несчастный случай. Один монах внимательно наблюдал за моими полетами и однажды вообразил, что может проделать то же самое на обычном змее. В воздухе его змей повел себя очень странно. Мы видели, как монах дергался, словно одержимый, пытаясь подчинить аппарат управлению. Внезапно змей резко нырнул и завалился набок. Шелк порвался, остов с треском развалился пополам, и монах, переворачиваясь в воздухе, полетел вниз. Его платье развевалось на ветру. На нас посыпался град обломков, миска для тсампы, деревянная чашка, четки и другие талисманы, которые больше ему никогда не понадобятся. Не переставая вращаться, он исчез за обрывом ущелья; через несколько секунд донесся звук удара о камни...

Наша жизнь продолжалась. Дни проходили в работе, подчас очень тяжелой, но настолько интересной, что три месяца пролетели незаметно. Наша экспедиция завершилась. Завершился мой первый и незабываемый визит в Тра Йерпа и в горы. Без всякого энтузиазма готовились мы к отъезду. Мне подарили красивую модель змея, которую Мастер изготовил специально для меня. На следующее утро мы тронулись в обратный путь. Как и три месяца назад, небольшая группа участников экспедиции быстро ехала впереди, а основные ее силы — монахи, послушники, навьюченные животные — неторопливо тянулись позади. Мы вернулись в Шакпори с радостью, но и с грустью: там, в Тра Йерпа, остались новые друзья и свободная жизнь в горах.

ГЛАВА 13   ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Вернулись мы как раз к праздничным церемониям Ло-сар, то есть Нового года. Надо было все вычистить и привести в порядок. На пятнадцатый день Далай-лама прибыл в главный храм, где отслужил несколько служб. После этого он начал свое традиционное шествие по окружной дороге Пакор, огибающей Джоканг и Дом собраний, миновал рынок и прибыл к большим торговым домам, где процессия и остановилась. Торжественность сменилась весельем. Богов умиротворили; наступил час удовольствий и развлечений. На огромных подставках, от десяти до пятнадцати метров в высоту, развешаны были картины и целые барельефы из подкрашенного масла: они изображали сцены на религиозные темы. Далай-лама останавливался перед каждой выставленной работой. Тот монастырь, чья работа признавалась наиболее удачной, получал звание лучшего в этом году изготовителя масляных произведений. Это мероприятие проводилось ежегодно. Однако в Шакпори такого рода карнавалы уважением не пользовались, их считали слишком наивными и даже несколько скучными, равно как и скачки лошадей без всадников по долине Лхасы. Больше всего нам нравились гигантские статуи наших легендарных героев. На легкой деревянной конструкции, представляющей остов тела, крепилась огромная голова, вылепленная в реалистическом стиле; внутри, как раз напротив глаз, размещались масляные лампы; когда пламя трепетало, глаза, казалось, оживали. Внутри деревянного каркаса находился крепкий монах; стоя на ходулях, он с безразличием взирал на мир через прорези в центральной части фигуры гиганта. Этому исполнителю, оживлявшему статую, грозили самые неожиданные и опасные происшествия: попав одной из ходуль в выбоину, он мог остаться на другой, и тогда ему нелегко было удержаться в равновесии; мог он и просто поскользнуться, не видя как следует дороги. Самую большую опасность представляли масляные лампы: сильно раскачавшись, они иногда поджигали всю статую!

Однажды, уже будучи взрослым, я дал себя уговорить нести фигуру Будды, Бога Медицины. Размер фигуры превышал семь метров. Развевающиеся одежды Будды били меня по ходулям, а поскольку эти одежды только что принесли со склада, то из них тучей

летела моль; как только началось шествие, я почувствовал, что просто задыхаюсь от пыли — пыль эта тоже летела из одежд Будды. Я начал чихать и никак не мог остановиться; я чувствовал, что вот-вот упаду — попробуйте в такой ситуации сохранять равновесие! К тому же от моего чихания сотрясалась вся фигура Будды, и горячие капли масла брызгали на мой бритый череп, очень, как оказалось, чувствительный. Я задыхался от вони затхлой ткани, тысячи обезумевших мотыльков кружились около меня, да еще это горячее масло! Вообще-то масло в лампе обычно бывает в твердом состоянии, за исключением небольшой лунки вокруг фитиля, но жара стояла необычная и масло расплавилось. Маленькое отверстие, в которое я должен был смотреть на дорогу, сместилось, и я почти ничего не видел; ни поправить ткань, ни прыгнуть с ходуль; а если мне и удавалось выглянуть в это отверстие, то все равно впереди идущий заслонял мне обзор, и по тому, как он подпрыгивал и ежился, я понял, что и ему приходится так же, как мне. Но на нас смотрел Далай-лама. Никакого спасения, только идти вперед, задыхаясь и дожариваясь в масле. В тот день, благодаря физическому напряжению, духоте и жаре, я изрядно сбавил в весе! Зато вечером одно высокопоставленное лицо обратилось ко мне с комплиментом:

— Это было великолепное представление, Лобсанг, из тебя бы вышел настоящий комедиант!

Я, конечно же, не стал ему объяснять, что все утомительные движения, которые его так позабавили, я совершал отнюдь не по доброй воле. И можете не сомневаться, что после этого приключения я больше никогда не носил деревянных фигур!

Спустя пять или шесть месяцев меня постигло настоящее несчастье. Неожиданно налетел ураган, поднявший в воздух тучи пыли и мелкой гальки. Я как раз находился на крыше нашего склада: мне показывали, как укладывать листовое золото, обеспечивая в то же время герметичность. Порыв ветра сорвал меня с крыши и бросил на другую в шести-семи метрах ниже. Еще один порыв ветра — и я покатился по краю крыши, сорвался с нее и, пролетев почти сотню метров, упал в канаву у обочины дороги. К счастью, перед этим шли дожди, и канава, куда меня бросило, была затоплена водой; я упал лицом в воду и одновременно услышал треск. «Наверное, ветка дерева», — мелькнула мысль. Удар меня почти оглушил. Пытаясь подняться из грязи, я почувствовал острую боль в руке и левом плече. Я все же поднялся — сперва на колени, потом на ноги и направился, шатаясь, к сухой части дороги. Я почти терял сознание от боли и двигался вперед словно слепой. Каждый шаг болью отдавался во всем теле. На полпути меня встретили монахи, бежавшие навстречу. Оказалось, что вместе со мной был сброшен с крыши еще один мальчик, но ему повезло еще меньше, чем мне: он разбился насмерть. Дальше меня уже несли и сразу поместили в комнату моего учителя, который тут же осмотрел меня.

— Эх, бедные малыши, нельзя было вас посылать на крышу в такую погоду.

Затем он обратился ко мне:

— Перелом руки и ключицы, Лобсанг. Кости надо ставить на место. Дело неприятное, но я постараюсь, чтобы боль была не сильной...

Прежде чем я успел что-то сообразить, он уже вправил ключицу и наложил шину. Когда он принялся за руку, я охнул от боли, но учитель действовал ловко и быстро. На руке вскоре тоже оказалась шина. Остальную часть дня я провел в постели. На следующее утро лама Мингъяр Дондуп сказал мне:

— Занятий забрасывать нельзя. Позанимаемся здесь вдвоем. Как и все люди, ты воспринимаешь новый материал с некоторой неохотой. Ничего, я попробую снять твоё «сопротивление» гипнозом.

Он закрыл ставни, и комната погрузилась в темноту. Лишь слабо горели лампы на алтаре. Учитель вынул откуда-то небольшую коробочку и установил ее напротив на полочке. Мне стало казаться, что я вижу яркие вспышки, цветные пятна, полосы и черточки, а затем все это померкло и исчезло в беззвучно накатившей волне сплошного яркого света.

Проспал я не один час, потому что, проснувшись, увидел в окно, как пурпурные

вечерние тени наполняют долину внизу. В окнах храма Потала загорались огоньки, другие мигали на улицах и между домами — ночная стража делала первый обход. В городе начиналась вечерняя жизнь. В комнату вошел учитель:

— О, наконец-то ты возвратился! Кажется, астральный мир пришелся тебе по вкусу. Ты даже не хотел просыпаться. А сейчас, по-моему, ты проголодался, как всегда? При этих словах я действительно почувствовал, что умираю с голоду. Принесли еду. Я ел, а учитель продолжал разговор:

— По всем нормальным законам твоя душа должна была оставить тело, но звезды утверждают, что жить ты будешь до самой смерти, которая наступит через много лет в стране красных индейцев — в Америке. Сейчас монахи отправляют службу по мальчику, который упал вместе с тобой и разбился. Он умер мгновенно.

Мне не раз приходилось завидовать тем счастливицам, кто уже пересек жизненный рубеж. Мой опыт астральных путешествий подтверждал, что там действительно здорово. Но я напоминал себе, что никто не любит школу, а учиться все-таки надо — наша жизнь на земле есть не что иное, как учеба. Но ох какая же она тяжелая — даже когда кости переломаны, приходится *учиться еще больше!*

В течение следующих двух недель моя учебная нагрузка была больше, чем когда-либо. Это для того, объясняли мне, чтобы я не думал о переломах. К концу этого срока кости срослись, но боль еще не проходила. Однажды утром, вернувшись в комнату Мингьяра Дондупа, я застал его за чтением какого-то письма. Он взглянул на меня:

— Лобсанг, мы приготовили пакет с целебными травами для твоей почтенной матери. Ты можешь сам завтра утром отнести его и провести дома весь день.

— Я думаю, что отец не хочет меня видеть. Он тогда даже не оглянулся, когда я окликнул его с лестницы Поталы.

— Так и должно быть. Он знал, что ты только что получил особые знаки расположения от Неоценимого. Он *не мог* обращаться к тебе в мое отсутствие, поскольку Неоценимый отдал тебя под мою полную опеку.

Учитель посмотрел на меня лукаво и засмеялся:

— Во всяком случае, твоего отца завтра дома не будет. Он уехал на несколько дней в Джангдзе по делам.

На следующий день учитель осмотрел меня с головы до пят.

— Хм, ты немного бледен, но чист и ухожен, а это самое главное для матери! Вот шарф, не забывай, что ты лама и должен соблюдать все правила. Ты пришел сюда пешком, сегодня ты сядешь на лучшего белого коня. Возьми моего. Ему надо поразмяться. Кожаный мешок с травами следовало завернуть в шелковый шарф. Но чтобы шарф не испачкать, я сунул его за пазуху и решил, что выну его только подъезжая к дому.

Итак, мы пустились с холма вдвоем: я и белая лошадь. На полдороге конь остановился и посмотрел на меня внимательно. По всему было видно, что я ему не нравлюсь, потому что он легонько заржал и пустился вскачь, как бы говоря, что он видывал таких ездовых. Мне тоже очень хотелось сказать ему все, что я о нем думаю, но я помалкивал. В Тибете ламы, фанатично придерживающиеся правил, предпочитают ездить на мулах, поскольку считается, что мул менее похотлив, чем лошадь. На лошадях и пони ездят только не очень разборчивые монахи. Что касается меня, то я всегда предпочитал, если предоставлялся выбор, ходить пешком. Спустившись с холма, мы, по обоюдному согласию, свернули направо; у меня невольно вырвался вздох облегчения — с этой лошадью, кажется, можно ладить. Вероятно, это объяснялось проще: по религиозным соображениям вся система дорог была спланирована так, что, куда бы ты ни ехал, всегда возможен поворот на Лингхор по часовой стрелке. Таким образом, *мы* свернули направо, пересекли дорогу из Дрэпунга и направились по окружной дороге Лингхор. Проезжая мимо храма Потала, я подумал, что по привлекательности он не подлежит сравнению с Шакпори. Наконец, мы пересекли дорогу из Индии, оставив Калингчу слева, а храм Змеи справа. Завидев меня, слуги поспешили открыть ворота. Опасаясь про себя, как бы не

упасть с седла, я все же въехал во двор с очень важным видом. К счастью, ко мне поспешил один из конюхов и быстро схватил лошадь под уздцы. Я спешился.

Мы торжественно обменялись с экономом церемониальными шарфами.

— Благослови этот дом и всех домочадцев, достопочтенный лама-лекарь и господин, — сказал эконом.

— Да благословит вас Светлейший и Всевидящий Будда и ниспошлет вам доброго здоровья, — ответил я.

— Достопочтенный господин, хозяйка дома распорядилась проводить вас к ней.

Я пошел за ним (можно было подумать, что я сам не знаю дороги!), нащупывая шарф за пазухой, которым необходимо было обернуть мешок с лекарственными травами. Мы поднялись на верхний этаж в великолепные покои матери. «Меня раньше, просто как сына, никогда сюда не пускали», — подумал я с грустью. В комнате матери было полно женщин! Едва завидев их, я хотел было бежать прочь без оглядки! Но не дав мне опомниться, мать сама подошла ко мне, поклонилась и произнесла приветствие:

— Уважаемый господин и сын, Неоценимый оказал вам большую честь, и мои друзья хотели бы услышать из ваших уст рассказ об этом.

— Уважаемая мать, — отвечал я, — правилами моего ордена запрещено рассказывать, о чем со мной говорил Неоценимый. Лама Мингьяр Дондуп приказал доставить вам целебные травы и Шарф Приветствия.

— Уважаемый лама и сын, эти дамы приехали издалека, чтобы узнать, что происходит в доме Наимудрейшего и как он себя чувствует. Правда ли, что он читает журналы из Индии? Говорят, что у него есть такое стекло, которое позволяет видеть сквозь стены дома?

— Госпожа моя, — ответил я кратко, — я всего лишь лама-лекарь, и не мне говорить о главе нашего государства. Я просто посыльный. Ко мне приблизилась молодая женщина.

— Ты меня не узнаешь? Я — Ясо!

Сказать правду, я действительно не узнал ее: настолько она сделалась пышной и нарядной. От страха по спине поползли мурашки. Восемь, нет, девять женщин на меня одного. Нет, это уж слишком. Мужчины, да, я с ними знаком и знаю их манеры, но женщины! Они смотрели на меня глазами голодных волчиц, готовых наброситься на лакомый кусок. Был только один выход из положения: бежать!

— Уважаемая мать, я передал вам послание, а теперь я обязан вернуться к моим обязанностям. Я болел последнее время, и у меня накопилось много дел.

Сказав это, я попрощался с дамской компанией, повернулся и почти бегом пустился вниз. Эконом вернулся в свой кабинет. Лошадь ко мне привел конюх.

— Осторожней. Рука и плечо у меня не в порядке, — сказал я ему, когда конюх помогал мне сесть в седло.

Он распахнул ворота, и я выехал на улицу в тот момент, когда мать появилась на балконе и что-то крикнула вслед. Белый конь повернул налево, так чтобы путь по дороге Лингхор снова совершался по часовой стрелке. Ехал я медленно — мне не хотелось *сразу* возвращаться в монастырь. Проехали мимо Гью-По Линга, Муру Гомпа, словом, сделали полный круг.

По прибытии в монастырь я тут же отправился к ламе Мингьяру Дондупу.

— Лобсанг, неужели за тобой гнались души мертвых? — спросил он, заглядывая мне в глаза. — Да на тебе лица нет!

— Лица нет? — спросил я. — Дело в том, что у матери меня поджидала целая банда женщин. Они хотели выведать, как живет Наимудрейший и что он мне говорил. Я им ответил, что правилами нашего ордена запрещено говорить о таких вещах. И ушел оттуда поскорее, потому что они с меня глаз не спускали!

Учитель разразился веселым смехом. Чем круглее от удивления становились мои глаза, тем громче он смеялся.

— Неоценимый желает знать, привык ли ты к монастырской жизни или тебя все еще тянет к родителям!

Монастырская жизнь полностью перевернула все мои представления о светской жизни; женщины теперь представлялись мне странными существами (такowymi они остаются и по сей день).

— Но мой дом здесь, — воскликнул я. — Я не хочу возвращаться к отцу. Все эти женские румяна и пудра чуть меня не убили. А эта манера разговаривать! И смотреть! Даже мясники из Шо так не смотрят на барана! — Тут мой голос перешел в шепот: — А видели бы вы их *астральные* цвета... это ужасно... Уважаемый лама и учитель, не посылайте меня больше туда.

После этого он долго надо мной подтрунивал:

— А ну-ка, скажи, Лобсанг, как ты бежал от банды женщин? Или еще:

— Лобсанг, не хочешь ли ты отправиться сегодня к матери? Она устраивает прием, а ее подружки хотят развлечений...

И все же вскоре случилось так, что я, по настоятельному совету Далай-ламы, снова должен был ехать в дом родителей на большой прием, организованный моей матерью. Никто никогда не перечил решениям Неоценимого. Мы все его любили не только как Бога на земле, но и как человека. Характер у него был немного вспыльчивый; у меня, впрочем, тоже. И он никогда не позволял собственным желаниям брать верх над государственными интересами. Бывали случаи, когда Далай-лама гневался, но гнев его продолжался не дольше нескольких минут. Он был настоящим главой государства и церкви.

ГЛАВА 14 Я ПРИМЕНЯЮ ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Однажды утром, когда я испытывал полную гармонию со всем миром, в тот самый момент, когда я размышлял, как мне лучше провести полчаса, остававшиеся до службы, меня разыскал лама Мингьяр Дондуп.

— Пойдем пройдемся, Лобсанг, у меня есть небольшое дело для тебя. Я подпрыгнул от радости, предвкушая прогулку с учителем. Сборы были недолгими. Когда мы вышли из храма, нам навстречу направился кот, засвидетельствовавший свое почтение. Он мурлыкал и держал хвост неподвижным в знак особого к нам расположения. Отвязаться от кота не удалось. Это был огромный зверь, по-тибетски *шими*. Кота пришлось погладить, и он сопровождал нас, величественно вышагивая, вниз по склону до середины нашего пути. Тут он, вероятно, вспомнил, что оставил без присмотра драгоценности, и со всех ног пустился назад к храму.

Кошек мы держим не только за их красоту: они обеспечивают самую надежную охрану драгоценных камней, в большом количестве разложенных у ног священных статуй. Собаки — огромные бульдоги, способные опрокинуть человека и разорвать его в клочья, — стерегут дома. Однако собаку можно приручить, прикормить или обратить в бегство. Ничего подобного не бывает с кошками. Если кошка бросается в атаку, то ее может остановить только смерть. Кошки у нас той породы, которую иногда называют сиамской. В жарких странах они бывают и белые и бежевые, но в Тибете, стране холода, — почти совершенно черные. Глаза у них голубые, а задние лапы намного длиннее передних, чем объясняется уникальная походка этих животных. Длинный хвост похож на кнут. А голос! Сила и диапазон их голосов просто невероятны, ни один кот в мире не сравнится с ними по вокальным данным.

Кошки, несущие охрану храма, бесшумны и всегда начеку; они похожи на ночные тени. Если кто-то посягает на драгоценности, которые кошка сторожит, она прыжком вылетает из темноты и вцепляется налетчику в руку. Если человек тотчас не бросит украденного, другая кошка прыгает ему прямо на шею. У этих кошек когти в два раза длиннее, чем у обычных, и если уж они вцепятся, то не отпустят. Собак, повторяю, можно утешить, приручить или отравить. С кошками этот номер не проходит. Они способны обратить в бегство самых лютых бульдогов. И когда кошки несут охранную службу, они подпускают к себе только тех, кого хорошо знают.

Мы продолжали прогулку. Миновав деревню Шо и мост Черепах, мы подошли к дому Доринг, рядом с китайской миссией. По дороге лама Мингъяр Дондуп сказал мне:

— Прибыла китайская миссия. Надо посмотреть на этих людей. Нам необходимо знать, что и кого они представляют.

Мое первое впечатление было неблагоприятным. Китайцы расхаживали по залам с вызывающим видом, кругом были навалены ящики, коробки. Кроме того, было столько оружия, что его хватило бы для небольшой армии. Благодаря юному возрасту я смог позволить себе подкрасться и довольно долго наблюдать за китайцами через открытое окно. Наконец один из них поднял голову, заметил меня и завернул такое ругательство (чисто китайское), которое, если ему верить, не только ставило под сомнение честность всех моих предков, но и начисто отказывало мне в будущем. Он тут же стал искать, чем бы в меня запустить, но я исчез так же бесшумно, как и появился.

Когда мы снова очутились на дороге Лингхор, я сказал учителю:

— Вы заметили, какие красные у них ауры? И как они размахивают ножами?

Всю дорогу домой лама Мингъяр Дондуп был так погружен в свои мысли, что едва ли меня слышал.

— Я долго думал о китайцах, — сказал он мне после ужина, — и я хочу предложить Неоценимому использовать твой исключительный дар. Ты сможешь за ними понаблюдать, стоя за ширмой?

Я ответил:

— Если вы считаете, что я смогу это сделать, то я смогу.

На следующий день я не видел учителя, но через день он позанимался со мной лишь до обеда, после чего сказал:

— Пойдем, Лобсанг. Возьми этот шарф высшего достоинства. Не надо быть ясновидцем, чтобы догадаться, куда мы идем. На сборы тебе десять минут и приходи в мою комнату. А мне еще надо перемолвиться с настоятелем.

И снова мы отправились по крутой тропинке вниз. Выбрав самый короткий путь по юго-западному склону, мы очень быстро добрались до Норбу Линга, или парка Жемчужины. Далай-лама очень любил этот парк и проводил здесь большую часть досуга. Это можно понять. Внешний вид Поталы великолепен, но внутри, из-за недостаточной вентиляции и чрезмерного количества непрерывно горящих масляных ламп, чрезвычайно душно. За многие годы на полах скопилось много масла. И уже не одному достойному ламе случалось, величественно шествуя под сводами храма, наступить на припорошенное

масляное пятно, поскользнуться и упасть, издав при этом возглас, соответствующий не столько священному сану, сколько анатомическому месту и силе его удара о каменный пол. Возможно, именно поэтому Далай-лама предпочитал проводить по возможности больше времени в Норбу Линга. Зачем напрасно рисковать и становиться предметом унижительного зрелища?

Жемчужному Парку было не более ста лет, и его окружала каменная стена почти четырехметровой высоты. Внутри сиял золотыми куполами Дворец, состоявший из трех зданий, занятых администрацией. Внутренний участок был отведен под сад, окруженный второй стеной. Здесь отдыхал Далай-лама. Бытовали слухи, что чиновники не имеют права туда входить, однако это неправда; там им запрещалось лишь заниматься делами. Мне приходилось бывать в том саду раз тридцать, я его хорошо знал. В саду было великолепное искусственное озеро с двумя островками, на которых находились летние резиденции Далай-ламы. Доступ к резиденциям осуществлялся с северо-западной стороны по широким дамбам, вымощенным камнями. Далай-лама часто бывал то на одном, то на другом острове, проводя долгие часы в ежедневных медитациях. Внутри парка размещались также помещения личной охраны Далай-ламы, насчитывавшей пятьсот человек.

Именно сюда направились мы с ламой Мингъяром Дондупом. Это был мой первый визит в Норбу Линга.

Миновав ухоженные сады, мы вошли во внутренний эрмитаж через великолепные ворота. Птицы невообразимых видов порхали над землей и деревьями. Они даже не обратили на нас внимания; мы, в свою очередь, тоже старались их не потревожить. Спокойное зеркало вод отражало в себе окружающую красоту. Каменная дамба недавно была выбелена известью. Мы направились на дальний остров, где Далай-лама пребывал в глубокой медитации. При нашем приближении он поднял глаза и улыбнулся. Опустившись на колени, мы положили шарф к его ногам, и он пригласил нас занять места рядом с собой. Он позвонил, чтобы нам принесли чаю, — без чая ни один тибетец не начнет разговора. Подождав немного, он заговорил со мной о животных парка и обещал все показать.

Подали чай. Далай-лама взглянул на меня и сказал:

— Наш друг Мингъяр сказал, что тебе не понравились ауры членов китайской миссии. Он говорит, что они вооружены до зубов. Твой учитель говорит, что ясновидение тебя никогда не обманывало. Что ты думаешь об этих людях?

Вопрос Далай-ламы привел меня в замешательство. Кроме ламы Мингъяра Дондупа, я никогда и никому не рассказывал о том, как я понимаю цвета ауры. Я считал, что если кто-либо не может самостоятельно трактовать значение цвета ауры, то и разговаривать с ним на эту тему не следует. Но как сказать об этом главе государства, который сам не обладает ясновидением?

— Уважаемый Милосердный Заступник, — отвечал я, — я недостаточно подготовлен в искусстве чтения ауры чужеземцев и, следовательно, недостойн высказывать свое мнение.

Но слова эти не убедили Далай-ламу, и он сразу же возразил:

— Ты тот, кто обладает особым даром от рождения. Этот дар — наследие далекого прошлого; кроме того, он усилен Древним Искусством — тебя специально готовили, и ты отнюдь не новичок в этом искусстве. Поэтому твой долг — рассказать мне обо всем, что видел. Я тебя слушаю.

— Уважаемый Милосердный Заступник, у этих людей дьявольские намерения. Цвета их аур указывают на вероломство.

Говорил я недолго, но Далай-лама, казалось, услышал то, что ожидал услышать.

— Хорошо, — сказал он, — ты повторил то, что мне уже говорил Мингъяр. Завтра ты устроишься вот за этой ширмой и понаблюдаешь за китайцами во время приема. Нам следует знать их намерения. Теперь иди за ширму и постарайся притаиться. Мы должны

быть уверены, что тебя не заметят.

Поскольку ширма не полностью меня скрывала, слуги слегка передвинули китайских львов; теперь я совершенно не был виден. Провели репетицию визита, вызванные для этого ламы играли роль китайской делегации. Они усиленно старались обнаружить мой тайник. Меня удивили мысли одного из них: «Если я его обнаружу, то меня повысят в звании!»

Но, как ни старались, они меня не нашли: искали, да не там. Наконец Наимудрейший выразил свое удовлетворение и позвал меня. Некоторое время он меня инструктировал, затем сказал, чтобы мы пришли сюда завтра. Китайцы приехали в Лхасу с целью навязать нам свой договор. С этой мыслью мы ушли от Далай-ламы и с ней вернулись в Шакпори.

На следующий день к одиннадцати часам, проделав уже известный нам крутой спуск, мы снова вошли во внутренний двор Норбу Линга. Далай-лама встретил меня улыбкой и сказал, что мне следует подкрепиться — к этому я всегда был готов! — прежде чем спрятаться. По его приказанию подали деликатесы — консервы из Индии. Я не знаю, как назывались эти продукты, знаю только, что они прекрасно заменили мой обычный рацион из тсампы, чая и репы. Подкрепившись основательно, я почувствовал, что теперь легко выдержу сеанс неподвижности. Абсолютная неподвижность — обязательное положение для медитаций. Для ламы застыть в неподвижности не составляет никакого труда. С ранних лет, а точнее с семи, меня учили сидеть неподвижно в продолжение многих часов. С этой целью на голову устанавливают зажженную масляную лампу, и ты должен сидеть в позе лотоса до полного расхода масла, то есть около двенадцати часов. Так что трех-четырёхчасовой сеанс не представлял для меня никаких трудностей.

Далай-лама сидел на троне, возвышавшемся над полом на два метра, лицом ко мне, неподвижно, в позе лотоса. Я тоже сидел неподвижно. До слуха донеслись раскатистые крики и бесчисленные восклицания на китайском языке. Потом я узнал, что под одеждой китайцы прятали оружие, и стража, пропуская их во внутренние покои, заметив подозрительно оттопыривавшуюся одежду, заставила китайцев оставить оружие за порогом, из-за чего они и выражали бурное негодование. Наконец китайцев пропустили, и они стали приближаться в сопровождении стражи. Старший лама затянул: «Ом! Мани пад-ме хум», но вместо такого же ответа, требующегося по этикету вежливости, китайцы по-своему затянули:

— А-ми-до-фо («Слушай нас, о Амида Будда»).

«Работа сегодня нетрудная, — сказал я себе, — и без ауры ясно, какое у них настроение».

Из укрытия хорошо было видно, как сверкали их ауры. Они как бы переливались опаловыми волнами с грязными красными пятнами; мысли китайцев, насыщенные ненавистью, образовывали вихри. Я видел, как по аурам пробегали, словно ленты, всполохи гнева и ярости. Ауры китайцев лишены были спокойной ясности, характерной для возвышенных мыслей; предо мной были мерзость и смятение подлых душ, полностью отдавшихся материализму и преступлению. Этим китайцам хорошо подходила наша поговорка: «Слова их красивы, но души коварны».

Я смотрел на Далай-ламу, цвет его ауры говорил о печали, он вспоминал далекие времена, проведенные в Китае. Все, что мне известно было о нем, меня восхищало; никогда Тибет не имел лучшего правителя. Далай-лама обладал живым темпераментом, порой довольно резким; вот и сейчас красные молнии порой пробегали по его ауре. Но в истории Тибета он остался лучшим главой государства, он отдавал себя всего интересам страны. Я ощущал глубокую к нему привязанность. После ламы Мингъяра Дондуна он был вторым человеком, вызывавшим во мне столь сильные чувства.

Встреча затягивалась, но без какого-либо разумного завершения. Эти люди прибыли сюда не как друзья, а как враги. Засевшие в их головах идеи были настолько узки и однозначны, что о гибкости их мышления не могло быть и речи, они просто не могли

ничего изменить в своих задачах. Они требовали территориальных уступок, политического права на управление Тибетом. Но прежде всего они хотели золота. Золота, золота! Золото распяляло их жадность и усиливало вековые домогательства. В Тибете действительно много золота, наверное, многие сотни тонн. Но в Тибете золото относят не к ценным металлам, а к священным. По нашим религиозным убеждениям, добыча золота из шахт является надругательством над Землей, и никто его таким образом не добывает. Традиционная добыча сводится к сбору крупных самородков, вынесенных из недр; есть также речки, где можно собирать золотой песок. Золото в Тибете идет на различные украшения храмов — священный металл мы употребляем только на святые дела. Даже масляные лампы в храмах могут изготавливаться из золота. К сожалению, это слишком мягкий металл, и украшения из него легко деформируются.

По площади Тибет в восемь раз больше Великобритании. Обширные районы его до сих пор не исследованы. Я знаю, что в Тибете много золота, урана, серебра, в чем я убедился, путешествуя по стране с ламой Мингьяром Дондупом. Несмотря на настоятельные требования представителей Запада исследовать наши земли, мы не допускали туда чужеземцев. Древняя мудрость нашего народа гласит: «Куда идут люди Запада, туда идет война!» Поэтому автор просит читателя всегда помнить, что золото для нас металл священный, об этом не надо забывать и тогда, когда речь в книге идет о «золотых трубах», о «золотых тарелках» или «скульптурах, покрытых золотым слоем». Наша страна могла бы оказаться источником богатства и блага для всего мира, если бы человечество объединило свои *усилия* для совместной мирной работы, а не стремилось к иллюзорным завоеваниям с помощью силы.

Как-то утром, когда я был занят копированием древней рукописи, готовя ее под гравировку, ко мне подошел лама Мингьяр Дондуп.

— Лобсанг, — сказал он, — нас зовет к себе Неоценимый. К нему сейчас должен прибыть с визитом чужеземец, и нам надо тайком посмотреть на его ауру. Чужеземец идет с Запада. Поторопись, Наимудрейший хочет поговорить с нами, прежде чем примет его. Не нужно шарфа, быстрее, сейчас не до церемоний!

Сперва оцепенев от неожиданности, я тут же опомнился и вскочил на ноги:

— Мне только переодеться, и я готов, уважаемый лама и учитель.

Сборы были недолгими. В Норбу Линга мы пошли пешком, благо было недалеко — каких-нибудь восемьсот метров. У подножия горы я мысленно отметил то место, где поломал себе кости. Перешли небольшой мостик и очутились на дороге Лингхор. Наконец добрались до ворот Норбу Линга. Стража быстро пропустила нас во внутренний двор. Далай-лама сидел на галерее. Я чувствовал себя неловко без шарфа: не знал, куда девать руки.

Наимудрейший взглянул на нас и улыбнулся:

— Садись, Мингьяр, и ты, Лобсанг. Хорошо, что вы не теряли времени.

Усевшись, мы ожидали, когда Неоценимый заговорит. Он задумался, как бы собираясь с мыслями.

— Много времени прошло с тех пор, — начал он, — когда армия рыжих варваров-англичан напала на нашу священную страну. Я в то время скрывался в Индии, это был первый этап долгого путешествия. В год Железной Собаки (в 1910 году) китайцы вторглись в нашу страну. Их вторжение имело прямую связь с нападением англичан. В Индии я встретился с человеком, который прибыл к нам сегодня. Я говорю это для тебя, Лобсанг, ибо Мингьяр сопровождал меня. Англичане давали нам много обещаний, но не выполняли их. Сегодня я хочу знать, искренен ли этот человек и каковы его намерения. Лобсанг, ты не поймешь нашего разговора, но это не должно тебя смущать, поскольку то, о чем пойдет речь, лежит вне сферы твоей жизни. Спрячься за тот трельяж и наблюдай. Наблюдай за его аурой, подмечай и записывай все детали, как тебя учил твой учитель — он высоко ценит твои способности. А теперь, Мингьяр, проводи его в укрытие. Он к тебе

больше привык, чем ко мне, да и, по всему видно, уважает тебя больше, чем самого Далай-ламу.

За трельяжем я огляделся, наблюдая за полетом птиц и за тем, как раскачиваются ветви деревьев. Ради забавы я бросил птицам крошки тсампы, которую прихватил с собой. По небу скользили облака. «До чего приятно чувствовать под ногами стон взметнувшегося ввысь змея, в то время как ветер свистит в шелке и натягивает трос, словно струну гитары», — подумал я и тут же подскочил как ужаленный. На какое-то мгновение мне показалось, что я уснул на змее и падаю на землю. Но это был всего лишь стук ворот, ведущих во внутренний сад. Ламы в желтых одеждах сопровождали экстравагантно одетого человека. Я еле сдержался, чтобы не захохотать. Меня просто трясло от смеха. Длинный и тощий, как жердь, гость был сед, белолиц, с жидкой растительностью вместо бровей и глубоко посаженными глазами. И без того тонкие губы были плотно сжаты. А костюм! Какая-то голубая ткань, длинный ряд пуговиц, блестящих пуговиц! Сразу было видно, что костюм скроен плохим портным: воротник, огромный сам по себе, следовало перекроить и отутюжить, чтобы все части его не торчали как попало, а лежали на своем месте. А эти заплаты на боках! «Кажется, жители Запада тоже носят на своей одежде заплаты, как и у нас, в буддийских посвящениях», — подумал я про себя. Разумеется, в то время я не имел ни малейшего понятия о карманах и воротниках! В Тибете те, кто добывает себе средства на жизнь не физическим трудом, носят одежду с длинными рукавами, скрывающими руки полностью. А у этого человека рукава были короткие, едва доходили до запястий.

«Но все-таки он не чернорабочий, — подумал я, — руки у него совсем не огрубелые. Может быть, он просто не умеет как следует одеваться?»

Платье его не доходило и до колен.

«А может, он просто бедный человек?» — подумал я.

Брюки были слишком узки и, видимо, очень длинны, потому что снизу он их подвернул.

«В такой одежде, — подумал я, — он, наверное, чувствует себя неловко перед Далай-ламой. Неужели никто из лам его роста не мог предложить ему свою одежду?»

Я посмотрел на ноги чужеземца. Настоящий цирк! Обувь была черного цвета и блестела как стекло! Не сравнить с нашими войлочными сапогами! Мне ни разу не приходилось видеть такую странную обувь. Машинально я взглянул на его ауру и сделал первые выводы. Иногда этот человек говорил по-тибетски, и довольно сносно для иностранца, но затем следовал набор таких странных слов и звуков, каких мне никогда не приходилось слышать. Впоследствии мне сказали, что это был английский язык.

Но когда чужеземец вытащил из-за одной из своих заплат кусок белой материи, поднес его к носу и ко рту и произвел звук, напоминающий звук небольшой трубы, я совершенно растерялся.

«Это, должно быть, приветствие Неоценимому», — подумал я.

После такого приветствия человек спрятал белую тряпку на прежнее место. Затем он стал доставать другие предметы, среди которых было несколько листков бумаги неизвестного мне сорта. Наша бумага была желтой, толстой и шершавой, а эта — белой, тонкой и гладкой. Но как же писать на такой бумаге? Мелки здесь не подойдут, они будут скользить... Человек взял тонкую палочку из цветного дерева, сердцевина которой напоминала сажу. Этим инструментом он стал выписывать разные каракули. По моему понятию, он не умел писать, а только делал вид, что умеет!

Сажа? Кому приходилось слышать, что можно писать палочкой из сажи? Да дунь на нее — и она вся разлетится.

Человек был явно не в своем уме: он сел на какую-то деревянную подставочку с четырьмя ножками, свесил ноги и стал ими болтать. Позвоночник у него наверняка был искривлен, потому что он прислонился к двум поперечинам, закрепленным сзади сиденья. Глядя на этого человека, я проникся к нему горячим состраданием: одежда ему не шла,

писать он не умел, а чтобы вызвать к себе интерес, протрубил в карманную трубу, приставив ее к носу; да еще не умел сидеть как следует — опирался спиной о какие-то подпорки и размахивал ногами. Человек суетился, клал одну ногу на другую и снова снимал ее. Вдруг, к своему великому ужасу, я заметил, что он стал поднимать левую ногу, направляя ее подошвой прямо на Далай-ламу! Для тибетца это было ужасным оскорблением. Впрочем, он вовремя спохватился и переменил позу. Наимудрейший оказал ему большую честь: сам сел на такое же сиденье и опустил вниз ноги, как и чужеземец. У посетителя было странное имя, означавшее *женский музыкальный инструмент*. Судя по ауре, у мистера К. А. Белла здоровье было неважное: вероятно, сказывался неподходящий климат. Было видно, что он искренен в желании добиться успеха в своей миссии и не хочет уходить в отставку из-за провала и невыполнения поручений своего правительства. Он хотел делать все по-своему в политике, но правительство Англии дало другие инструкции, поэтому ему оставалось надеяться только на будущее, которое покажет, что он был прав.

Сведения о мистере Белле у нас были хорошие. В нашем распоряжении были данные о его рождении и кульминационных точках его карьеры, короче, все то, что давало возможность предвидеть его будущее. Астрологи установили, что он жил в Тибете во время своей предшествующей жизни, однако пожелал перевоплотиться на Западе, питая надежду всячески способствовать сближению Запада и Востока. Потом я узнал, что Белл и сам писал об этом в своей книге. Мы были уверены, что если бы мистеру Беллу удалось повлиять на свое правительство, как он того хотел, то не произошло бы и китайского вторжения. Однако китайское вторжение все-таки состоялось, поскольку предсказания всегда исполняются.

Английское правительство вело враждебную и недостойную политику. Оно боялось, чтобы Тибет не установил союза с Россией, — такой оборот дел для Англии был неприемлем. Англия отказывалась подписать с нами договор и в то же время не хотела, чтобы был установлен союз с другими государствами. Сикким, Бутан — все могли заключать договоры, но только не Тибет! Кроме того, англичан буквально пот прошибал при одной мысли, что кто-то опередит их в завоевании или удушении Тибета. Они не отдавали предпочтения ни одной из этих двух форм насилия: обе для них были хороши! Мистер Белл прекрасно видел, что мы не желаем принимать чью-либо сторону. Мы хотели одного: оставаться сами по себе, жить своей жизнью, иметь свои законы, ибо мы хорошо знали из прошлого опыта, что чужеземцы ничего не приносят Тибету, кроме несчастий, разрухи и страданий.

Неоценимый был очень доволен результатами моих наблюдений, которые я ему изложил после ухода мистера Белла. Но, казалось, он уже думал только об одном — задать мне побольше работы.

— Да, да, — воскликнул он, — мы должны еще более развить твои способности! Ты увидишь, они тебе еще пригодятся в дальних странах. Надо увеличить продолжительность сеансов гипноза, чтобы вложить максимальные знания в твою голову.

Он позвонил. Вошел один из его помощников.

— Позовите немедленно Мингьяра Дондупа!

Через несколько минут я увидел, как мой Учитель не спеша направляется к нам. Мне казалось, что ему следовало поторопиться, но положение личного друга Далай-ламы давало ему здесь индивидуальные преимущества.

Учитель сел рядом со мной напротив Наимудрейшего. Слуга быстро принес чай с маслом и деликатесы из Индии. Когда мы приняли подобающие позы, Далай-лама заговорил:

— Мингьяр, ты не ошибся, Лобсанг очень способный. Но не следует забывать о дальнейшем его совершенствовании. Прими все необходимые меры и ускорь его образование, но без ущерба для полноты знаний. Используй все доступные средства. Надо поторопиться, ибо скоро тяжелые дни обрушатся на нашу страну, и нам следует иметь

человека, который был бы способен заняться компиляцией наших священных книг и древних знаний.

Итак, режим моих занятий снова ужесточился. Участились и срочные вызовы к Далай-ламе с целью интерпретации значения аур его гостей.

Я стал частым посетителем Поталы и Норбу Линга. В Потале я увлекался телескопами — они мне очень нравились. Один был огромный, на тяжелой треноге, настоящий астрономический телескоп. Я охотно проводил у телескопа многие часы, наблюдая за луной и звездами до поздней ночи. В сопровождении ламы Мингьяра Дондупа я часто отправлялся в Лхасу и наблюдал за людьми. Обширные познания учителя позволяли ему управлять моими умозаключениями и делать их более глубокими. Нам бывало забавно забрести в какую-нибудь лавочку, послушать рассказы торговца о высоком качестве его товара и тут же прочесть его мысли об их действительной ценности. Для нас не существовало никаких тайн. Память моя развивалась быстро, часами я слушал сложные отрывки из наших книг, а потом повторял их. Меня погружали в длительный гипноз и в это время читали отрывки из древних писаний.

ГЛАВА 15   ТАЙНЫ СЕВЕРА И ЙЕТИ

Как раз в этот период состоялась наша экспедиция в высокогорье Тянь-Шаня. Я ограничусь лишь кратким описанием, поскольку не хватило бы и нескольких томов, чтобы описать ее подробно. Далай-лама лично благословил каждого из пятнадцати человек, участвовавших в походе, мы оседлали мулов и, испытывая необычайный подъем духа, отправились в путь. Мулы могут пройти там, где лошадям это не под силу. Не спеша добрались мы до Тэнгри Цо, где спустились к огромному озеру Цзилинь Нор. Двигались мы все время на север. Медленно перевалив через хребет Тангла, мы очутились в неисследованном районе. Сколько дней продолжалось наше путешествие? Затрудняюсь ответить точно, поскольку отсчет времени потерял для нас значение. Мы не спешили. Продвигаясь без напряжения, мы сэкономили силы для решительного перехода.

По мере нашего продвижения вглубь высокогорных районов и набора высоты окружающая местность все более напоминала лунный пейзаж с горными хребтами и кратерами, подобными тем, которые я видел через телескоп в Потале. Перед нами тянулись, казалось, одни и те же бесконечные горные цепи, одни и те же бездонные ущелья. Наше продвижение становилось все более трудным и замедленным. Вскоре пришло время, когда помочь нам уже не могли и мулы. Даже им не хватало кислорода, к тому же они не могли пересечь скалистое ущелье, через которое люди перебирались с помощью специальных тросов, изготовленных из кожи яков. Мы нашли подходящее место, в котором оставили мулов, а с ними пять человек, силы которых были на исходе. Скалистый контрфорс, напоминавший клык волка, обращенный к небу, защищал их от ветра, продувавшего голую местность со всех сторон. У основания горы мы обнаружили углубление наподобие пещеры. Крутая тропинка спускалась в небольшую долину с растительностью скудной, но достаточной для корма мулов. Небольшой серебристый ручей протекал по долине, а затем падал с отвесной скалы на тысячи метров вниз. Высота падения воды была такой, что никакие звуки снизу не доносились. Здесь мы отдыхали два дня перед самым трудным этапом подъема в горы.

И вот начался подъем. Поклажа набила мозоли и шишки на спинах и плечах, воздуха не хватало. Было такое впечатление, что легкие могут разорваться от перенапряжения в любую минуту. Но мы продолжали идти и идти вверх, над пропастями и расщелинами. Часто приходилось пользоваться железными кошками, привязанными к концу кожаного каната. Мы забрасывали их вверх, цеплялись ими за уступы или трещины и продвигались, поднимаясь все выше, перебирались через расщелины, поочередно забирая кошки за собой. Для того, чтобы освободить первый канат, мы пользовались вторым канатом. Иногда никак не удавалось зацепить кошку. Так как канат, на котором, подобно маятнику, раскачивали кошку перед тем, как забросить, одним концом привязывался к поясу, прием этот был довольно опасен и его проделывали поочередно. Один из монахов раскачал кошку с такой силой и бросил ее так далеко, что мощный рывок сорвал его с опоры. Монах ударился о противоположную скалу и разбился насмерть. Мы вытащили мертвое тело и помолились за душу погибшего. Могила в скалах невозможно было вырыть, и мы оставили тело на расправу ветрам, дождю и птицам.

Другой монах изменился в лице, когда пришел его черед бросать кошку. Помня о предсказаниях, я вызвался бросить вместо него. Предсказания, однако, не мешали мне предпринимать всевозможные предосторожности, но руки у меня все-таки дрожали, когда после броска я потянулся, чтобы уцепиться за ближайший выступ. Бросок оказался удачным. Перебравшись на другую сторону расщелины, я закрепил второй канат; по образовавшемуся подвесному переходу монахи друг за другом перебрались ко мне, цепляясь за канат руками и удерживаясь на нем с помощью скрещенных ног. Ветер яростно трепал их одежду и затруднял дыхание.

Добравшись до вершины, мы немного передохнули и выпили чаю. На этой высоте чай вскипал быстро, но почти не согревал. Немного подкрепившись, мы снова взялись за свою поклажу и отправились дальше. Вскоре наш путь преградил ледник, еще больше затруднивший продвижение вперед. Не было у нас ни ошипованных ботинок, ни ледорубов, никакого другого снаряжения альпинистов. Были только унты, шерсть на подошвах которых «вгрызалась» в снег, да канаты.

Между прочим, ад, согласно тибетской мифологии, — это жуткий холод. Для нас огонь — благо. Его противоположность — холод, как раз то, что и сопровождало нас на нашем пути. Эти мысли пришли мне в голову уже во время экспедиции.

Три дня мы шли по льду, замерзая на ветру и ожидая, когда же кончатся наши мучения. Наконец ледник сузился и пошел между скалами. Словно слепые, скатывались мы друг за другом по склону, не зная и не ведая, куда ведет наш спуск. Через несколько километров, обогнув отрог горы, мы увидели перед собой стену белого и густого тумана. А может, это был снег? Или облако? Невозможно было определить, на какое расстояние этот туман тянется. Да, это был именно туман, и мы в этом скоро убедились — ветер перегонял с места на место его края.

Лама Мингъяр Дондуп, единственный среди нас, кто уже бывал здесь, улыбнулся, довольный.

— Ну, отчаянные головы, молодцы, что дошли. Теперь вы получите настоящее удовольствие.

То, что предстало перед нами, вряд ли можно было назвать удовольствием. Туман, холод, лед под ногами и над головой ледяное небо. Острые камни торчат из-под льда словно волчьи клыки, многие из нас уже изранены. Где же удовольствия, обещанные Учителем?

Мы входим в сырой и холодный туман, отрешенно продвигаясь вперед к неизвестному, поплотнее закугиваясь в платье, пытаюсь вызвать в себе хотя бы иллюзию тепла, задыхаясь и дрожа от холода. Дальше, еще дальше. Вдруг мы останавливаемся, потрясенные и ошеломленные. Это даже страшно. Туман стал горячим, земля под ногами еще горячее! Ни о чем не ведающие монахи, идущие сзади, напирали. Лама Мингъяр Дондуп громко рассмеялся. Поборов минутную растерянность, мы пошли вперед

вслепую, положив руки каждый на плечи впереди идущему. Самый первый ощупывал дорогу палкой. Под ногами шуршала галька, песок, камни. Галька? Песок? А где же ледник, где лед? Внезапно туман стал редеть, и через несколько минут закончился. Один за другим выходили мы из тумана... После холода мне показалось, что мы находимся на Небесных Полях. Я протер глаза — руки были горячими; я попытался ущипнуть камень, стукнул по нему кулаком, чтобы убедиться, что жив. Но я был жив, и окружающее не было галлюцинацией — все восемь спутников стояли рядом со мной. Едва ли возможно, чтобы все мы одновременно и внезапно перенеслись в одно и то же загробное место! И если это все же произошло, то куда девался десятый, который разбился на скалах? И заслужили ли мы все этот рай, открывшийся нашему взору?

Тридцать ударов сердца тому назад мы чуть не умирали от холода, а сейчас мы были на грани дурноты от жары. Воздух как бы светился, земля дымилась. У ног вырывалась из-под земли, прямо среди облаков пара, небольшая речка. Повсюду буйно росла зелень с такими крупными листьями, каких я никогда раньше не видел. Трава доходила до колен. Мы просто оцепенели от изумления. Лишь лама Мингьяр Дондуп продолжал весело смеяться.

— Если я так же реагировал в первый раз, то хорошо же я выглядел, — сказал он. — Вы, наверное, полагаете, ребята, что боги льда снова сыграли с вами шутку!

Боясь спугнуть видение, мы оглядывались вокруг.

— Нам надо перепрыгнуть через эту речку, — продолжал он. — Прыгайте изо всех сил, иначе сваритесь в кипятке. Еще несколько километров — и мы доберемся до чудесного места, там и отдохнем.

Он, как всегда, оказался прав. Всего три километра — и мы растянулись на толстом ковре из мха, предварительно сняв верхнюю одежду. Было жарко, как в парилке. Повсюду росли такие деревья, каких я никогда не видел в жизни и, по всей вероятности, больше никогда не увижу. Кругом пестрели цветы ярчайших расцветок. Виноградные лозы обвивали стволы и ветви деревьев, плоды гроздьями свисали вниз. Недалеко от полянки, на которой мы отдыхали, находилось озеро; круги на поверхности воды около камышей указывали, что жизнь в нем бурлит. Нас все-таки не оставляло чувство, что мы околдованы. Первым признаком волшебства была жара. Куда девался холод, который только что окружал нас? На этот вопрос никто не мог ответить.

Растительность поражала прямо-таки тропической роскошью. Некоторые виды птиц даже сегодня вспоминаются мне как сказочные. Местность выглядела вулканической. Горячие источники вырывались из-под земли, в воздухе стоял запах серы. Учитель заявил нам, что, насколько ему известно, в высокогорье Тянь-Шаня есть только два таких места. Вулканическое тепло и горячие источники растопили лед, объяснял он, а разогретый воздух удерживается со всех сторон высокими скалами. Густой белый туман, через который мы прошли, образовывался на границе участков с двумя видами источников — холодных и горячих. Он рассказал нам, что находил здесь скелеты гигантских животных. Животные эти в их натуральном виде должны были достигать в высоту от шести до десяти метров. Позднее я сам видел несколько таких скелетов.

Именно в этом районе я впервые встретил *йети* — снежного человека. Я был занят сбором трав, как вдруг что-то заставило меня поднять голову. Существо, о котором я слышал множество рассказов, находилось от меня метрах в десяти. В Тибете родители часто страшат им расшалившихся детей.

— Ведите себя тихо, — говорит мать, — а то йети за вами придет.

Ну вот, подумал я, за мной он таки пришел. Не могу сказать, чтобы это мне доставило тогда особенное удовольствие. В течение минуты, которая показалась мне вечностью, мы смотрели друг на друга, оба оцепенев от страха. Затем он как-то странно промяукал, словно маленький котенок, и протянул в мою сторону руку. Голова его, точнее лобная часть головы, была срезана покато и прямо смыкалась с густыми бровями. Подбородок выдавался слабо, зато огромные зубы, наоборот, заметно выпячивались вперед. Если бы

не отсутствие лба, то черепная коробка йети, пожалуй, по размерам не отличалась бы от черепа современного человека. Кисти рук и ступни ног — огромные и косолапые. Ноги кривые, длина рук намного превосходит длину рук человека. Я заметил, что, подобно людям, при ходьбе он опирается на внешнюю сторону ступней (чего не бывает у обезьян). Я не мог отвести взгляда от него. А когда я дернулся, видимо от страха, йети, издав гортанный крик, повернулся ко мне спиной и прыжками побежал прочь. Казалось, что он подпрыгивает на одной ноге, на самом же деле он передвигался гигантскими скачками. Почти одновременно с ним я тоже задал стрекача, но в противоположном направлении. Впоследствии, вспоминая детали этого эпизода, я пришел к заключению, что, похоже, побил все национальные рекорды по бегу для высот выше пяти тысяч метров над уровнем моря!

Позже мы видели йети неоднократно, правда издалека. Стоило им нас заметить, как они тут же спешили скрыться. Разумеется, нам и в голову не приходило искать с ними встреч. Лама Мингъяр Дондуп сказал нам, что йети — это представители отсталой человеческой ветви, что их эволюция пошла в другом направлении и что они обычно держатся от людей в стороне. Впрочем, прибавил он, существует много преданий о йети, спускавшихся с высокогорий и приближавшихся вплотную к местам обитания людей, где их видели уже многие. В народе ходят также рассказы, что бывали случаи, когда самцы-йети утаскивали с собой женщин. Может быть, это диктовалось простым инстинктом продолжения рода? Впоследствии я слышал и подтверждения этим историям: монахи не одного монастыря рассказывали нам, как йети крали их сестер среди ночи. Но моя неосведомленность не позволяет мне много говорить об этих вещах. Единственное, что я могу утверждать, — я их видел, и больших, и маленьких. Видел я и их скелеты.

Люди, конечно, могут сомневаться в правдивости того, что я рассказываю о встречах с йети. «Снежному человеку» посвящены сотни статей, выдвинуто множество гипотез. Но сами авторы чаще всего не могут похвастаться, что они его видели. А я видел йети. Маркони в свое время вызвал всеобщий смех и шуточки заявлением, что он пошлет сигнал по радио с другого берега Атлантики. На Западе были и такие ученые, которые утверждали, что человек не способен выдержать скорость 50 км/ч из-за давления воздуха, которое для него окажется смертельным. Было много споров и о рыбе, которую потом окрестили «живым ископаемым». Однако ее в конце концов выловили, и ученые принялись ее рассекать и изучать. (Речь идет о целаканте. — *Прим.переводчика*)

И если бы человек Запада мог это сделать, то наших бедных йети живо бы переловили, рассекли и поместили в банки со спиртом. Вообще, конечно, они только потому и сохранились, что давно оттеснены в высокогорные районы, почти недоступные для людей. Да и сохранилась-то совсем немногочисленная популяция. Сначала они нагоняли на людей страх. Но потом люди стали относиться с сочувствием к этим существам, обреченным на вымирание.

Я готов, когда китайцев изгонят из Тибета, повести в горы экспедицию скептиков и показать им йети. Хотелось бы посмотреть, как отнесутся к моему предложению деловые люди, — ведь за такое путешествие многие будут согласны очень дорого заплатить. Над этим стоит подумать. Правда, понадобятся кислородные маски, придется нанять носильщиков. Что же касается меня, то я надену лишь старое платье монаха. Кинокамеры позволят нам засвидетельствовать истину. У нас тогда камер не было.

Древние тибетские легенды повествуют о том, что тысячи лет назад море омывало многие части Тибета. Это подтверждается наличием скелетов морских рыб и других морских животных, найденных при раскопках. Китайцы разделяют это мнение. Табличка Ю, найденная на пике Ку-Лу горы Хингана в провинции Ху-Пей, гласит, что великий Ю «здесь нашел убежище (в 2278 году до рождения Христа) после спада потопа». Потоп захватил весь Китай, за исключением самых высоких мест. Подлинную табличку украли, но есть копия с нее, которая хранится в Ву-Чань-Фу близ Ханькоу. Еще одна копия находится в храме Ю-Линь около Шаошань-Фу. Мы же считаем, что в свое время Тибет

был равнинной страной, расположенной на берегу моря, однако по необъяснимой пока причине произошли страшные землетрясения, в результате которых большие участки суши опустились в море, а другие превратились в горы.

Высокогорные районы Тянь-Шаня как нельзя лучше подтверждают это: там находят многочисленные останки рыб, животных. Находят там также раковины всевозможных расцветок, окаменелые губки и ветки кораллов. Много добывалось там и золота, которое можно было, как говорят, грести лопатой. Температура извергающихся из недр источников колеблется. В некоторых источниках вода кипит, в других — ледяная. Это страна фантастических контрастов. Влажная атмосфера с невообразимо высокой температурой через несколько метров за пеленой тумана сменяется таким холодом, который мигом убивает всякую жизнь, превращая тело в хрупкую сосульку. Там растут редчайшие травы — только ради сбора их мы и пришли. Встретились нам и фрукты, которых мы никогда раньше не видели. Мы их стали пробовать, и они нам так понравились, что мы наелись всласть. И наказание не заставило себя ждать! Целые сутки, ночь и день затем, нам было не до сбора трав. Наши желудки не привыкли к подобным яствам. Больше мы к ним и не прикасались.

Нагрузившись травами и растениями до предела, мы возвратились в туман. И сразу же нас стал пронизывать страшный холод. В те минуты всем нам хотелось вернуться в пышную долину и остаться жить там. Один лама не вынес нового испытания холодом. Через несколько часов после того, как мы пересекли черту тумана, он рухнул на землю без сознания. Мы разбили лагерь и пытались спасти замерзающего. Мы сделали все, что было в наших силах, пытались его согреть своими телами, но холодный ветер был сильнее нас. Наш товарищ уснул и больше не проснулся, он умер ночью. Ношу его нам пришлось поделить. Теперь мы уже были нагружены сверх сил. С трудом продвигались мы вперед по тысячелетней ледовой броне. Приятное тепло долины, оставленной позади, казалось, подорвало наши силы, и их нечем было восстановить. В течение последних двух дней перехода, отделявшего нас от мулов, мы ничего не ели. У нас не осталось даже чая.

За несколько километров до цели холод и лишения вырвали из наших рядов еще одного товарища. Он упал и больше не поднялся. А впереди нас ожидала еще одна утрата: в лагере осталось только четверо монахов, пятого сильным ветром сбросило в пропасть. Растянувшись на животе, в то время как монахи крепко держали меня за ноги, чтобы я не соскользнул, я заглянул в пропасть и увидел тело погибшего. Его красное платье стало теперь кроваво-красным в буквальном смысле.

Три дня мы отдыхали и набирались сил. Но удерживали нас в лагере не столько усталость и истощение, сколько бешеный ветер, дувший между скалами; шквальные порывы поднимали в воздух камни, швыряли тучи песка и осколков в нашу пещеру. Вода в речке пенилась, ее расхлестывало по берегам. Ночью буря стонала так, словно алчные демоны кружились вокруг, требуя очередной жертвы. До нашего слуха донесся шум близкого обвала, сильно дрогнула земля: это под действием ветра подмытый водой пласт превратился в огромный грунтовый оползень. Ранним утром, когда только забрезжил свет и день еще не опустился в долину, рухнула скала наверху, и камни загрохотали у нас над головой по карнизу пещеры. Мы тесно прижались к стене пещеры и друг к другу, боясь даже краем одежды высунуться наружу. Каменный дождь все сыпался и сыпался сверху, ближайшая скала содрогалась от глухих ударов. В нескольких метрах от нас, в том месте, где сорвался наш товарищ, стал оседать грунт у края пропасти. Прошло несколько минут — и он обвалился, захоронив под собой тело нашего спутника.

Погода, казалось, только ухудшается. Мы решили, что при любых обстоятельствах тронемся в путь на следующий день, если вообще это будет возможно. Мы проверили снаряжение. Кожаные канаты были в хорошем состоянии. Мы смазали раны и царапины мулам. К нашей радости, погода наутро улучшилась. Мы тронулись домой; теперь наша группа насчитывала одиннадцать человек вместо пятнадцати. День за днем продвигались мы вперед, еле волоча ноющие ноги, мулы тяжело несли свой травяной груз. Шли мы

медленно. Время опять словно застыло. От усталости кружилась голова. Рацион пришлось уменьшить наполовину — теперь мы все постоянно испытывали чувство голода.

Наконец мы добрались до озер, где к величайшей радости обнаружили, что там разбил лагерь купеческий караван. Купцы приняли нас приветливо, снабдили провизией и чаем. Мы воспользовались их гостеприимством и немного привели себя в порядок. Вид у нас был ужасный — в чем только душа держалась! Вместо платья на теле висели одни лохмотья. Ноги покрывали кровавые мозоли и ссадины, но зато мы возвращались из высокогорных мест Тянь-Шаня и гордились этим — хотя, к сожалению, не все... Мой Учитель побывал там дважды; он, наверное, был единственным человеком в мире, проделавшим два таких путешествия.

Сидя у потрескивающего в огне кизяка, купцы с удивлением слушали наши рассказы, покачивая головами. Мы тоже с интересом слушали их рассказы об Индии и о встречах с торговцами Гиндукуша. Нам не хотелось с ними расставаться, было бы хорошо идти дальше вместе, но мы направлялись в Лхасу, а купцы только что покинули ее. На следующий день мы расстались, пожелав друг другу всего самого наилучшего.

Многие монахи считали для себя зазорным вступать в разговор с купцами. Но лама Мингъяр Дондул учил нас, что все люди, невзирая на расу, цвет кожи и религию, равны. Единственное, что имеет значение, — это намерения и поступки.

Набравшись сил, мы заторопились домой. Пейзаж становился все зеленее и зеленее. Наконец показались золотые купола Поталы и нашего Шакпори. Мулы — умные животные. Почувяв стойло, они заспешили к себе в Шо, мы никак не могли умирить их пыл. Глядя на них, можно было подумать, что это не мы, а они ходили в высокогорье Тянь-Шаня!

По каменистой дороге «железной горы» мы почти неслись — до того были рады, что вернулись из Шамбалы, — так мы называем страну северных ледников. Теперь нам предстояла серия визитов по случаю прибытия, но в первую очередь мы отправились засвидетельствовать свое уважение Наимудрейшему. Далай-лама воспринял наш рассказ удивительным образом:

— Вы сделали то, что хотелось бы сделать и мне; вы видели то, что я жаждал бы видеть. Моя власть здесь безгранична, однако я всего лишь пленник своего долга перед народом. Чем большей властью наделен человек, тем больше сил он должен отдавать тем, над кем властен. Но я отдал бы все, чтобы увидеть то, что видели вы.

Как руководитель экспедиции, лама Мингъяр Дондуп получил почетный шарф с тремя красными узлами. Я — как самый младший член экспедиции — удостоился такой же почести. Я понял, что Далай-лама таким образом «охватывал» своим благословением всех участников!

В течение следующих недель мы разъезжали от монастыря к монастырю, нам устраивали встречи с монахами, а мы распределяли собранные травы. Поездка эта дала мне возможность познакомиться в другими районами. Сначала мы посетили Три Гнезда — монастыри Дрэпунг, Сера и Гэндан. Оттуда мы добрались до Дордже-Танга и Самье, выстроенных на берегу реки Цанг-По, в шестидесяти километрах от Дрэпун-га. Посетили мы и Самден, расположенный между озерами Дюме и Ямдок, на высоте четырех тысяч шестисот метров над уровнем моря.

Как приятно после труднейшего похода побродить по берегам нашей родной Джичу — «реки счастья»!

Все время, будь то в дороге, на привале или в часы отдыха, лама Мингъяр Дондуп следил, чтобы мои занятия не прерывались. Приближался день сдачи экзаменов на звание ламы, поэтому мы снова засели у себя в Шакпори, чтобы ничто меня не отвлекало от учебы.

ГЛАВА 16   ЛАМА

Теперь я усиленно занимался освоением искусства астральных путешествий, во время которых душа (или Я) покидает физическое тело и связана с телом на земле только *Серебряной нитью*. Многим, я знаю, даже трудно представить себе, что такое возможно. И все же каждый делает это вполне привычно во время сна. У большинства людей это происходит непроизвольно, в то время как наши ламы могут делать это по собственному усмотрению. После таких полетов они точно помнят, какие места посещали, что видели и что делали. На Западе это искусство утеряно, люди просто убеждены, что *видели сон*.

Во всем мире знают о таких астральных полетах. В Англии говорят, что «ведьмы умеют летать». И метлы для этого вовсе не обязательны, разве что для убеждения неверующих. В США считается, что летают «души рыжих человечков». Везде, во всех странах, знают о подобных вещах, эти знания глубоко укоренились в сознании людей. Меня же астральным полетам обучали. И каждого можно обучить.

Легко овладеть и техникой телепатии — но при условии, что вы не будете ею пользоваться в концертных залах. К счастью, телепатию начинают признавать. В разряд наших наук также входит и гипноз. Я проводил хирургические операции под гипнозом, например по ампутации ноги. Больные ничего не помнят, не ощущают боли, а когда к ним возвращается сознание, то чувствуют они себя намного лучше, чем после действия обычных обезболивающих средств. В настоящее время, как мне говорили, гипноз начинают изредка применять в Англии.

Стать невидимкой — совсем другое дело. К счастью, этим искусством обладают очень немногие. Принцип прост — практика трудна. Что обычно привлекает ваше внимание? Шум? То, что движется или блестит? Да, звуки или быстрое движение привлекают внимание, неподвижного человека не так-то легко заметить, особенно если он вам хорошо знаком. Возьмем случай с почтальоном: люди, получившие корреспонденцию, нередко говорят:

— Удивительно, вроде никто не приходил, а письмо пришло. Но я же точно знаю, что сегодня никого не было.

Почему так происходит? Неужели человек стал невидимкой? А может, это настолько примелькавшийся человек, что вы его уже просто не замечаете? (Вот полицейский всегда замечен — потому что почти у каждого из нас совесть неспокойна.) Чтобы стать невидимым, надо прекратить движение тела и *приостановить волновую эмиссию мозга*. Если мозг функционирует (думает), то окружающие нас люди включаются в телепатическую связь (видят нас) и состояние невидимости потеряно. В Тибете есть люди, хорошо владеющие искусством невидимок, они по собственному усмотрению могут скрывать свои психические волны. Видимо, следует радоваться, что таких людей очень мало.

Левитация *возможна*, и она иногда практикуется как техническое упражнение. Но это плохой способ перемещения тела, поскольку он требует огромных усилий. Приверженцы нашей веры имеют доступ к более легкому виду путешествий — астральному, только надо иметь хорошего руководителя. Я достаточно освоил этот способ и сейчас им пользуюсь. А вот как я ни старался, мне не удавалось сделаться невидимым. Мне иногда хотелось провалиться на месте или исчезнуть в силу некоторых поступков или неблагоприятных обстоятельств, но боги, увы, в этом мне всегда отказывали. Как уже говорилось, я не силен в музыке. Достаточно было мне запеть песню, как я навлекал на себя гнев учителя музыки, но этот гнев никогда не сравнится с тем бешенством, какое я вызвал однажды у него, попытавшись сыграть на тарелках; мне казалось, что играть на этом инструменте проще простого, но неожиданно я уронил их на голову одному монаху. После всего, что за этим последовало, мне было категорически приказано ограничить свое поле деятельности ясновидением и медициной.

Практикуют у нас и то, что на Западе называют йогой. Это целая наука,

позволяющая улучшить и усовершенствовать человека. Лично я считаю, что йога не для европейца, если имеется в виду достижение значительного совершенства. Нам эта наука известна на протяжении веков, мы начинаем ее изучать с пеленок. Наши органы тела, артикуляция, мышцы натренированы. Представители Запада, пытающиеся освоить «асаны», подвергают себя серьезному риску, особенно если йогой начинают заниматься уже взрослыми. Я считаю — в данном случае я говорю как тибетец, — что западному человеку не следует заниматься йогой, поскольку эти упражнения на него не рассчитаны. Тому, кто все же хочет заниматься и при этом избежать несчастных случаев, следует иметь хорошего наставника, неплохо бы тибетца — знатока анатомии. Что касается дыхательных упражнений, то они еще более опасны.

Система дыхания по определенной методике — вот секрет многих тибетских феноменов. Но следует подчеркнуть еще раз, что подобный комплекс упражнений может оказать пагубное, если не фатальное, влияние на организм. Рекомендуются прибегать к ним только при наличии опытного и умного наставника.

Многие из побывавших в Тибете рассказывают о ламах-курьерах, способных управлять весом своего тела (речь идет о левитации) и пробегать огромные расстояния на большой скорости, едва касаясь земли в течение многих часов. Это возможно, но требует продолжительных тренировок. Бегуны в этот момент находятся в полугипнотическом состоянии. Вечер — самое подходящее для этого время, поскольку можно «привязаться» к звездам, земля должна быть ровной, то есть такой, чтобы ничто не могло вывести бегуна из состояния гипноза. И он бежит словно лунатик. «Третий глаз» постоянно держит в поле зрения место назначения, а губы без устали повторяют специальную мантру. Человек в таком состоянии может бежать в течение нескольких часов и не чувствовать усталости. Этот вид передвижения имеет единственное преимущество перед астральным — астральное путешествие совершает душа, при этом материальные предметы не переносятся. Бегун же может нести с собой нормальный груз, но на этом и кончаются все преимущества.

Благодаря умению дышать некоторые тибетские умельцы способны в костюмах Адама сидеть на льду на высоте пяти-шести тысяч метров над уровнем моря, при этом лед под ними будет таять, а им будет так жарко, как в самый жаркий летний день. Им будет действительно жарко, и пот градом будет катиться по телу.

Приходилось ли вам когда-нибудь поднимать большую тяжесть, при этом предварительно сделав глубокий выдох? Попробуйте, и вы поймете, что это почти невозможно. Сделайте глубокий вдох и задержите дыхание: вы легко поднимете этот же предмет. Теперь представьте, что вы чего-то испугались или что-то вас сильно рассердило. Сделайте максимально глубокий вдох и задержите дыхание на 10 секунд. Затем постепенно начинайте выдыхать. Если вы троекратно проделаете это упражнение, сердце ваше будет биться медленно и вы успокоитесь. Это упражнение доступно каждому без всякого риска. Благодаря умению регулировать дыхание я вынес пытки японского плена и страдания в коммунистических концлагерях. Самые жестокие японцы выглядят джентльменами по сравнению с коммунистами. Я попробовал и тех, и других в наихудшем варианте и знаю, о чем говорю.

Пришел день сдачи экзаменов на звание ламы. Перед экзаменами я должен был получить благословение на это самого Далай-ламы. Каждый год Неоценимый благословлял каждого монаха в отдельности, а не всех разом, как это делает папа римский.

В большинстве случаев Далай-лама просто прикасается к голове верующего специальной кисточкой, закрепленной на жезле. Высокой чести удостоиваются те, кому Неоценимый прикладывает руку ко лбу. Особая честь — прикосновение ко лбу двумя руками. Я ее удостоился впервые. Далай-лама заговорил тихим голосом:

— Ты хорошо работаешь, мальчик. Сдай экзамены еще лучше и оправдай доверие, которое мы все тебе оказали.

За три дня до шестнадцатилетия я в числе других четырнадцати кандидатов приступил к сдаче экзаменов. Мы подросли, и каменные кельи стали нам малы. Можно было растянуться на полу квадратной кельи и упереться ногами в стену, но при этом некуда было девать руки. Подняв руку, можно было достать до верхнего края стены. К счастью, над кельями не было крыши, так что воздух не был спертым и задохнуться было невозможно. Нас снова осмотрели. Иметь при себе можно было лишь деревянную миску, четки и письменный прибор. Когда надзиратели убедились, что при нас нет ничего лишнего, они развели нас по кабинам и закрыли на засов. После этого председатель и члены комиссии повесили на засовы огромные печати, чтобы никто не мог нас открыть. Каждое утро через небольшую, сантиметров в двадцать, щель нам выдавали задание, а перед сумерками собирали сделанную за день работу. Тсампу мы получали один раз в день. Чай с маслом выдавался без ограничения, стоило только крикнуть: «По-ча-кешо» (принесите чай). Поскольку нам не разрешалось выходить из кабин, мы старались есть немного.

В помещении мне предстояло провести 10 дней. Экзамен начался с распознавания целебных трав, вопросов по анатомии и теологии. Первые пять суток слились для меня в один бесконечный день, я работал без отдыха. На шестой день из соседней камеры вырвался душераздирающий крик — это нервы одного из экзаменуемых не выдержали. Послышались быстрые шаги, голоса, стук дверей и звук отодвигаемого тяжелого засова. Кто-то говорил успокаивающе и тихо, приглушенные рыдания сменились криками. Для одного кандидата экзамены закончились. Надо ли говорить, что на остальных это произвело тягостное впечатление? На следующий день нам выдали задания на час позже. Йога. Девять направлений йоги. И по всем этим предметам необходимо было получить проходной балл!

На Западе знают пять направлений йоги, и то слабо: Хатха-йога, или совершенствование физического тела, называемого у нас «носителем»; Кундалини-йога, дающая силу психического порядка, как, например, ясновидение и подобные вещи; Лайя-йога, которая учит владеть сознанием — например, никогда не забывать то, что прочитал или услышал, пусть даже только один раз; Раджа-йога, которая подготавливает человека к трансцендентному сознанию и высшей мудрости; Самадхи-йога, которая ведет человека к Высшему Озарению и позволяет ему понять смысл бытия и то, что его ожидает в загробной жизни. Другие формы йоги обсуждать в этой книге было бы излишне, да и мое знание английского языка не соответствует важности предмета.

В течение следующих пяти дней я был занят так, как бывает занята наседка на яйцах. Но даже и экзамены, которые длятся десять дней, имеют конец. На десятый день лама, собиравший задания, приветливо улыбнулся. В первый раз вместе с тсампой нам подали и овощи. В эту ночь я сразу же уснул. Моими результатами все экзаменующие остались довольны. Утром печати были сломаны, засовы сняты, и мы вышли из кабин. Разумеется, кабины мы сначала вычистили. Нам отводилась целая неделя на отдых. Потом наступили экзамены по дзю-до и приемам анестезии, которые продолжались два дня.

Затем начались устные беседы по слабым местам наших письменных заданий: каждого кандидата спрашивали два дня. Наконец, еще через неделю, были объявлены результаты. Меня объявили первым по всем предметам. Я был счастлив, счастлив по двум причинам: во-первых, экзамены показали, что лама Мингъяр Дондуп был лучшим из учителей и, во-вторых, что Далай-лама будет доволен нами обоими.

Спустя несколько дней, когда я работал в комнате учителя, резко открылась дверь и на пороге показался запыхавшийся посыльный. В руках у него была палка с подвешенными к ней посланиями.

— Уважаемому ламе-медику Тьюзди Лобсангу Рампе от Наимудрейшего, — выпалил он без передышки.

Из-под платья он вытащил завернутое в шелковый шарф письмо.

— Я бежал сюда изо всех сил, почтенный господин, — добавил он, после

чего повернулся на каблуках и вышел еще быстрее, чем вошел.

Письмо лежало передо мной, но нет — открывать его я не решился. Оно было адресовано мне, но что было в нем? Распоряжение о продолжении учебы? Еще работа?

Оно показалось мне пухлым и «официальным». Пока я его не вскрыл, я не знал и содержания, а следовательно, меня нельзя было обвинить в неисполнении. Это единственное, что пришло мне в голову. Учитель, догадавшись о моих затруднениях, рассмеялся. Я протянул ему конверт вместе с шарфом. Он вскрыл конверт. Внутри находились два сложенных листа. Он развернул их и стал читать про себя, нарочито медленно, чтобы еще больше меня подразнить. Наконец, когда нервы мои уже были на пределе, он сказал:

— Все идет хорошо, ты можешь перевести дух. Мы едем немедленно в Поталу, он ждет нас там.

Лама Мингьяр Дондуп ударил в гонг; перед нами предстал слуга, которому было отдано распоряжение седлать двух белых коней. Сменив платье и выбрав самые богатые шарфы, мы отправились к настоятелю, чтобы предупредить его, что Наимудрейший вызывает нас в Поталу.

— Вы едете в Сим? — спросил он. — Странно, еще вчера Неоценимый находился в Норбу Линга. Но вы получили письмо, и этим все сказано. Должно быть, какое-то официальное дело.

Во дворе нас ждали монахи-конюхи с лошадьми. Вскочив в седла, мы отправились в дорогу. Ехать до Поталы было совсем недалеко. Нас проводили в личные покои Неоценимого. Я вошел один и возложил шарф к ступням его ног.

— Садись, Лобсанг, — сказал Наимудрейший, — я очень доволен тобой и Мингьяром. Все твои задания я читал лично.

Услышав об этом, я почувствовал, что мурашки побежали у меня по спине. Я люблю шутить, и эта привычка не оставляет меня даже во время серьезных испытаний. Что делать, это одна из моих многочисленных слабостей. А как было удержаться и не пошутить в письменных экзаменационных ответах, если порой сами вопросы в заданиях были из ряда провокационных! Очевидно, Далай-лама прочитал мои мысли и стал смеяться:

— Да, твое чувство юмора иногда было не по обстоятельствам, но... — Он сделал паузу, а я приготовился к наихудшему, — все твои ответы меня крепко порадовали.

У Далай-ламы я провел два часа. На исходе второго часа он велел позвать Мингьяра Дондупа, которому дал инструкции о моем дальнейшем обучении. Мне следовало пройти инициационные испытания «малой смертью», посетить некоторые монастыри и изучить анатомию при участии дробильщиков трупов. Последние принадлежали к низшей касте, и потребовалось специальное разрешение Далай-ламы, чтобы я мог вместе с ними работать в чине ламы. Повеление Неоценимого вменяло касте дробильщиков трупов «всячески содействовать и помогать ламе Тьюзди Лобсангу Рампе в раскрытии секретов тела, чтобы он познал причины физической смерти; предоставить в его распоряжение трупы, каковые он найдет необходимыми для учебы». Вот и все!

Прежде чем приступить к рассказу о том, как мы обращаемся с трупами, целесообразно дать некоторые дополнительные сведения о воззрениях тибетцев на смерть. Наше отношение к смерти совершенно иное, чем у западных людей. Для нас тело не больше чем скорлупа, материальная оболочка бессмертной души. По своей значимости труп равноценен поношенному костюму. Если смерть наступает естественно, то есть не от несчастного случая, то происходит следующее: тело устает, болеет и настолько ветшает, что сознание, или душа, не имеет возможности постигать новые уроки и развиваться дальше. Наступает час оставить оболочку. Постепенно душа освобождается от тела. Форма, какую принимает душа при выходе из тела, идентична телу, ее может наблюдать любой ясновидящий. С наступлением смерти нить, связывающая душу с телом

(«Серебряная нить», как она называется в Библии), делается тоньше, а затем обрывается: душа парит и уносится ввысь. Вот что такое смерть, но это и рождение в другой жизни, поскольку *Серебряная нить*, по сути дела, то же самое, что и пуповина, которую перерезают при рождении — и с этого момента и начинается жизнь новорожденного как личности. С приходом смерти затухает и свет жизненной силы, или аура, сияющая вокруг головы живого человека. Это сияние также видимо для тех, кто владеет искусством двойного зрения. В Библии оно называется нимбом. Я не христианин и плохо знаю Библию, но, кажется, там есть следующее изречение: «До тех пор, пока не оборвется серебряная нить и не потухнет нимб...».

Мы считаем, что проходит трое суток, прежде чем наступит окончательная физическая смерть, когда полностью прекратится физическая активность и сознание (душа, или Я) полностью освободится от плотской оболочки. Мы считаем также, что во время земной жизни физического тела в эфире образуется его двойник. Этот двойник может стать призраком. Вероятно, каждому из вас приходилось глядеть на яркий свет, но, отвернув голову, вы убеждаетесь, что свет еще стоит у вас в глазах. Мы рассматриваем жизнь как электрическое явление, как возбужденное силовое поле; двойника в эфире, пережившего смерть физического тела на земле, также можно сравнить со светом. Выражаясь языком электричества, это остаточное магнитное поле. Когда физическое тело имеет сильные причины цепляться за жизнь, оно возбуждает мощное «эфирное» поле, которое является виновником рождения призрака, блуждающего по знакомым местам. Скрыга может быть так привязан к своим мешкам с деньгами, что, кроме них, у него ничего нет в голове. В момент смерти он, вероятнее всего, будет думать о них: в чьи руки они попадут, кому достанутся? Таким образом, в последние минуты жизни он усиливает своего двойника-призрака, и счастливый наследник начинает чувствовать себя не в своей тарелке, его охватывает беспокойство, которое сильнее ближе к полуночи. У него создается такое впечатление, что старец вернулся за своим серебром и ищет его, И наследник прав: призрак старого скрыги действительно вернулся за деньгами и бесится, что руки никак не могут его взять!

Существует три основных тела: тело из крови и плоти, в котором сознание получает суровые жизненные уроки; эфирное, или магнетическое, тело, образованное нашими желаниями, аппетитами и вообще нашими устремлениями и страстями; третье тело — спиритическое, или духовное тело, то есть бессмертная душа. Таковы основные воззрения ламаизма, не совпадающие с ортодоксальным буддизмом. Мертвый человек проходит три обязательные стадии: физическое тело должно разложиться; магнетическое, или призрачное тело должно развеяться; сознание, или душа, направляется в мир Духа. Древние египтяне также разделяли эту точку зрения. В Тибете напутствуют людей перед смертью и помогают им спокойно умереть. Тот, кто посвящен в таинство, может обойтись без посторонней помощи, но простые смертные нуждаются в напутствии перед смертью. Может быть, читателю интересно будет узнать больше об этой процедуре.

Однажды уважаемый мастер погребальных обрядов вызвал меня к себе.

— Пришла пора заняться изучением практических способов освобождения души, — сказал он. — Идем со мной.

После бесконечных коридоров и скользких лестниц мы пришли в помещения, занимаемые траппами. В одной из комнат, отведенных под больничные палаты, умирал старый монах. Он приближался к порогу, откуда начинается путь, который каждому из нас рано или поздно предстоит пройти. Очередной предсмертный приступ окончательно подорвал его силы. Жизнь покидала его, и я заметил, что цвет ауры уже побледнел. Но по нашим обычаям умирающего следует как можно дольше удерживать в сознании. Сопровождавший меня лама ласково взял руку умирающего в свои ладони:

— Приходит конец страданиям плоти, старец, будь внимателен к моим словам, они облегчат твой путь. У тебя стынут ступни, постепенно жизнь покидает тело. Будь спокоен, старец, пусть сознание твое пребывает в мире, тебе нечего бояться. У тебя стынут ноги и

взор затуманивается. Стынет все тело, и холод идет по жилам, из которых отступает жизнь. Пусть сознание твое пребывает в мире, старец, ибо смерть есть обретение сознанием высших форм бытия, высшей реальности, и пусть тебя это не пугает. Тени вечной ночи опускаются на глаза твои, и затихает дыхание твое. Но ты близок к моменту освобождения души и вкушения радости другого мира. Соберись с духом, старец. Приходит час твоей свободы.

Не переставая говорить, лама ласково гладил затылок умирающего от плеч до макушки черепа — это проверенный способ освобождения души без боли и печали. Все предстоящие опасности были указаны старцу, и как их избегать. Путь движения души был точно описан давно умершими ламами-телепатами; теперь они поддерживали телепатическую связь с посвященными, вещая из потустороннего мира.

— Ты ничего не видишь, старец, дыхание твое прекращается. Тело твое остывает, и звуки этого мира не долетают до твоего слуха. Будь спокоен, старец, смерть входит в тебя. Следуй указанному тебе пути, и ты обретешь мир и радость.

Лама продолжал ласково гладить затылок и плечи. Аура старого монаха становилась все слабее и слабее. Наконец она исчезла. В соответствии с древним ритуалом, лама внезапно издал громкий звук, чтобы робкая душа могла полностью освободиться от тела. Поверх неподвижного тела концентрировалась жизненная сила, напоминавшая сначала дымное облачко, образованное тысячами завихрений, затем из него сформировались те же контуры, которые были свойственны только что остывшему телу. Это астральное тело все еще было связано с трупом серебряной нитью. Нить становилась все тоньше и тоньше; наконец, подобно тому как новорожденный входит в жизнь после обрыва пуповины, астральное тело умершего родилось в новой жизни. Нить порвалась, и астральное тело медленно поплыло вверх вместе с дымом ладана, курящегося в храме. Лама все еще продолжал напутствовать усопшего с помощью телепатов, направляя его душу в первый этап далекого полета.

— Ты умер. Нет для тебя ничего в этом мире. Все твои связи с этим миром порваны. Ты в *бардо* (промежуточное состояние между смертью и возрождением). Следуй своей дорогой, а мы пойдем своим путем. Оставь этот мир иллюзий и войди в мир высшей реальности. Ты умер. Иди вперед.

Клубы ладана поднимались под своды храма, его нежные волны постепенно успокаивали встревоженную атмосферу. Издалека доносился приглушенный бой барабанов. С высоты крыши монастыря одинокая труба посылала протяжные сигналы по всей округе. Через коридоры до нас доносился мирской шум, пошаркивание войлочных сапог, мычание яков. Только небольшая комната, в которой мы находились, была погружена в тишину. Тишина смерти. Лишь бормотание ламы-телепата нарушало ее, словно ветер тихую гладь пруда. Смерть. Еще один старец завершил цикл земного бытия; возможно, он воспользуется теми уроками, которые получил на Земле, но ему суждено еще не одно возрождение и долгие, долгие годы страданий и усилий, прежде чем он достигнет состояния Будды.

Мы усадили мертвое тело в классическую позу лотоса и послали за теми, кто препарирует трупы. Ламы-телепаты продолжали свою заупокойную службу, сменяя друг друга по очереди. Так продолжалось три дня.

Утром на четвертые сутки прибыл раджаб из колонии похоронных услуг, находившейся на перекрестке дорог Лингхор и Дечхен Дзонг. Как только он приехал, ламы прекратили напутствия и передали ему покойника. Раджаб согнул труп почти вдвое и завернул его в белую простыню. Без всяких усилий он взвалил белый куль себе на плечи и вышел. Во дворе его поджидал як. Раджаб водрузил груз на хребет животного и отправился на Площадь Расчленения, где он должен передать свой груз дробильщикам трупов. Что представляет собой Площадь? Это небольшой пустынный участок земли, усеянный огромными валунами, в центре лежит огромная плоская плита, на которой можно разложить и великана. По четырем углам плиты просверлены отверстия, а в них

вбиты столбики. В другой каменной плите отверстия просверлены только до половины ее толщины.

Как только труп уложен на первую плиту, с него снимают простыню и привязывают руки и ноги к четырем столбикам. Появляется Главный дробильщик трупов с огромным ножом. Он вскрывает труп, делая глубокие продольные надрезы, так чтобы можно было снимать плоть длинными кусками. Потом отрезаются руки и ноги и расчленяются на части. Наконец от туловища отделяется и вскрывается голова.

Едва заметив возницу с трупом, откуда-то с неба к земле устремляются грифы и усаживаются на скалах. Они терпеливо и спокойно сидят на валунах, как зрители в театре под открытым небом. У этих птиц существует строжайший социальный порядок: попытка какого-нибудь дерзкого смельчака приземлиться раньше вожаков немедленно пресекается беспощадной взбучкой.

Главный дробильщик рассекает туловище, запускает руки внутрь и вынимает сердце. Тогда вожак стервятников тяжело спрыгивает с валуна на землю, подходит вразвалку и берет сердце из протянутой руки дробильщика. За вожаком следует вторая по рангу птица и, получив печень, уносит ее на свой валун и там принимается за еду. Почки, кишки — все распределяется между «руководящим составом». Затем с тела сдирается полосками мясо, рассекается на куски и раздается остальным участникам пиршества. Случаются среди них любители добавки — они приходят снова и выпрашивают кусочек мозга, глаз или еще какой-нибудь лакомый кусочек. Удивительно быстро пожираются все органы и мясо. На камнях остаются только чистые кости. Дробильщики разрубают их на удобные куски, закладывают в полости второй плиты и тяжелыми трамбовками измельчают в порошок — его с меньшим аппетитом тоже поедают птицы!

Дробильщики трупов были мастерами своего дела. Они гордились своей профессией и по собственной инициативе исследовали все органы умершего, стараясь установить причины смерти. Большой опыт позволял им быстро поставить диагноз. Конечно, никто их не заставлял делать это, никто не обязывал интересоваться подобными вопросами, но профессиональная традиция была такова, что дробильщики обязательно и очень точно устанавливали причину «разделения души и тела». Если смерть наступала в результате отравления, намеренного или случайного, этот факт устанавливался быстро. Мне очень помог их опыт. Очень скоро я тоже преуспел в рассекании трупов. Главный дробильщик всегда стоял рядом и обращал мое внимание на те или иные характерные детали:

— Этот человек, уважаемый лама, умер от закупорки сердца. Посмотрите, сейчас рассекут эту артерию. Вот видите ту пробку? Она и явилась причиной смерти. Она не пропускала кровь.

Или еще:

— С этой женщиной, уважаемый лама, было не все в порядке. Наверняка эта железа плохо работала. Давайтеотрежем ее и посмотрим. Железа отрезается, и он продолжает:

— Ну вот она, железа. Вскроем ее — так и есть: она затвердела.

И так далее. Эти люди гордились тем, что могли мне многое показать и рассказать, они знали, что я учусь по распоряжению самого Далай-ламы. Если в мое отсутствие поступал интересный труп, его откладывали в сторону для меня. Я исследовал сотни трупов, что позволило мне впоследствии стать хорошим хирургом. Я должен сказать, что такая практика значительно превосходит по эффективности западные методы обучения, когда студенты-медики в анатомических залах госпиталей подолгу работают с одними и теми же трупами. Мне пришлось позже сравнивать, и я убедился, что у дробильщиков трупов я узнал неизмеримо больше, чем впоследствии в медицинских школах с первоклассным оборудованием.

В Тибете покойников не хоронят. Скалистый грунт и тонкий слой земли делают погребение чрезвычайно затруднительным. Кремация невозможна по экономическим

соображениям: деревья в Тибете редкость, а завозить на яках по горным дорогам из Индии дрова для сжигания трупов никому и в голову не может прийти — это было бы слишком накладно. Нельзя сбрасывать трупы и в реку, воду из которой нам, живым, приходится пить. Ничего не остается, как прибегать к вышеописанному способу выдачи мертвецов стервятникам и хищным птицам.

По существу, такое погребение отличается от европейского двумя особенностями. Первое отличие заключается в том, что на Западе трупы закапываются в землю и пожираются не птицами, а червями. Второе же отличие — на Западе трупы хоронят без вскрытия, поэтому настоящие причины смерти могут оказаться невыясненными. С нашими дробильщиками подобные неясности исключены, они всегда скажут, почему человек умер.

Похороны одинаковы для всех тибетцев, за исключением великих лам, которые представляют собой Предыдущие Воплощения. Они либо бальзамируются и помещаются в стеклянные саркофаги, которые выставляют в храмах, либо бальзамируются и покрываются золотом. Последняя операция представляет особый интерес, и при таких операциях я присутствовал неоднократно. Некоторые американцы, знакомившиеся с моими записями по этому вопросу, сомневаются в достоверности подобных сведений.

— Даже мы, — говорят они, — при нашей высокоразвитой технике не в состоянии этого сделать.

Дело в том, что мы ничего не производим серийно, мы всего-навсего ремесленники. Мы не умеем делать часы стоимостью один доллар за штуку. Но *мы умеем* покрывать золотом человеческое тело.

Однажды меня вызвали к настоятелю.

— Одно Воплощение скоро покинет свое тело, — сказал он мне, — поезжай в монастырь «Живая изгородь из шиповника» и поучись тому, как совершается священное бальзамирование.

Снова пришлось мне садиться на лошадь и ехать до Сера. По прибытии в монастырь меня проводили в комнату старого аббата. Цвет его ауры тускнел на глазах, спустя час он покинул Землю и отошел в мир Духа. Поскольку он был аббатом и ученым, ему не нужно было помогать пересечь *бардо*. Ждать трое суток тоже не было необходимости. Тело всего одну ночь находилось в позе лотоса в присутствии бодрствующих лам.

На следующий день, едва только забрезжил рассвет, торжественная процессия пересекла главную территорию монастыря, вошла в храм и спустилась через редко отпираемую дверь в секретные переходы. Тело на носилках несли впереди меня двое лам. Тело оставалось все время в позе лотоса. Позади тихо пели монахи, в перерывах слышался звон серебряного колокольчика. Поверх красных плащей на нас были надеты желтые одежды. Тени от масляных ламп и факелов качались и танцевали на стенах, искажая и увеличивая наши фигуры. Спуск был долгим. Наконец на глубине двадцати метров под храмом мы подошли к каменной двери. Сломали печать и вошли в ледяную комнату. Монахи осторожно положили труп на землю и удалились, оставив меня с тремя ламами. Зажглись сотни масляных ламп, и комната осветилась желтым светом. Покойника раздели и вымыли. Через естественные проходы в теле мы извлекли из него внутренние органы и положили в кувшин, который потом герметично закрыли. Труп изнутри был тщательно вычищен, просушен и заполнен специальным лаком. Этот лак должен был придать телу жесткость каркаса и естественный живой вид. Когда лак затвердел, тело было заполнено набивкой, при этом опять-таки учитывалось обязательное условие — придать трупу живой вид и форму. Для пропитки набивки и затвердевания ее в тело снова залили лак. Этим же лаком покрыли труп снаружи и оставили на просушку. Затем, прежде чем обернуть тело тончайшим шелком, мы обработали его специальным лосьоном, для того чтобы не причинить телу вреда при удалении полотна. Набивка трупа прошла хорошо.

Еще немного лака, но уже другого сорта — и тело было готово для второй фазы операции. День и ночь труп выдерживался до полной просушки. Когда он окончательно затвердел, мы торжественно перенесли его во вторую комнату, или, вернее, камеру, находившуюся под первой и представлявшую собой печь, пламя в которой циркулировало по стенам, поддерживая в центре постоянную и высокую температуру.

Пол покрывал толстый слой порошка. Труп поместили в центре. Внизу монахи приготовились разводить огонь. Мы заполнили эту печь смесью соли (специальная соль, добываемая в одной из провинций Тибета), целебных трав и минералов. Когда камера-печь была заполнена снизу доверху, мы вышли в коридор, а дверь опечатали монастырской печатью. Дали сигнал монахам разжигать печь. Вскоре послышался треск горящих дров, и как только пламя поднялось, стали в него подливать масло. Масло топилось в двух котлах, под которыми горел сухой навоз. Целую неделю горел огонь в печи, и горячий воздух омывал стены камеры бальзамирования. На седьмые сутки огонь стал затухать. От понижения температуры застонали стены камеры. Прошло еще три дня, температура в печи снизилась до нормальной. На одиннадцатые сутки взломали печать и открыли дверь. Монахи принялись руками перетирать затвердевший порошок. Не пользовались никакими инструментами из-за боязни повредить труп.

В течение двух дней они перетирали куски хрупкой соли. Наконец камера освободилась, в ней ничего не осталось, кроме трупа в центре, сидящего в позе лотоса. Осторожно подняв, мы перенесли труп в первую комнату, чтобы лучше рассмотреть его при свете масляных ламп. Полотна шелка снимались одно за другим, и труп обнажился. Бальзамирование удалось. Если бы не более темный цвет тела, можно было бы подумать, что человек сейчас проснется и заговорит. Он был таким же, как и в жизни. Еще раз труп покрыли лаком, и золотых дел мастера принялись за работу. Какая техника! Какое художественное мастерство, какое искусство требовалось, чтобы покрыть золотом покойника! Медленно продвигалась работа, слой за слоем накладывались тонкие слои золота. Золото считается богатством везде. Для нас же оно не более чем священный металл, как нельзя лучше выражающий идею бессмертия души человека. Монахи работали искусно, отделявая каждую деталь. Когда работа была закончена, мы увидели совершенную позолоченную статую. Каждая черточка, каждая морщинка свидетельствовали о большом мастерстве художников.

Покрытый золотом труп отвезли в зал инкарнаций и посадили на позолоченном троне рядом с другими инкарнациями. Некоторые статуи отражали начало нашей истории. Они сидели рядами, как строгие судьи, и, казалось, наблюдали сквозь полужакрытые веки за ошибками и слабостями современного мира. Говорили мы тихо и ходили почти на цыпочках, как бы боясь побеспокоить живых мертвецов. Я вдруг почувствовал невероятное влечение к одному из них. Он меня как-то странно притягивал. У меня было такое впечатление, что он смотрит на меня и улыбается, как бы все обо мне зная. Кто-то легонько тронул меня за руку, и я чуть не упал от испуга — передо мной стоял мой учитель.

— Это *был ты*, Лобсанг, — сказал он. — Это твоя последняя инкарнация. Мы предполагали, что ты узнаешь ее!

Он подвел меня к другой инкарнации, находившейся рядом с моей.

— А это был я, — сказал он.

Взволнованные, мы тихо вышли из зала, и дверь за нами была запечатана.

Позже мне не раз разрешали посещать этот Зал и изучать покрытые золотом фигуры. Иногда я приходил сюда один и сидел перед ними в глубокой медитации. У каждой была своя записанная история. Я читал их с большим интересом. Одной из первых я прочитал историю моего учителя — ламы Мингъяра Дондупа. Она раскрыла мне его предыдущую биографию, его характер и способности, его заслуги и добродетели, а также оказанные ему почести. Прочитал я и о том, как он умер.

Там была записана и *моя* биография, я изучал ее с величайшим интересом. В том

тайном зале насчитывалось девяносто восемь золоченых статуй. Зал был высечен в скале, и вход туда был запечатан и засекречен. Сама история Тибета открывалась там передо мной. Во всяком случае, мне так казалось; тогда я не подозревал, что в будущем мне предстоит познакомиться с еще более ранним ее периодом.

ГЛАВА 17 ПОСЛЕДНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

После того как я несколько раз принял участие в бальзамировании в различных монастырях, меня вызвал к себе настоятель Шакпори.

— Друг мой, согласно прямому распоряжению Наимудрейшего, ты будешь посвящен в аббаты. Но ты имеешь право, если сам пожелаешь, носить и впредь только титул ламы, как и лама Мингъяр Дондуп. Это я должен был передать тебе от Неоценимого.

Таким образом, я принимал титул, с которым умер примерно шесть веков назад. «Колесо Жизни» завершало свой полный оборот.

Некоторое время спустя меня в моей комнате посетил один старый монах, который объявил, что мне надлежит пройти испытание «малой смертью».

— Сын мой, — сказал он, — если бы ты уже не пересекал порог смерти и не возвращался вновь на Землю, ты бы не знал, что смерти нет. Астральные познания твои глубоки. Но предстоящая церемония поведет тебя еще дальше, ты выйдешь за пределы царства жизни и смерти и перенесешься в далекое прошлое нашей страны.

Подготовка оказалась долгой и трудной. В течение трех месяцев мне предписывалось следовать строгому режиму. В мой ежедневный рацион добавилась лошадиная доза трав. Я должен был сосредоточить свое сознание на том, что «чисто и священо». На этот счет в монастыре существовал вполне определенный взгляд. Даже тсампа и чай выдавались в очень скудном количестве. От меня требовалась неукоснительная воздержанность, строгая дисциплина и нескончаемые часы медитаций.

Наконец спустя три месяца астрологи решили, что час настал. Появились благоприятные предзнаменования. Я постился в течение суток и стал пуст, как монастырский барабан. И вот меня повели по тайным ходам, проложенным под храмом Потала. Мы прошли уже знакомыми мне коридорами и лестницами и уперлись в торец прохода, закрытого огромной скалой. Но при нашем приближении скала отодвинулась, и нам открылся другой проход, прямой и темный, где пахло затхлостью, пряностями и ладаном. Через несколько метров мы очутились перед массивной золоченой дверью. Она открылась не без шумных протестов, эхо которых долго блуждало по бесконечным подземельям. Факелы были заменены на масляные лампы. Мы вошли в тайный подземный храм, образовавшийся много веков назад в скале, очевидно благодаря вулканической деятельности. Во всяком случае, следы застывшей лавы в коридорах и закоулках здесь были повсюду, — должно быть, это были пути лавы к кратеру. «Мы мним себя богами, — подумалось мне, — но как же мы на самом деле жалки». Пока, однако, мне следовало сосредоточить мысли на предстоящей церемонии: мы находились в Храме Тайной Мудрости.

Дальше дорогу показывали лишь трое аббатов, остальные спутники остались позади и растворились в сплошной темноте, как сон. Я остался наедине с тремя мудрецами. Годы высушили их, они искренне ожидали того часа, когда их позовут в

Небесные Поля. Трое старцев, трое великих метафизиков мира, собирались провести меня через последнее посвящение. Каждый из них нес в правой руке масляную лампу, а в левой — дымящуюся палочку ладана. Стало очень холодно, и это был какой-то странный, неземной холод. Стояла глубокая тишина, и лишь редкие звуки откуда-то издали долетали до нас, делая тишину еще более чуткой. Войлочные сапоги ступали бесшумно, нас можно было принять за бесплотные тени. Я слышал только, как тихо шелестят парчовые платья старцев. Вдруг, к великому ужасу, я почувствовал, что, подобно мурашкам, меня пронизывают электрические разряды. Руки мои засветились, как будто обозначилась новая аура. То же происходило с аббатами. Сухой воздух и трение платьев создавали заряд статического электричества. Один из моих спутников протянул мне золотой прут и сказал:

— Возьми это в левую руку и прикасайся к стенам, когда идешь. Болезненные ощущения исчезнут.

Я повиновался. Последовавший электрический разряд ударил меня так, что я чуть не выскочил из войлочных сапог. Но зато после этого неприятные уколы прекратились. Одну за другой невидимые руки зажигали масляные лампы. В их мерцающем свете из темноты выступили гигантские статуи, покрытые золотом, некоторые из них были наполовину засыпаны драгоценными камнями. Из темноты выступила статуя Будды. Она была так велика, что свет не доходил даже до ее пояса. Едва просматривались другие фигуры: статуи демонов, сцены страстей и испытаний, которые предстоит преодолеть Человеку, прежде чем он познает свое Я.

Мы приблизились к одной стене, на которой было нарисовано «Колесо Жизни». Оно достигало метров пяти в диаметре. В мерцающем свете ламп мне почудилось, что оно вращается само по себе. У меня закружилась голова. Шедший впереди аббат исчез; то, что я принял за тень, оказалось замаскированной дверью.

Эта дверь открывалась в бесконечный покатый проход, узкий и извилистый; здесь слабый свет ламп только подчеркивал темноту. Мы шли вперед нерешительными шагами, спотыкаясь и скользя. Воздух давил и угнетал, как будто вся тяжесть земли легла нам на плечи. У меня было такое чувство, что я проник в центр мира. Наконец мы одолели последний поворот и внезапно очутились в огромной пещере. Каменная пещера сияла: пласты скальной породы перемежались слоями золота и золотыми прожилками. Высоко, очень высоко над головой, отражая слабый свет наших ламп, мерцали, будто звезды в небе темной ночью, вкрапленные в камень самородки.

В центре пещеры стоял дом. Черный гранит стен отливал таким блеском, что мне показалось, будто дом выстроен из полированного эбенового дерева. Стены дома были расписаны странными символами и диаграммами, подобными тем, которые я видел на скалах в тоннеле подземного озера. Мы направились к дому и вошли в большие высокие двери. Внутри я увидел три саркофага из черного камня, украшенные рисунками и загадочными надписями. Они были открыты. При первом же взгляде на содержимое саркофагов у меня перехватило дыхание, я почувствовал сильную слабость.

— Смотри, сын мой, — сказал один из аббатов, — это были боги, жившие в нашей стране, когда здесь еще не было гор. Они ходили по нашей земле, когда море омывало ее берега и другие звезды горели в небесах. Смотри и запоминай, ибо только посвященные видели это.

Я повиновался; я был и очарован, и трепетал от страха. Три обнаженных тела, покрытых золотом, лежали передо мной. Двое мужчин и одна женщина. Каждая черточка их была четко и точно передана в золоте. Тела были огромны! Рост женщины превышал три метра, а более крупного из мужчин — четыре с половиной метра! У них были большие головы, слегка сходящиеся на макушке в конус, узкие челюсти, небольшой рот и тонкие губы, длинный и тонкий нос, правильные, глубоко посаженные глаза. Их нельзя было принять за мертвых, — казалось, они спят. Мы двигались осторожно и разговаривали вполголоса, словно боялись их разбудить. Я рассмотрел внимательно крышку одного из

саркофагов — на ней была выгравирована небесная карта. Мои сведения об астрологии позволяли мне судить о расположении звезд, но то, что я увидел, никак не укладывалось в рамки моих знаний.

Старший аббат повернулся ко мне и произнес:

— Тыходишь в круг Посвященных. Ты увидишь прошлое и узнаешь будущее. Испытание будет очень тяжелым. Многие не выдерживали, многие умирали... Но выходили отсюда только те, кто прошел Испытание. Готов ли ты и согласен ли подвергнуться Испытанию?

Я ответил, что я готов. Они подвели меня к каменной плите между саркофагами. Как мне было велено, я сел на плиту в позе лотоса — скрестив ноги, выпрямив спину и положив руки на колени ладонями вверх.

На каждый саркофаг и на плиту поставили по зажженной палочке ладана. Один за другим монахи брали в руки масляные лампы и выходили. Когда они закрыли за собой тяжелую дверь, я остался наедине с телами тех, кто жил в прошедшие века.

Шло время. Я медитировал, недвижно сидя на каменной плите. Лампа, которую я принес с собой, зашипела и погасла. Еще несколько мгновений светился красный кончик фитиля, я ощутил запах горелой ткани, но вскоре и это все исчезло. Ничего не осталось, кроме темноты.

Я лег навзничь на каменную плиту и перешел на специальное дыхание, которому учился на протяжении многих лет. Мрак и тишина были ошеломляющими. Поистине, это были мрак и тишина могилы.

Внезапно тело мое напряглось, мышцы одеревенели. Ледяной холод пошел по рукам и ногам, приближаясь к сердцу. Я отчетливо ощутил, что умираю, умираю в этой древней могиле на глубине более ста метров от поверхности земли и солнечного света. Страшная судорога потрясла мое тело изнутри, затем я услышал какой-то странный шорох и потрескивание, как будто раскатывали рулон старой пересохшей кожи.

Постепенно могилу стал заливать странный голубой свет, словно луна поднялась над гребнями гор. Я почувствовал покачивание: вверх, вниз, подъем, падение — мне казалось, что я лечу на змее. Сознание подсказало другое: я парю над собственным физическим телом! Вместе с осознанием пришло движение. Подобно облачку дыма я передвигался в воздухе, словно меня нес ветер. Вокруг головы у себя я заметил светящуюся радиацию, похожую на золотой нимб. Из глубины моего тела тянулась нить голубого серебра; она вибрировала, словно живая, она играла живым блеском.

Я смотрел на свое неподвижное тело — труп среди трупов. Постепенно становилось очевидным отличие между ним и трупами гигантов. Картина была впечатляющей. Я подумал о жалком самомнении современного человечества. Каким образом объяснят материалисты существование таких гигантских трупов? Размышляя об этом, я вдруг почувствовал, что *что-то* нарушает ход моих мыслей. Мне показалось, что я здесь уже не один: я улавливал обрывки разговора, фрагменты невысказанных мыслей... Неясные образы появлялись и исчезали в поле моего мысленного зрения. Мне почудилось, что где-то вдалеке глухо ударил гигантский колокол. Звук быстро приближался, расширяясь и усиливаясь, и, наконец, взорвался у меня в голове — цветные брызги света и молнии причудливых оттенков понеслись перед глазами. Мое астральное тело качнулось и завертелось, словно лист, подхваченный зимним шквалом. Острые раскаленные языки боли рвали мое сознание. Я почувствовал себя одиноким, покинутым, беспризорным и беспомощным в бездонной рушащейся Вселенной. Затем черный туман окутал меня и принес мне неземное умиротворение.

Постепенно глубокий мрак, окружавший меня, стал рассеиваться. Откуда-то доносился шум моря и шорох гальки под набегающими на берег волнами. Я вдыхал соленый воздух и ощущал сильный запах морских водорослей. Пейзаж, окружавший меня, был явно мне знаком. Я лениво перевернулся на спину, вытянулся на разогретом солнцем песке и загляделся на пальмы. Другая часть моего сознания запротестовала — я

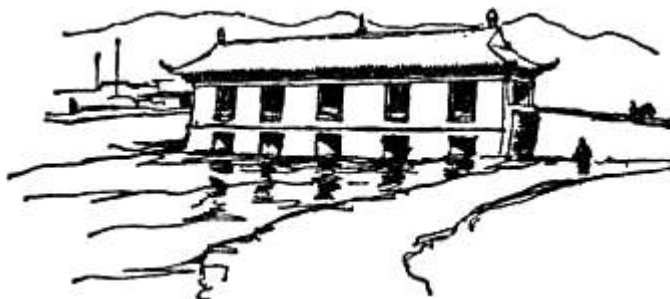
же никогда не видел моря, я даже *не слышал* о существовании пальм! Но тут слышались голоса и смех из пальмовой рощи. Голоса приближались, и веселая группа загорелых людей появилась на берегу. Гиганты! Все, как один, гиганты! Я посмотрел на себя — и я тоже гигант и среди гигантов! Мое астральное сознание прояснилось. Когда-то, тысячи тысяч лет назад, Земля была расположена ближе к солнцу и вращалась в противоположном направлении. Дни были короче и жарче. Великие цивилизации возникли на Земле, люди знали больше, чем знают сейчас. Однажды из космического пространства появилась блуждающая планета и столкнулась с Землей. Земля сошла со своей орбиты и стала вращаться в другом направлении. Поднявшиеся ветры вздыбили моря, которые под влиянием противоположных гравитационных сил обрушились на сушу. Вода затопила весь мир, сотрясавшийся от колоссальных землетрясений. Некоторые участки земной коры ушли в пучину, другие поднялись. Тибет, поднявшийся более чем на 4 тысячи метров над уровнем моря, перестал быть теплой и уютной страной, прибрежным раем. Мощные горы, извергающие кипящую лаву, окружили Тибет. Далеко в высокогорных районах Землю пересекли трещины, образовались глубокие ущелья. Там продолжала существовать и развиваться флора и фауна давно ушедших эпох.

Я мог бы еще долго рассказывать, но некоторые части моей астральной инициации настолько святы для меня и настолько не предназначены ни для кого больше, что я не могу решиться на их публикацию.

Через некоторое время увиденные мной образы затуманились и пропали. Постепенно я стал терять как физическое, так и астральное сознание. А потом внезапно неприятное ощущение заставило меня осознать, что я *замерзаю*: я поневоле вспомнил, что лежу в крошечной тьме на ледяной каменной плите могилы. В то же мгновение я уловил пробившуюся извне к моему мозгу мысль: «Да, он вернулся к нам. Мы идем!» Прошло еще несколько тягостных минут, и вот вдали показался слабенький огонек, другой... Три старца-аббата приблизились ко мне с масляными лампами в руках.

— Ты очень хорошо прошел испытание, сын мой. В течение трех суток ты лежал на этой плите. Ты все видел. Ты умер. И ты ожил.

Когда я поднялся, то почувствовал, как онемели все мои члены. От слабости и голода я шатался. Скорее из этой могилы, которую я не забуду никогда, скорее из ледяного воздуха подземных переходов! От голода я едва не терял сознание, огромный груз увиденного и пережитого переполнял меня. Затем я пил и ел — пил и ел вдоволь, — а вечером, перед тем как уснуть, я подумал, что предсказания сбываются и вскоре мне предстоит покинуть Тибет и отправиться в удивительные чужие края. Я теперь многое знаю об этих странах, но должен признаться, что они оказались — да и сейчас остаются — намного более удивительными, чем я мог тогда вообразить.

ГЛАВА 18   ПРОЩАЙ, ТИБЕТ!

Несколько дней спустя, когда мы с учителем сидели на берегу Реки Счастья, мимо нас галопом проскакал всадник. Случайно скользнув взглядом по берегу, он заметил нас и узнал ламу Мингъяра Дондупа. Всадник круто остановил лошадь, так что копыта ее

заскользили и подняли пыль.

— Я привез послание от Наимудрейшего ламе Лобсангу Рампе.

Он вытащил из-за пазухи традиционный пакет, завернутый в шарф. Передав его мне с троекратным приветствием, он снова вскочил в седло и ускакал.

Теперь я был достаточно самостоятелен. Все, что произошло под Поталой, укрепило мою веру в себя. Я вскрыл пакет и познакомился с содержанием письма, прежде чем передать его учителю — и другу — ламе Мингьяру Дондупу.

— Завтра утром я должен быть в Норбу Линга у Наимудрейшего. Вас вызывают тоже.

— Мне не свойственно доискиваться до смысла намерений Неоценимого Заступника, Лобсанг, но я чувствую, что скоро ты отправишься в Китай. Что касается меня, то я уже тебе говорил, что не задержусь здесь долго — мне предстоит дорога в Небесные Поля. Так что не будем терять времени, у нас его осталось немного.

На следующий день я снова отправился по знакомой дороге в Норбу Линга. Спустившись с холма, я пересек Лингхор и очутился у ворот парка. И в этот раз, как обычно, меня сопровождал лама Мингьяр Дондуп. Одна и та же мысль печалила нас обоих: возможно, это последний совместный визит к Наимудрейшему. Мои чувства, видимо, можно было прочесть у меня на лице: когда я один предстал перед Далай-ламой, он сказал:

— Минута расставания, перед тем как пойти разными дорогами, тягостна и печальна. Здесь, в этом павильоне, я размышлял долго: оставаться мне здесь или покинуть родину, когда она подвергнется нападению? Каково бы ни было мое решение, все равно кому-то придется страдать. Твой путь определен, Лобсанг; он *труден*, и другого нет. Семью, отечество, друзей — все придется оставить. На своем пути ты встретишь, и ты об этом знаешь, зло и недоверие, мучения и безразличие. Понятия чужеземцев странны и необъяснимы, на них нельзя полагаться. Как я тебе уже говорил, они верят только в то, что могут создать сами или испытать в своих научных лабораториях. Но самой главной наукой, наукой о душе, они вообще не занимаются. Таков твой Путь — он выбран тобой еще до рождения. Я уже обо всем распорядился; ты отправишься в Китай через пять дней. Пять дней! Только пять дней, а я-то надеялся на пять недель...

Молча возвращались мы с учителем в Шакпори. Лишь по прибытии в монастырь он вымолвил первые слова:

— Тебе нужно повидать родителей, Лобсанг. Я им пошлю письмо.

Родителей? Мой учитель стал для меня больше, чем мать и отец. И скоро он уйдет из жизни, уйдет до моего возвращения в Тибет через несколько лет. Все, что останется от него, это золотая статуя в зале инкарнаций, словно старое, поношенное платье, больше не нужное своему владельцу...

Пять дней! Пять напряженных дней. Я начал примерять западные одежды, хранившиеся в музее Поталы. В Китае они мне, конечно, не пригодятся, там я смогу носить привычное платье, но все же при случае нужно уметь представиться и в костюме. Ох этот костюм! Эти узкие, как трубы, брюки — как они жмут ноги! Я понял, почему на Западе не могут принять правильную позу лотоса — одежда не позволяет. Эти брюки, я чувствовал, испортят мне жизнь. На меня натянули белую рубашку, а вокруг шеи обернули и завязали узлом толстую ленту, словно для того, чтобы удушить меня! Потом надели пиджак с карманами. Вот куда, оказывается, европейцы прячут свои вещи! Но самое худшее было впереди. На ноги мне надели толстые тяжеленные перчатки и закрепили их с помощью черных шнурков с металлическими наконечниками. Они жали ноги, точно кандалы. У нас нищие, которые ходят на четвереньках, иной раз надевают такие перчатки. Но у нищих все-таки хватает ума надевать на ноги войлочные сапоги. Нет, меня сегодня определенно искалечат, и ни в какой Китай я не поеду. А перевернутый черный кувшин, который мне напялили на голову?! И это все называлось **джентльмен на прогулке**. Я подумал, что их джентльмены действительно ничем, кроме прогулок, не

занимаются — в таком костюме невозможно работать!

На третий день я пришел в отчий дом. Шел я один, пешком, как и в тот день, когда оставил дом. Но за это время я успел стать ламой и аббатом. Родители ждали меня и приняли как знаменитого гостя. Вечером я снова был в кабинете отца и расписался в семейной книге, куда внес и свои титулы. Сделав это, я снова пешком вернулся в свой монастырь, который уже давно стал мне родным домом.

Два последних дня прошли быстро. Накануне отъезда я еще раз повидался с Далай-ламой. Я попрощался с ним, и он благословил меня. На сердце было тяжело, когда я уходил от него. Мы оба знали, что увидимся только после смерти, в другом мире.

На следующий день с первыми лучами солнца отправились мы в дорогу. Мы двигались медленно и без всякого энтузиазма. Снова я был бездомным, меня ожидали чужие места и новая учеба. Все начиналось сначала. Достигнув вершины горного перевала, мы обернулись и долго смотрели в последний раз на священный город Лхасу.

Одинокий змей парил над храмом Потала...

